

Санкт-Петербургские епархиальные ВЕДОМОСТИ

Слово против отвергающих святые иконы
О. ИОАНН (КРЕСТЬЯНИН). КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ЖИЗНИ — БОГ
Прот. Чельцов. Воспоминания «смертника»
ИГОВИСТЫ И ИХ СЕКТА

Выпуск 10

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

Архиерейские богослужения и рукоположения	6
Рождественское приветствие Высокопреосвященнейшего Иоанна, Митрополита С.-Петербургского и Ладужского	12
Пасхальное приветствие Высокопреосвященнейшего Иоанна, Митрополита С.-Петербургского и Ладужского	13

Неофициальная часть СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

<i>Прп. Силуан Афонский. О познании Бога</i>	14
--	----

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

<i>Свят. Иоанн Златоуст. Согрешившему не должно отчаиваться в своем спасении</i>	17
--	----

ПРОПОВЕДЬ

<i>Архим. Иоанн (Крестьянкин). О святом праведном отце Иоанне Кронштадтском</i>	19
---	----

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

<i>Прот. Михаил Чельцов. Воспоминания «смертника»</i>	25
---	----

НАШИ ХРАМЫ

<i>И. В. Попов. Церковь Богоявления Господня на Гутуевском острове</i>	37
--	----

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 60-е ГОДЫ XX ВЕКА

<i>Игумен Иоанн. Воспоминания очевидца. (Продолжение)</i>	42
---	----

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

<i>Е. Поселянин. Идеалы христианской жизни. (Продолжение)</i>	46
---	----

Стихи: <i>А. Платонова. Приидите ко мне</i>	16
<i>Л. Либерцева. Перед иконой</i>	36
«О, Господи!..»	36
<i>В. С. Матерь Божия</i>	45

НАША ПОЧТА

50

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Редакторы отделов: В. В. Антонов, И. В. Попов; техн. редактор И. А. Шумакова; корректор И. Н. Смирнова; фото Ю. Г. Корытченкова, Ю. П. Костыгова, А. П. Маклова.
Адрес редакции: Обводный канал, 17.

Сдано в набор 22.07.93 г. Подписано в печать 2.07.93 г. Формат 60×90¹/₈. Бумага документальная. Печать офсетная. Печ. л. 12. Тираж 10 000 экз. Заказ 337

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

6 января 1992 года, в канун праздника Рождества Христова молебен в стенах Александро-Невской церкви Великокняжеской усыпальницы отслужил благочинный Петроградского округа прот. Павел Красноцветов. По решению президиума Петроградского районного Совета богослужения в храмах двух приходов Петропавловской крепости должны стать регулярными.

В Светлый праздник Рождества Христова, **7 января**, первая Божественная литургия была совершена в Крестовоздвиженской казачьей церкви, что на углу Лиговского проспекта и Обводного канала. Отслужил ее настоятель храма свящ. Владимир Сергиенко. В этот же день в Никольском Морском соборе Кронштадта был отслужен первый молебен настоятелем Владимирского крепостного собора свящ. Владиславом Клановцом.

11 января, в субботу по Рождестве Христовом, в г. Отрадном Кировского района области настоятелем Шлиссельбургского Благовещенского собора прот. Димитрием Амбарцумовым совершена заклад-

ка небольшой часовни и колодца, строительство которых будет вестись местным центром традиционного народного творчества.

13 января решением Петербургского Совета народных депутатов Санкт-Петербургской епархии возвращены и переданы в безвозмездное пользование церковь св. Александра Невского в поселке Усть-Ижора и часовня при ней.

1 (14) января, в праздник свт. Василия Великого, по благословению Митрополита С.-Петербургского и Ладожского Иоанна в Петербурге на Сергиевской улице, 23, открылась бесплатная столовая для малоимущих «У Ильиной»: ежедневно здесь питаются 100 человек, а 50 инвалидов и престарелых обслуживаются на дому. Столовая была освящена ректором Петербургских Духовных школ прот. Владимиром Сорокиным.

15 января, в праздник преп. Серафима Саровского Чудотворца, в пещерном Серафимовском храме государева Феодоровского собора в Царском Селе состоялся первый молебен преп. Серафиму Саровскому. Совершил его настоятель собора игумен Сергей (Кузьмин).

18 января, в субботу пред Богоявлением, в храме Спаса Нерукотворного Образа на Румболовской горе, близ Всеволожска, по случаю 49-й годовщины прорыва блокады, состоялась панихида по петербуржцам-ленинградцам, погибшим в блокадном городе и на Дороге Жизни. После панихиды крестный ход, возглавляемый настоятелем храма прот. Игорем Скопцем, обошел местное кладбище, где похоронены погибшие.

23 января под председательством Митрополита С.-Петербургского и Ладожского Иоанна в его покоях в здании Духовных академии и семинарии состоялось заседание Епархиального Совета. На Совете рассматривался вопрос об организации празднования 250-летнего юбилея Санкт-Петербургской епархии, который будет отмечаться в сентябре сего года. Начало празднования решено было приурочить к празднику перенесения мощей св. благ.

Крестный ход вокруг храма Спаса Нерукотворного на Румболовской горе во Всеволожске

князя Александра Невского — 12 сентября и, возможно, совместить с актовым днем в петербургских Духовных академии и семинарии. Решено было издать сборник по истории епархии и изготовить памятную медаль. Перед началом празднования, по желанию Владыки Иоанна решено было провести научную конференцию. Организация ее была поручена Духовным школам Петербурга. Детальный проект программы торжеств Совет предложил составить прот. Богдану Сойко и архим. Назарию (Лаврененко). Был также решен вопрос финансирования юбилея.

25 января в Кронштадтском Никольском Морском Соборе и **26 января** в Петербургском Николо-Богоявленском кафедральном соборе были отслужены панихиды в память 100-летия со дня смерти Великого Князя Константина Николаевича, генерал-адмирала Русского Флота, возглавлявшего в 1853—1862 гг. Морское министерство.

29 января под председательством Митрополита Иоанна в Духовных академии и семинарии состоялось второе в январе заседание Епархиального Совета. Рассматривался вопрос о возможности объединения приходов Спасо-Парголовского и Александро-Невского храмов в Шувалове. Настоятель Александро-Невского храма свящ. Александр Жарков, аргументируя свои слова цифрами, доказал несомненную рентабельность своего храма. Настоятель Спасо-Парголовской церкви прот. Василий Лесняк также высказался о нецелесообразности объединения приходов, так как это будет идти вразрез со сложившимися традициями и не принесет епархии пользы. О. Василий подчеркнул, что священники Александро-Невской церкви осуществляют особые требоисполнения — отпевание покойных непосредственно в больницах. Оба настоятеля просили Владыку не объединять приходы. Епархиальный Совет постановил оставить приходы Александро-Невской и Спасо-Парголовской церквей в Шувалове в прежнем состоянии.

Епархиальный Совет рассмотрел и обсудил запрос директора городского молочного завода № 2 Г. К. Василенко о восстановлении храма Феодоровской иконы Божией Матери в память 300-летия Дома Романовых и постановил, что храм епархия намерена восстанавливать. Совет принял также программу празднования 250-летия юбилея петербургской епархии, разработанную прот. Богданом Сойко и архим. Назарием, и так как юбилей совпадает с проведением «Невских хоровых ассамблей», то перед выступлением хоров решено позволить проповеди священников на тему празднования.

Была удовлетворена просьба протоиерея Виктора Голубева об освобождении его от обязанностей секретаря Епархиального управления в связи с болезнью. Прот. Виктору вынесена благодарность за многолетний и добросовестный труд на благо Церкви. На должность секретаря Епархиального Управления назначен прот. Александр Кудряшов.

27 января во всех храмах города и области были отслужены благодарственные молебны по случаю годовщины окончательного снятия блокады. Горящие свечи и хлеб можно было видеть в этот день на надгробных плитах Пискаревского, Серафимовского,

Во время панихиды по Ф. М. Достоевскому на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Большеохтинского и других городских кладбищ. В 12 часов на могилах погибших в блокаду были отслужены панихиды, а к памятникам возложены венки и цветы. По благословию Митрополита Иоанна на Пискаревском кладбище, где в дни блокады было похоронено около 300 тысяч человек, будет возведен храм Усекновения главы Иоанна Предтечи. В состав приходского совета вошли блокадники, православные депутаты Калининского района города.

1 февраля состоялось освящение медицинской гимназии имени Нобеля (б. 623 школа) на улице Есенина. Обучение в школе раздельное, с 6 лет. В программу включено обязательное изучение Закона Божия. Освятил гимназию настоятель Спасо-Парголовской Церкви прот. Василий Лесняк.

7 февраля, в день памяти Новых Мучеников Российских (установленный на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917—1918 годов) в храмах Петербурга и области были отслужены панихиды по умученным от безбожной власти. В некоторых церквях совершалась служба свв. новомученикам и исповедникам Российским.

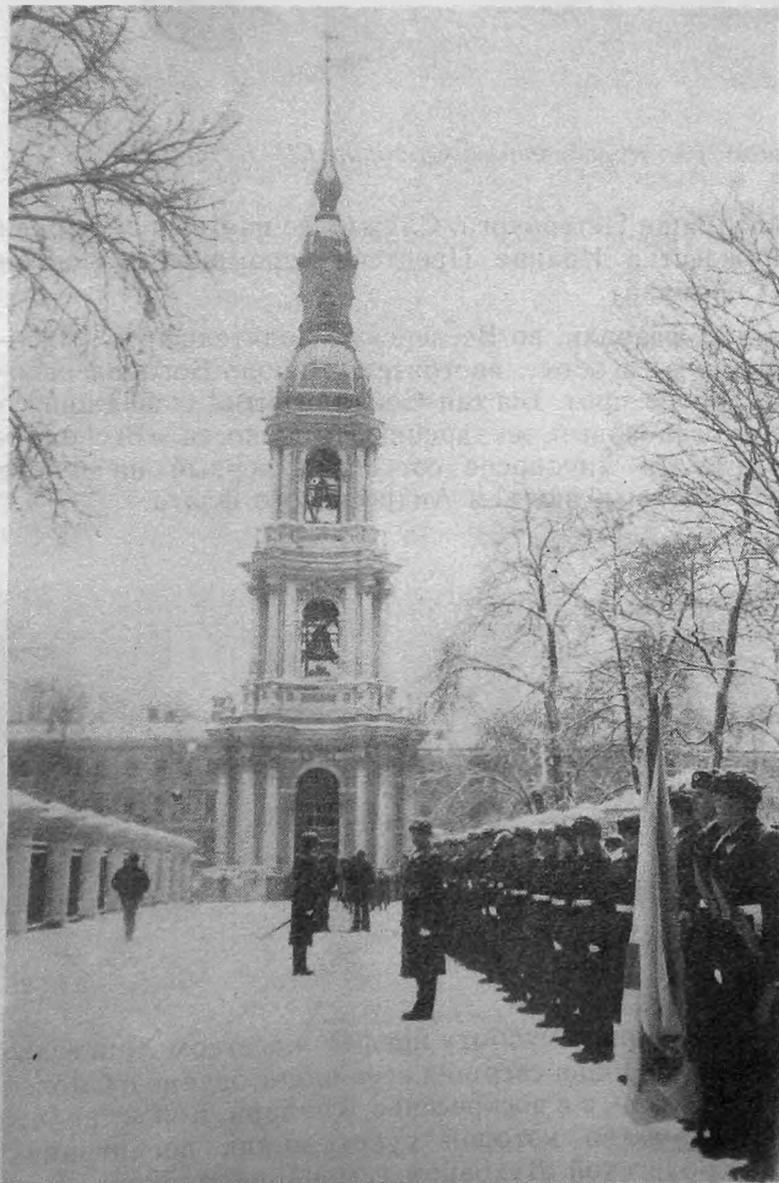
Освящение Андреевского флага С.-Петербургской военно-морской базы в Николо-Богоявленском соборе.

9 февраля, в день 110-й годовщины со дня смерти Ф. М. Достоевского, на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры, где он похоронен, свящ. Иоанном Скориком из Свято-Троицкого собора Лавры была отслужена панихида.

10 февраля, в годовщину смерти А. С. Пушкина, по традиции, в Спасо-Конюшенной церкви города ее настоятель прот. Константин Смирнов служил панихиду по поэту.

11 февраля в Крестовоздвиженской казачьей церкви, в День казачьей скорби, отмечаемый в годовщину трагической гибели атамана Войска Донского Алексея Максимовича Каледина (1861—1918), состоялась панихида по казакам, павшим при служении Отечеству — убитым, замученным, умершим в тюрьмах и от голода, погибшим в годы междоусобной брани на фронтах Гражданской войны. Отслужил панихиду настоятель храма свящ. Владимир Сергиенко.

На состоявшемся **12 февраля** открытом заседании Межконфессионального консультативного совета, созданного при мэрии, Митрополит Иоанн уведомил его организаторов, что православные не войдут в этот совет. Католики также отказались войти в него.

Военный парад перед Николо-Богоявленским кафедральным собором после освящения Андреевского флага Петербургской военно-морской базы.

С.-Петербург. Церковь свв. правв. Симеония и Анны. Настоятель церкви свящ. Олег Скобля совершает первый молебен в стенах храма.

15 февраля, в праздник Сретения Господня, в Николо-Богоявленском кафедральном соборе состоялось освящение возвращенного Российскому Военно-Морскому флоту Андреевского флага. Настоятель собора прот. Богдан Сойко, освятив Андреевский флаг Петербургской Военно-Морской базы, вручил его командиру базы вице-адмиралу В. Е. Селиванову со словами: «Господин вице-адмирал, начальник С.-Петербургской Военно-Морской базы, прими знамя сие, небесным благословением освященное и окропленное». Став на колени, вице-адмирал В. Е. Селиванов поцеловал знамя. По праздничным дням освященный в этот день Андреевский флаг будет подниматься над Адмиралтейством.

16 февраля, в праздник свв. правв. Симеония и Анны в церкви их имени, что на Моховой, настоятелем храма свящ. Олегом Скоблей был отслужен молебен правв. Симеонию и Анне в честь престольного праздника. С.-Петербургская епархия давно настаивает на возвращении храма. Однако Музей метеорологии, размещавшийся в нем, сдает православный храм под баптистские молитвенные собрания, коммерческие выставки, концерты и не желает пускать в храм православных. Доведенные ложью и невозможностью больше терпеть, миряне из С.-Петербургского Союза Православных и общины храма, после молебна в день престольного праздника заняли храм. Молящимся и присутствующим в храме было роздано обращение, в котором сообщалось о перипетиях борьбы за возвращение храма верующим. «Я не могу одобрить подобных ваших действий, — сказал мирянам о. Олег, — я сторонник молитвенного делания. Но и запретить не могу. И, поскольку вы идете на это, благословляю вас!». После переговоров директор музея А. Мамедов заявил, что готов подписать договор с общиной, что и сделал к 22 часам. Завершился престольный праздник в храме благодарственным молебном.

Панихида по мученику архиепископу Илариону (Троицкому) на Новодевичьем кладбище С.—Петербургга.

21 февраля Петербургской Митрополии передан Феодоровский городок в память 300-летия Дома Романовых в Царском Селе. Здесь разместится петербургский реставрационный центр Московской Патриархии.

26 февраля братством Державной Божией Матери была отслужена панихида по умершему в заточении архиепископу Верейскому Илариону (Троицкому) († 15/28 февр. 1929 г.) на Новодевичьем

кладбище Петербурга. Служил ее настоятель церкви Рождества Иоанна Предтечи иеромонах Валентин (Соломаха).

29 февраля, во Вселенскую родительскую (мясопустную) субботу, настоятель Николо-Богоявленского собора прот. Богдан Сойко освятил сошедший со стапелей новый эскадренный миноносец «Беспокойный». На миноносце состоялся первый на Флоте официальный подъем Андреевского флага.

АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ И РУКОПОЛОЖЕНИЯ

2 января 1992 года, в день кончины св. прав. Иоанна Кронштадтского, Высокопреосвященнейший Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн свершил Божественную литургию в С.-Петербургском Иоанновском монастыре на Карповке, после чего приложился к гробнице великого молитвенника Земли Русской, почивающего в нижнем монастырском храме во имя свв. пророка Илии и царицы Феодоры.

4 января, в субботу пред Рождеством Христовым Владыка Иоанн свершил всенощное бдение в Смоленской церкви, а в воскресенье, 5 января, Божественную литургию, за которой рукоположил воспитанника Петербургской Духовной семинарии диакона Александр-Невской церкви в Шувалове Александра Захарова во иерея, назначив его настоятелем недавно возвращенной церкви Богоявления Господня на Гутуевском острове.

*С.-Петербург. Исаакиевский собор. Великая вечерня
в праздник Светлого Рождества Христова.*

6 января, в Рождественский сочельник Митрополит Иоанн возглавил всенощное бдение в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

В светлый праздник Рождества Христова Владыка Иоанн совершил в Николо-Богоявленском кафедральном соборе Божественную литургию, за которой рукоположил диакона Александро-Невской церкви в Красном Селе Дмитрия Галкина во иерея, оставив его служить в том же храме. После богослужения Владыка, поздравив всех со Светлым Праздником, произнес проповедь, в которой призвал каждого православного принести родившемуся в Вифлееме в эту ночь Спасителю наши молитвы, доброту и любовь. Митрополит Иоанн побеседовал также с прихожанами Никольского собора о необходимости развивать народное пение в храме.

В 5 часов вечера Его Высокопреосвященство соборно с духовенством Петербургской епархии совершил в бывшем кафедральном Исаакиевском соборе Великую вечерню. Около пяти тысяч человек собралось под своды собора на это торжество. Народ молился с большим религиозным подъемом, чему немало способствовал замечательный хор Спасо-

*За Божественной литургией в новоосвященном
центральном приделе собора Михаила Архангела
в Ораниенбауме*

Преображенского собора. После богослужения Владыка Иоанн дал интервью местному телевидению, в котором подтвердил свою твердую позицию по вопросу необходимости полного возвращения Церкви Исаакиевского и Казанского соборов, а также других храмов, используемых под музеи.

18 января, в канун Богоявления Господня, Митрополит Иоанн совершил в Николо-Богоявленском соборе всенощное бдение, а в сам праздник Святого Крещения, **19 января**, — в верхнем Богоявленском храме собора Божественную литургию и по заамвонной молитве совершил великое освящение воды.

25 января, в субботу по Богоявлению, Митрополит Иоанн служил всенощное бдение, а в воскресенье, **26 января**, Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, за которой рукоположил Алексея Амбарцумова во диакона, назначив его ко служению в Благовещенский собор г. Шлиссельбурга.

1 февраля, в субботу, Митрополит Иоанн совершил всенощное бдение в Смоленской церкви, а на следующий день, в воскресенье, **2 февраля**, в праздник преп. Евфимия Великого, торжественно освятил в Ораниенбаумском Михайловском соборе (г. Ломоносов) главный престол во имя Архистратига Божия Михаила, а затем совершил на нем первую Божественную литургию. За литургией Владыка рукоположил Андрея Ермошина во диакона, назначив его ко служению во Владимирскую церковь Петербурга. Затем Владыка обратился к прихожанам с горячей проповедью о покаянии и страхе Божиим, необходимости избегать малейшего греха.

5 февраля, в канун празднования памяти блаж. Ксении Петербургской Митрополит Иоанн совершил при огромном стечении народа всенощное бдение в церкви Смоленской Божией Матери, после чего обратился к молящимся с проповедью о борьбе сил сатанинских с Церковью Христовой, обличив еретиков и безбожников.

6 февраля, в сам праздник, Митрополит Иоанн, в сослужении епископа Ульяновского и Мелекесского Прокла, епископов Новгородского и Старорусского Льва и Петрозаводского и Олонецкого Мануила совершил Божественную литургию в Смоленской церкви, за которой епископ Прокл рукоположил диакона Сергея Кутузова во пресвитера, назначенного ко служению в Екатерининском соборе г. Кингисеппа (Ямбурга). После богослужения в часовне блаж. Ксении Петербургской был отслужен молебен святой заступнице нашего города.

8 февраля, в субботу, Владыка совершил всенощное бдение, а в воскресенье, **9 февраля**, — Божественную литургию в Никольском соборе, за которой рукоположил воспитанника Духовной семинарии Александра Амелина во диакона, назначив его в Крестовоздвиженскую церковь на Лиговском проспекте.

11 февраля Митрополит Иоанн служил всенощное бдение в Спасо-Парголово-Вской церкви, а на следующий день, **12 февраля**, в праздник Трех Святителей Вселенских — Божественную литургию в Дмитриевской Коломяжской церкви, за которой во диакона им

был рукоположен студент III курса Петербургской Духовной Академии Борис Устименко.

14 февраля, в канун праздника Сретения Господня, Владыка Иоанн свершил всенощное бдение в Николо-Богоявленском соборе, а в субботу, **15 февраля**, в самый праздник — Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, поздравив православных с праздником и преподав архипастьерское благословение.

17 февраля Митрополит Иоанн отбыл поездом в Москву для участия в работе Священного Синода и Комиссии по канонизации. В праздник Иверской иконы Божией Матери и свт. Алексия Митрополита Московского, **25 февраля** Владыка Иоанн сослужил Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию и приехавшим на День Ангела Святейшего архиереям за Божественной литургией в Патриаршем Богоявленском соборе в Елохове и на следующий день вернулся в Петербург. **29 февраля** и **1 марта** Владыка на два дня выезжал в Новгород.

В субботу, **7 марта**, Митрополит Иоанн свершил всенощное бдение в Николо-Богоявленском соборе, а в Прощеное воскресенье, **8 марта**, — Божественную литургию в том же храме, за которой рукоположил Александра Червонного во диакона и диакона Свято-Ильинской церкви на Пороховых Андрея Клокова — во пресвитера, оставив его служить в том же храме. Вечером, перед началом Великого поста Владыка совершил чин прощения в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

В субботу первой седмицы Великого поста, **14 марта**, на память вмч. Феодора Тирона Владыка Иоанн совершил в Никольском соборе Божественную литургию, за которой рукоположил Игоря Сояка во диакона, оставив служить в Николо-Богоявленском соборе. Вечером Владыка совершил всенощное бдение в церкви Владимирской иконы Божией Матери, а в праздник Торжества Православия, **15 марта** — Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, за которой рукоположил псаломщика Покровского собора Гатчины Сергия Маркова во диакона, оставив его служить в названном храме, и диакона того же собора Николая Митрофанова — во иерея, назначив его настоятелем Покровского собора в Гатчине.

В воскресенье второй седмицы Великого поста, **22 марта**, в праздник Сорока Мучеников Севастийских за Божественной литургией в церкви Владимирской Божией Матери архиепископ Никон рукоположил иеродиакона Феохтиста (Кириленко) во иеромонаха. Он назначен Митрополитом Иоанном ко служению в Казанском соборе Петербурга.

Вечером Митрополит Иоанн свершил всенощное бдение и чин поклонения Кресту в Николо-Богоявленском соборе. В воскресенье, **29 марта**, в Князь-Владимирском соборе вел Божественную литургию, за которой рукоположил Анатолия Шипулина во диакона, назначив его в Петропавловскую церковь Вырицы; диакона Алексея Амбарцумова — во иерея, оставив его служить в Благовещенском соборе Шлиссельбурга. Вечером Митрополит Иоанн отбыл

С.-Петербург. Князь-Владимирский собор. Вечерня Великой Субботы. Чин погребения.

из Петербурга в Москву на Архиерейский собор Русской Православной Церкви, в работе которого в Свято-Даниловском монастыре Владыка принимал участие **31 марта — 4 апреля 1992 года.**

4 апреля, в субботу четвертой седмицы Великого поста Архиерейским собором за Божественной литургией в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля было совершено прославление во святых: препп. схимонаха Кирилла и схимонахини Марии — родителей преподобного Сергия Радонежского; Новомучеников Российских: сщмч. Митрополита Владимира Киевского и Галицкого († 25.01.1918), возглавлявшего Петербургскую епархию в 1912—1915 гг.; сщмч. Митрополита Вениамина Петроградского, сщмч. архимандрита Сергия и иже с ними в Петрограде убиенных мчч. Иоанна и Юрия († 13.08.1922), преподобномучениц Алапаевских: Великой Княгини Елисаветы и инокини Варвары († 5.07.1918).

5 апреля, в воскресенье, Митрополит Иоанн принял участие в торжественном перенесении архиереями св. мощей Патриарха Московского и Всея Руси Тихона († 25.03.1925), чудесно обретенных **19 февраля 1992 г.**, из Малого в Большой соборный храм Донского монастыря в Москве и сослужил в этот день Святейшему Патриарху Алексию в сонме иерархов за Божественной литургией в Большом соборе иконы Донской Божией Матери названного монастыря. **6 апреля** Владыка Иоанн вернулся в С.-Петербург.

В канун праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, **6 апреля**, Митрополит Иоанн совершил всенощное бдение, а в самый праздник **7 апреля** — Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, за которой рукоположил воспитанника Духовной семинарии Михаила Пукальского во диакона, назначив его в Екатерининский собор Кингисеппа (Ямбурга). В проповеди Владыка, пояснив, почему праздник Благовещения есть «спасения нашего главизна», поздравил молящихся с праздником.

Вечером **10 апреля**, в канун празднования Похвалы Пресвятой Богородицы (субботы Акафиста), Митрополит Иоанн совершил чтение акафиста Божией Матери в Иоанно-Богословском храме петербургских Духовных школ.

В субботу, **11 апреля**, Владыка Иоанн совершил всенощное бдение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. В воскресенье 5-й недели Великого поста — Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Лавры, за которой рукоположил Олега Нецветаева во диакона, назначив его в Князь-Владимирскую церковь пос. Лисий Нос. После литургии Митрополитом Иоанном в сослужении сонма иереев был отслужен впервые в Петербурге молебен препп. Кириллу и Марии, сщмчч. Владимиру, Вениамину и Сергию, мчч. Юрию и Иоанну, прпмцц. Елизавете и Варваре. Владыка сообщил прихожанам о деяниях Архиерейского собора и о состоявшемся прославлении свв. родителей Сергиевых и Новомучеников Российских.

В Лазареву субботу, **18 апреля**, Владыка Иоанн совершил всенощное бдение и освящение вай в Николо-Богоявленском соборе, а в Вербное

воскресенье, 19-го, в день празднования Входа Господня в Иерусалим — Божественную литургию, за которой рукоположил чтеца Анатолия Трохина во диакона (назначен в Спасо-Парголовскую церковь) и диакона Олега Нецветаева — во иерея, оставив его служить в Князь-Владимирской церкви Лисьего Носа.

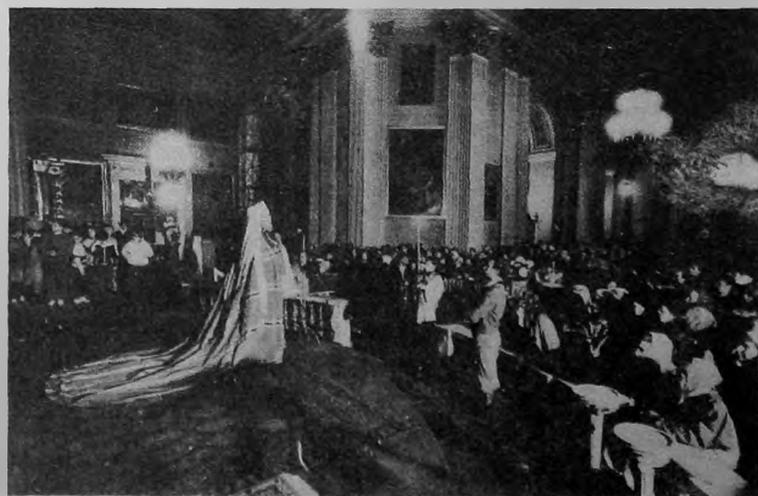
На Страстной седмице, в Великую Среду, **22 апреля**, Митрополит Иоанн свершил в Спасо-Преображенском соборе литургию Преждеосвященных Даров, за которой рукоположил Павла Иванова во диакона, назначив его диаконом-псаломщиком в Николо-Богоявленский собор. Вечером Владыка совершил чин умовения ног в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

В Великий Четверток, **23 апреля**, Митрополит Иоанн совершил Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, за которой посвятил выпускника Духовной семинарии Иоанна Сахарука во диакона, назначив его в церковь Вознесения Господня в Колпино, диакона Михаила Пукальского — во пресвитера, оставив его служить в Екатерининском соборе Ямбурга (Кингисеппа). Вечером Владыка совершил чтение Евангелий Последования Святых Страстей Христовых (12 Евангелий) в Николо-Богоявленском соборе.

В Страстную Пятницу, **24 апреля**, Митрополит Иоанн в два часа дня совершил в Николо-Богоявленском соборе вечерню Великой Субботы и изнесение из алтаря Св. Плащаницы. Вечером Великой Пятка Владыка совершил в Князь-Владимирском соборе Петербурга утреню Великой Субботы и после пения великого славословия во главе сонма духовенства под пение погребального «Святый Боже...» — обнесение Св. Плащаницы вокруг храма и чин погребения.

В Великую Субботу, **25 апреля**, Владыка совершил Божественную литургию в Николо-Богоявленском соборе, за которой рукоположил чтеца Вячеслава Паско во диакона (Спасо-Парголовская церковь).

В праздник Светлого Христова Воскресения Высокопреосвященнейший Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн возглавил праздничное богослужение в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. После полунощницы

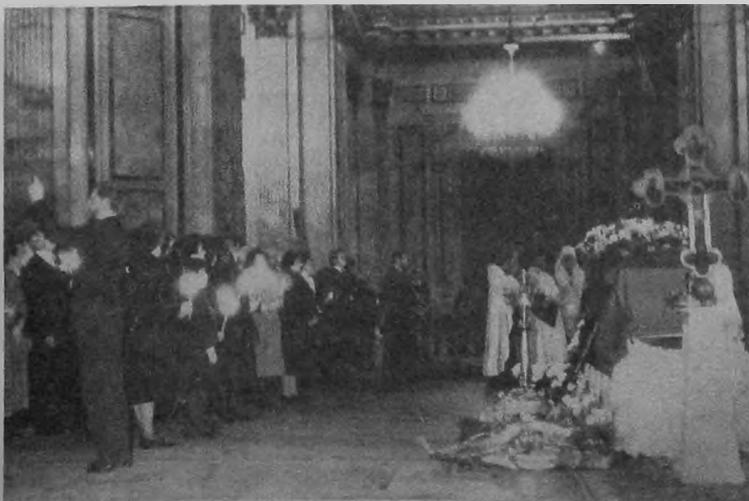
Пасха. Светлое Христово Воскресение. Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры.

под колокольный звон и пение «Воскресение Твое Христе Спасе...» Владыка во главе духовенства собора крестным ходом обошел храм, свершил Пасхальную утреню и Божественную литургию. Тысячам пришедших в храм прихожан с амвона клириком собора прот. Иоанном Варламовым было зачитано Пасхальное послание Патриарха Алексия и архипастырское приветствие Митрополита Иоанна. Владыка после богослужения сам тепло поздравил всех православных с праздником Святой Пасхи.

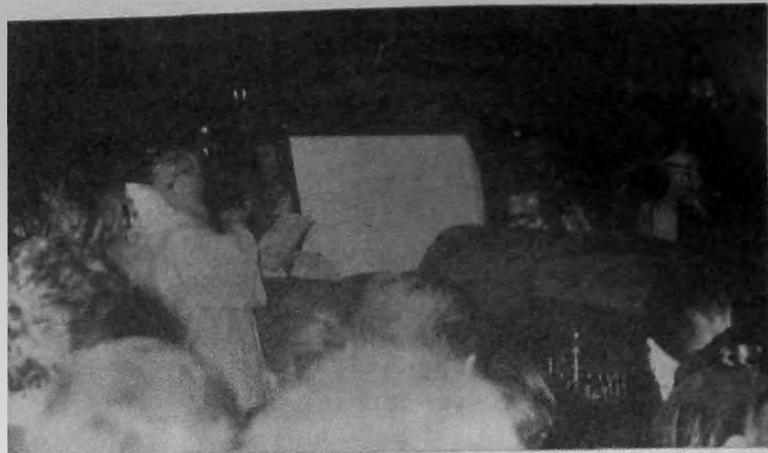
Великую Вечерню в праздник Воскресения Христова Владыка Митрополит совершил в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. В понедельник Светлой седмицы, **26 апреля**, Владыка Иоанн совершил Божественную литургию в Спасо-Преображенском соборе, вечером — великую вечерню в Исаакиевском соборе. С праздником Светлого Христова Воскресения от имени духовенства и мирян епархии Владыку поздравил ктитор Спасо-Преображенского собора прот. Борис Глебов. В ответном слове Митрополит Иоанн поблагодарил за поздравление, поздравил всех еще раз с праздником и христосовался с иереями и мирянами, молившимися в Исаакиевском соборе, одарив их пасхальными яйцами. В заключение богослужения Его Высокопреосвященство благословил собравшихся.

Во вторник Светлой седмицы, **28 апреля**, Митрополит Иоанн в 4 часа дня в аэропорту «Пулково» встречал тело покойного Главы Российского Императорского Дома князя Владимира Кирилловича Романова († 21.04.1992). В сопровождении родных и близких гроб с телом князя был доставлен в Исаакиевский собор, где Митрополит Иоанн в сослужении клириков Спасо-Преображенского собора отслужил панихиду по почившему.

В среду Светлой седмицы в Петербург прибыл Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. В этот день, **29 апреля**, им, в сослужении Митрополита Иоанна и епископа Истринского Арсения в Исаакиевском соборе была совершена Божественная литургия и отпевание почившего в Бозе князя Владимира Кирилловича. Тысячи православных пришли в храм проститься с умершим. Днем гроб

Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн совершает панихиду по князю Владимиру Кирилловичу в Исаакиевском соборе 28 апреля 1992 г.

Святейший Патриарх Алексий II отвечает Его Светлость князя Владимира Кирилловича Романова в Исаакиевском соборе 29 апреля 1992 г.

с телом покойного был доставлен в Александро-Невскую Лавру, где поставлен для прощания горожан в Никольской кладбищенской церкви до захоронения князя в Великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости, долженствующего совершиться в мае сего года. Вечером этого же дня Святейший Патриарх Алексий совершил великую вечерню в верхнем храме Иоанновского женского монастыря; в ночь на **30 апреля** Его Святейшество и Преосвященный епископ Арсений отбыли в Москву.

Святейший Патриарх Алексий II за Великой вечерней в С.-Петербургском Иоанновском женском монастыре.

В четверг Светлой седмицы, **30 апреля**, Митрополит Иоанн совершил поездку в Самару (на день Ангела Митрополита Мануила 18.04 (1.05 н. ст.)), а **6—7 мая** принял участие в расширенном заседании Священного Синода в Москве. По возвращении своем в Петербург, **19 мая**, в праздник прав. Иова Многострадального, Владыка свершил Божественную литургию в церкви прав. Иова на Волковом кладбище. В праздник Преполовения Пятидесятницы, **20 мая**, Владыка свершил всенощное бдение в храме петербургских Духовных школ, а наутро, в день престольного праздника академического храма во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова — Божественную литургию в том же храме, за которой рукоположил воспитанника семинарии Игоря Ивоина во диакона. В проповеди Митрополит предостерег православных от захлестнувших Россию еретических и сектантских учений, книг и кинофильмов. В этот же день в Духовных школах по случаю праздника состоялся торжественный годичный акт, на котором выступил Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн.

Накануне празднования перенесения мощей свят. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар, Владыка Иоанн свершил всенощное бдение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе, а в самый

праздник, **22 мая** — Божественную литургию, после чего вокруг храма был совершен крестный ход с месточтимым образом Святителя Николая Чудотворца.

29 мая состоялось захоронение тела Великого Князя Владимира Кирилловича в Великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости. По захоронении Владыка Иоанн отслужил панихиду по князю над его могилой в Александро-Невской церкви усыпальницы.

30 и 31 мая Митрополит Иоанн находился в Пскове по случаю юбилейных торжеств, приуроченных к 750-летней годовщине Ледового побоища на Чудском озере (1242). Накануне Вознесения Митрополит Иоанн свершил всенощное бдение в Николо-Богоявленском соборе. В самый праздник Вознесения Господня 4 июня — Божественную литургию в названном храме, поздравив молящихся и произнеся проповедь.

С **8 по 11 июня** Митрополит Иоанн находился в Москве, где по случаю второй годовщины интронизации Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия сослужил ему за Божественной литургией в Патриаршем соборе Богоявления Господня в Елохове.

Праздник святителя Николая Чудотворца в Николо-Богоявленском кафедральном соборе.

АРХИПАСТЫРСКОЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

*Велие и преславное чудо совершился
днесь (стихира на стиховне).*

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ ПАСТЫРИ И ВЕРНЫЕ ЧАДА!

Воистину великое и преславное ЧУДО совершилось ныне. Бог необъятый существом, Творец вселенной, не имеющий ни начала ни конца принимает нашу человеческую плоть и нашу душу, воплощается от Духа Святаго и МАРИИ Девы. Снисходит с небес на землю, но не отлучается ОТЦА. Не чудо ли в том, возлюбленные, если человек, достойный праведного осуждения за свои грехопадения, обретает Божественную любовь, и Сын Божий, Сын Девы бывает и уготовляет Своим явлением в мир спасение нам грешным?

Да, это ЧУДО! Великое оно и преславное. Увидев это чудо, Ангели воспели, пастыри прославили, а волхвы персидские поклонились Ему. Вместе с ними и мы с вами, ликуя, празднуем светло, и Христа славословим сердцем и устами.

В радости духовной приветствую всех вас, возлюбленные пастыри и чада, с великим праздником РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА и наступившим новолетием!

Да дарует всем нам Родившийся в Вифлееме ХРИСТОС СПАСИТЕЛЬ твердую веру, неизменную надежду и горячую любовь.

Благодать ГОСПОДА нашего ИИСУСА ХРИСТА да будет со всеми вами. АМИНЬ.

ИОАНН,
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский

*Рождество Христово
1992 г.*

АРХИПАСТЫРСКОЕ ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

*«Небеса убо достойно да веселятся,
земля же да радуется: да празднует же
мир, видимый же весь и невидимый,
Христос бо воста, веселие вечное».*

(Тропарь Канона 1-й песни).

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ О ГОСПОДЕ ПАСТЫРИ И ВЕРНЫЕ ЧАДА! ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Вы слышите, как в нынешний светлый день ПАСХИ Церковь Христова призывает небо и землю, мир видимый и невидимый достойно веселиться и праздновать. Объединиться всем нам: людям, ангелам и природе, в общее празднование, в единоедушное ликование. Ибо «воста Христос, веселие вечное».

И внимлет голосу Церкви небо и земля, мир видимый и невидимый: все ныне радуется и веселится.

Природа торжествует, ибо чувствует освобождение себя от истления «в свободу чад Божиих» (Рим. 8, 21).

Ангелы славословят ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ, как ПОБЕДИТЕЛЯ смерти и радуются, что и отпавшему некогда от Бога человеку возвращается ныне первозданное достоинство.

Мы же, возлюбленные, преисполнены ликования, ибо чувствуем сердцем своим, что Воскресший ХРИСТОС открыл нам двери рая и сделал свободным путь к древу жизни.

Да ничто не омрачит наше сегодняшнее торжество: ни суета житейская, ни болезни и ничто скорбное в мире сем.

Приветствую всех вас, возлюбленные пастыри и верные чада, с великой ПАСХОЙ и в радости сердечной вместе со всеми вами возвещаю великую истину: ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Благодать Воскресшего Господа нашего ИИСУСА ХРИСТА да будет со всеми вами.

Пасха Христова
1992

ИОАНН,
Митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский

Неофициальная часть

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Силуан Афонский

О ПОЗНАНИИ БОГА

Так возлюбил нас Отец, что Сына Своего дал нам; но и Сын Сам восхотел, и воплотился, и жил с нами на земле. И Святые Апостолы и множество людей видели Господа во плоти, но не все познали Его как Господа; а мне, многогрешному, Духом Святым было дано познать, что Иисус Христос есть Бог.

Господь любит человека и является ему, как Сам Он изволяет. И душа, когда увидит Господа, то смиренно возрадуется милосердию Владыки, и уже ничего другого не может возлюбить так, как любит своего Творца; хотя она и будет все видеть и всех любить, но больше всего любит Господа.

Душа знает эту любовь, но передать словами не может: она познается только Духом Святым, кому Его даст Господь.

Душа вдруг видит Господа и познает Его.

Кто опишет эту радость и веселие?

В Духе Святом познается Господь, и Дух Святой бывает во **ВСЕМ ЧЕЛОВЕКЕ**: и в **ДУШЕ**, и в **УМЕ**, и в **ТЕЛЕ**. Так познается Бог и на небе и на земле.

Господь по безмерной милости Своей дал мне, грешному, сию благодать, дабы люди познали Бога и обратились к Нему.

Пишу от лица Божия милосердия.

Ей, истину, Свидетель мне Сам Господь.

Господь любит нас, как Своих детей, и любовь Его больше, чем любовь матери, потому что и мать может забыть свое дитя, а Господь **НИКОГДА** не забывает нас. И если бы Сам Господь не дал Духа Святого православному народу и нашим великим пастырям, то не могли бы мы знать о том, как много Он нас любит.

Слава Господу и Его великому милосердию, что Он грешным людям дает благодать Святого Духа. Богатые и цари не знают Господа, а мы, нищие монахи и пастухи, знаем Господа Духом Святым.

Чтобы познать Господа, не надо иметь ни богатства, ни учености, но надо быть послушливым и воздержанным, иметь смиренный дух и любить ближнего, и Господь возлюбит такую душу, и Сам явит Себя душе, и будет учить ее любви и смирению, и все полезное даст ей, чтобы она обрела покой в Боге.

Сколько бы мы ни учились, все равно невозможно познать Господа, если не будем жить по Его заповедям, ибо Господь познается не наукою, а Духом Святым. Многие философы и ученые дошли до веры, что Бог есть, но Бога не познали. И мы, монахи, учимся в законе Господнем день и ночь, но далеко не все познали Бога, хотя и веруют. Иное дело веровать, что есть Бог, и иное — знать Бога.

Вот тайна: есть души, которые познали Господа; есть души, которые не познали Его, но веруют; а есть

и такие, которые не только не познали, но и не веруют; и среди них есть даже ученые люди.

Но неверие бывает от гордости. Горделивый человек своим умом и наукою хочет познать все, но ему не дается познать Бога, потому что Господь открывается только смиренным душам. Смиренным душам Господь показывает Свои дела, которые непостижимы для нашего ума, но открываются Духом Святым. Простым умом можно познавать только земное, и то отчасти, а Бог и все небесное познаются Духом Святым.

Некоторые всю жизнь трудятся, чтобы узнать, что есть на солнце, или на луне, или иное что, но вот нет пользы от этого душе. А если будем стараться узнать, что есть внутри сердца человеческого, то увидим: в душе святого — Царствие небесное, а в душе грешного — мрак и мучение. И это полезно знать, потому что мы вечно будем пребывать или в Царстве или в мучениях.

Ленивый молится с любопытством, испытывает все, что видит на земле и на небе, а какой Господь, о том не знает и не старается узнать, и когда слышит учение о Боге, то говорит: «Ну, как можно знать Бога? И ты откуда знаешь Его?»

Скажу тебе: «Дух Святой свидетельствует. Он знает и нас учит».

«А разве Дух виден?»

Апостолы видели Его сошедшим в огненных языках, а мы чувствуем Его в себе. Он сладкий паче всего земного. Его вкусили Пророки и говорили народу, и народ внимал им. Святые Апостолы приняли Духа Святого и проповедовали людям спасение, ничего не боясь, ибо Дух Божий укреплял их. Апостол Андрей сказал Игемону, который угрожал его распять, если он будет проповедовать: «Если бы я боялся креста, я бы его не проповедовал».

Так и все другие Апостолы, а затем мученики, а после святыя подвижники с радостью шли на мучения и страдания. И все это потому, что Дух Святой, благой и сладкий, влечет душу любить Господа, и от сладости Духа Святого душа не боится страданий.

Многие святыя мученики в страданиях познали Господа и помощь Его. Многие монахи несут большие подвиги и тяжелые труды ради Господа; и они познали Господа и борются, чтобы победить в себе страсти, и молятся за всю вселенную, и благодать Божия учит их любить врагов, потому что кто не любит врагов, тот не может познать Господа, который умер на кресте за врагов, и дал нам образ в Себе, и дал нам заповедь любить врагов.

Господь есть любовь; и нам повелел любить друг друга, и любить врагов; и Дух Святой учит нас этой любви.

Душа, которая не познала Духа Святого, не разумеет, как можно любить врагов, и не принимает этого; но Господу всех жалко, и кто хочет быть с Господом, тот должен любить врагов.

Кто познал Господа, Духом Святым, тот становится похож на Господа, как сказал Иоанн Богослов: «И будем подобны Ему, потому что увидим Его как Он есть», и будем видеть славу Его.

Ты говоришь, что много людей страдает от всяких бед и от злых человеков; но прошу тебя, смирись под крепкую руку Божию, и тогда благодать научит тебя, и ты сам захочешь страдать ради любви Господней.

Вот чему научит тебя Дух Святой, Которого мы познали в Церкви.

А кто ругает плохих людей, но не молится за них, тот никогда не познает благодати Божией.

Если хочешь познать, как нас любит Господь, то возненавидь грехи и плохие помыслы и молись усердно день и ночь, и тогда даст тебе Господь благодать Свою, и ты познаешь Господа Духом Святым, и после смерти когда придешь в рай, то и там ты узнаешь Господа Духом Святым, как познал Его на земле.

И на небе и на земле Господь познается только Духом Святым, а не от науки. И дети, которые совсем не учились, познают Господа Духом Святым. Святой Иоанн Креститель, когда был еще во чреве матери, ощутил пришествие Господа. Симеон Столпник, Дивногорец, был семилетним мальчиком, когда явился ему Господь, и он познал Его. Преподобный Серафим был в совершенном возрасте, когда Господь явился ему во время Литургии. А Симеон Богоприимец был глубоким старцем, когда познал Господа, приняв Его на руки свои.

Так Господь применяется к нам, чтобы больше утешить всякую душу.

Любовь Господня познается не иначе, как Духом Святым; а мирная душа, которая хранит чистую совесть, из творений познает Бога, что Он создал небо и землю. Но и это — дело благодати, хотя и малой еще; а без благодати ум наш не может познавать Бога, но все влечется к земному: к богатству, к славе, к наслаждениям.

Как любовь Иисуса Христа, так и страдания Его были столь велики, что мы не можем их постигнуть, потому что мало любим Господа. Но кто больше любит, тот больше может разуместь и о страданиях Господа. Есть любовь малая, есть — средняя, есть и совершенная; и чем совершеннее любовь, тем совершеннее познание.

Вообще, каждый из нас может рассуждать о Боге настолько, насколько познал благодати Святого Духа, ибо как можем мы думать и рассуждать о том, чего не видели или о чем не слышали и чего не знаем? Вот Святыя говорят, что они видели Бога; а есть люди, которые говорят, что Бога нет. Ясно, что они так говорят потому, что не познали Бога, но это совсем не значит, что Его нет.

Святыя говорят о том, что действительно видели и знают. Они не говорят о том, чего не видели. Не говорят, например, что видели лошадь длиною с версту или пароход длиною десять верст, чего нет. И я думаю, что если бы Бога не было, то о Нем и помину не было бы на земле; но люди хотят жить по своей воле и потому говорят, что Бога нет, и этим они доказывают, что Он есть.

И у язычников душа чувствовала, что Бог есть, хотя они и не знали, как почитать истинного Бога. Но Дух Святой научил Святыя Пророков, потом Апостолов, потом Святыя Отцов и Епископов наших, и так истинная вера дошла до нас. И мы познали Господа Духом Святым, и когда познали, то душа утвердилась в Нем.

Душа, познавшая Господа, невидимо ощущает присутствие Создателя своего и бывает в Нем зело покойна и радостна. И чему можно уподобить эту радость? Она подобна тому, как если бы возлюбленный сын из далекой страны, после долгой разлуки

вернулся в свой отчий дом и в сытость беседует с дорогим отцом и с любимой матерью, и с милыми братьями и сестрами.

О, люди, творение Божие, познайте Творца. Он любит нас. Познайте любовь Христову, и живите в мире, и обрадуйте этим Господа. Он милостиво ждет к Себе всех.

Обратитесь к Нему, все народы земли, и вознесите молитвы свои к Богу; и молитва всей земли пойдет к небу, как прекрасное тихое облако, освещенное солнцем, и тогда возрадуются все небеса, и воспоют песнь величания Господу за Его страдания, которыми Он спас нас.

Познайте, народы, что мы созданы для славы Божией на небесах, и не прилепляйтесь к земле, ибо Бог — наш Отец, и любит нас, как дорогих детей.

Господь Милостивый дал на землю Духа Святого, и Духом Святым раскрыл нам не только земное, но и небесное.

Духом Святым мы познали любовь Господню. Любовь Господня горяча. Святые Апостолы, исполненные любви, обтекли всю вселенную, и дух их жаждал, чтобы все люди познали Господа.

Духом Святым улаждались любимцы Божии — Пророки, и потому слово их было сильно и приятно, ибо всякая душа хочет слышать слово Господне.

О, чудо. И меня, столь много грешного, не презрел Господь, но дал мне духом Святым познать Его.

Дай же мне, Господи, духа смиренного, чтобы я всегда благодарил Тебя, что Ты на землю дал Духа Святого. И я помню Его. Он Сам помогает мне помнить Его.

О, Душе Святой. О, Великий Царю. Что воздам Тебе я — грешная земля? Ты открыл мне непостижи-

мую тайну. Ты дал мне познать, как безмерно Он любит нас.

Господь так много нас любит, что объяснить этого невозможно, и только Духом Святым познается эта любовь, и душа неизъяснимо чувствует сию любовь. Господь по естеству благ и милостив, кроток и любезен, и описать доброту Его нельзя, но душа без слов чувствует эту любовь и всегда желает пребывать в таком тихом состоянии.

Он сказал: «Не оставлю вас сирыми», и мы видим, что действительно не оставил, но дал нам Духа Святого.

Дух Святой невидимо дает душе знание. В Духе Святом душа обретает покой. Дух Святой веселит душу и дает ей радость на земле. Какая же радость и веселие будут на небесах? Мы Духом Святым научены знать любовь Божию, но там она будет совершенною. О, немощный я человек. Я только познал любовь Божию в совершенстве, но стяжать ее не могу, и плачет душа моя на всякий день, и все думаю: «Я еще не получил того, чего ищет душа моя».

Когда Дух Святой сошел на Апостолов, то они опытом познали, что есть любовь Божия и любовь к человеку.

«Чада, болезную, доколе не вообразится в вас Христос», — говорит Апостол (Гал. 4, 19).

О, как был бы я рад, если бы народы все познали Господа.

ГОСПОДИ, ТЫ САМ ДАЙ ИМ ПОЗНАТЬ ТЕБЯ ДУХОМ СВЯТЫМ, КАК ДАЛ ТЫ АПОСТОЛАМ ДУХА СВЯТОГО, И ОНИ ПОЗНАЛИ ТЕБЯ, ТАК ВСЕМ ЛЮДЯМ ДАЙ ПОЗНАТЬ ТЕБЯ ДУХОМ СВЯТЫМ.

А. Платонова

ПРИИДИТЕ КО МНЕ

*Лампада теплится, лишь полная елеем,
Цветок живет лишь солнечным лучом:
Наш дух растет, становится светлее
Лишь в единении вечном со Христом*

*Зачем же медлишь ты? Зачем бежишь
от света?*

*Нам нечем жить средь мира суеты,
Запросы духа требуют ответа,
Не здешней радости, не здешней
красоты.*

*То Божий зов. Для вечности созданья
Идем к Нему с раскрытою душой,
Лишь в Нем одном — венец людских исканий,
Лишь в Нем одном — и радость, и покой.*

*Лишь Он один излечит сердца муки,
Душе бессмертной жажду утолит,
Услышать даст небесных гимнов звуки,
На подвиг жизни в мире вдохновит!*

*«Приди ко Мне!» — зовет Господь и ныне;—
«В кресте Моем Мой мир себе найди,
С пути греха вернись к Моей святыне,
Из тьмы скорбей на брачный пир приди!»*

*Рабы страстей, гонясь за духом века,
Как часто мы не слышим тех речей;
И лик Страдальца-Богочеловека
С печалью кроткой смотрит на людей.*

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Свят. Иоанн Златоуст

Согрешившему не должно отчаиваться в своем спасении

Кто из людей без греха, скажи мне? Но для того и существует жертва и Церковь, для того молитвы и посты, что есть много ран душевных; поэтому и найдено много врачебных средств против них, и против каждой раны душевной приготовлено соответствующее врачевство. Ты имеешь Церковь, приносящую жертвы, молитвы отцов, руководство Святаго Духа, службы в память мучеников, сонм святых и многое такое, что может обращать тебя от греха к праведности. Или ты не знаешь, что и сами предстоящие пред жертвенником подвержены грехам? И они облечены плотию, наполнены кровию и составлены из костей, и мы сами, которые сидим на седалище и учим, подвержены грехам; но не отчаиваемся в человеколюбии Божиим и не приписываем Ему жестокости; ибо все мы — люди, составленные из одного и того же; и не перестаем учить, взирая на бездну человеколюбия Божия. И мы чем больше имеем преимущества по сану, тем больше подлежим обвинению; ибо иное дело — грешить учащемуся, а иное — учащему; и однако мы не отказываемся от этого, чтобы под предлогом смирения не предаться беспечности. И это произошло по распоряжению Божию, что и сами священники подвержены грехам. А как это, послушай. Если бы сами

учители и священники не грешили и не были причастны страстям житейским, то они были бы безчеловечны и жестоки в отношении к другим; посему Бог устроил, что и сами священники и начальники подвержены страстям, дабы в том, чем сами страждут, они оказывали снисхождение другим. И всегда, не только ныне, но и в древности, Бог устроил так, что тем, которым Он благоволил вверить Церковь и народ, Он попускал подвергаться грехам, дабы они от своих падений делались человеколюбивыми к другим. Ибо, если бы сами они не грешили, то не стали бы оказывать никакого снисхождения к грешникам, но сделавшись безчеловечными, отлучали бы всех от Церкви. А что это действительно так, и я говорю это не по догадке, постараюсь объяснить очевидным примером. Петру имели быть вверены ключи Церкви, или лучше, вверены ключи неба, и имело быть вверено множество народа. Ибо что говорил ему Господь? Еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех, и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех (Мф. 16, 19). Петр был иногда слишком строг; а если бы он был и безгрешным, то какое снисхождение могли бы получить от него поучаемые им? Поэтому Божественная благодать попусти-

ла и ему впасть в грех, дабы в том, чем он страдал, он был снисходителен к другим. И посмотри, кому она попускает впасть в грех: этому Петру, верховному из Апостолов, непоколебимому столпу. Тот Петр, который говорил Христу: аще ми есть и умрети с тобою, не отвергуся тебе (*Мф. 26, 35*), Петр, который по Божественному откровению исповедал истину: ты еси Христос, Сын Бога живаго (*Мф. 16, 16*), и он в ту ночь, когда был предан Христос, вошедши и став у костра, чтобы греться, и услышав от одной рабыни, подошедшей к нему и сказавшей: и ты вчера был еси с этим человеком, — отвечал: не знаю человека (*Мф. 26, 69—72*). И во второй и в третий раз отрекся. Тогда наконец Иисус, взглянув, напомнил ему сказанное; и он, уразумев, начал плакать и каяться в грехе: ибо знал, что он, как человек, подвергался человеческому; но, как я выше сказал, это устроено, и попущено было Петру согрешить потому, что ему имело быть вверено множество народа, чтобы он, оставаясь строгим и безгрешным, не был жесток к своим братьям. Он впал в грех, чтобы помня собственное прегрешение и прощение Господа, оказывал другим милость человеколюбия, по Божественному устроению, согласно с волею Божией. Таким образом попущено было согрешить тому, кому имела быть вверена Церковь, столпу Церквей, пристанищу веры: Петру, учителю вселенной, попущено было согрешить, чтобы это попущение послужило поводом человеколюбия к другим. Но для чего я сказал это? Для объяснения того, что и мы, священники, сидящие на седалище и поучающие — подвержены грехам. Потому и не вверено священство ни Ангелу, ни Архангелу, — ибо они безгрешны, — дабы по строгости они внезапно не поражали молниею грешников из народа; но человеку, рожденному от человека, вверено это седалище, и он сам подвержен страсти и греху, чтоб, встретив какого-нибудь грешника, он вследствие собственных прегрешений был более человеколюбивым к грешнику. Подлинно, если бы священником был Ангел, то он, встретив какого-нибудь прелюбодея, тотчас осудил бы его на смерть, не быв сам подвержен такой же страсти. Посему, если бы Ангел получил власть священства, то он не учил бы, но тотчас осуждал бы на смерть; ибо, не быв сам таким, он воспламенялся

бы гневом против такого человека. Потому она вверена человеку, чтоб он, сознавая свои грехи и научаясь опытом, был снисходителен к грешникам и не раздражался гневом, и чтобы Церковь не оскудела чрез такой образ действий.

И Илия Пророк, заключивший небо, остановивший дождь, низводивший огонь с неба, услышав слово Иезавели, хотевшей убить его, обратился в бегство и бежал сорок дней. Две твердыни были поколеблены женщиною: Петр утрастился рабыни, а Илия — Иезавели, оба впади в одинаковые грехи. Он много думал о себе, как безгрешный; а теперь сам оказался впадшим в грех, так как Бог попустил это с намерением, чтобы он, получив сам снисхождение, не был жестоким к другим. И бежал Илия сорок дней. Где же те слова, которые говорил он пятидесятникам, и которыми низводил огонь и сожигал их? Так Бог хотел показать, что и в то время, когда Илия совершал чудеса, не он сам собою действовал, но сила Божия; и потому, смотри, что происходит. Когда действовал Бог, тогда падали и цари, и начальники, и народ; а когда Бог отступил, то и женщина показалась страшною; Бог отступил, и природа человеческая оказалась бессильною. Видишь ли, как попущено было ему впасть в малый грех, чтобы облечься в целую одежду человеколюбия? Видишь ли, как Бог попустил впасть в малый грех столпам, оплотам и твердыням? Это для того, чтобы они в случае собственной безгрешности не отлучали всех от Церкви, чтобы они, когда увидят какого-нибудь грешника и захотят поступить с ним не снисходительно, вспомнили о собственной греховности, и оказали ему такое же человеколюбие, какого сами удостоились от Господа. Это сказали мы не для осуждения праведников, но желая облегчить вам путь ко спасению, дабы вы, когда согрешите, не отчаивались в своем спасении, припоминая праведников согрешивших, но при помощи покаяния не лишившихся своея чести*.

* Собрание поучений избранных из творений Святого отца нашего Иоанна, Архиепископа Константинопольского Златоустого Стефаном Дерябиным. Том II. М., 1882.

ПРОПОВЕДЬ

Архим. ИОАНН (Крестьянкин)

О Святом праведном отце Иоанне Кронштадтском

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТАГО ДУХА!

От лица наместника и всей во Христе братии нашей святой обители приветствуем вас с началом предпраздничных дней Рождества по плоти Господа нашего Иисуса Христа и днем памяти святого священномученика Игнатия и святого праведного Иоанна Кронштадтского Чудотворца.

Предпраздничные дни будут продолжаться по воскресенью включительно.

Суббота и воскресенье — это дни, которые носят наименование «Суббота пред Рождеством Христовым» и «Воскресенье пред Рождеством Христовым».

О святом священномученике скажу всего лишь несколько слов. Он был учеником святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова и вторым Епископом Антиохийским. Им положено начало введения в нашем церковном богослужении антифонного пения. За исповедание веры, которой он являлся столпом и утверждением, он принял мученическую кончину в 107 году по Рождестве Христове.

Сегодняшнее слово мы посвятим новопрославленному праведному Иоанну Кронштадтскому и всей России и всего мира Чудотворцу.

Сегодня, возлюбленные други наши, мы молитвенно отмечаем день блаженной кончины недавно

прославленного нашей церковью великого угодника земли нашей святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Канонизация его была совершена на Поместном Соборе 8 июня нынешнего года, а 14 июня состоялось торжественное прославление новоявленного святого в городе на Неве, на речке Карповке, где стоит храм бывшего Иоанновского монастыря, с усыпальницей Кронштадтского батюшки.

Отец Иоанн еще при жизни почитался святым за великие чудеса, творимые по его молитвам Силою Божиею, столь обильно в нем обитавшею. Не забыли об этом русские люди и после его кончины ходили молиться к его гробнице, да и в домах своих уже молились ему, как святому, хотя еще и не прославленному. А когда наступили трудные дни для нашей Церкви, и закрыли Иоанновский монастырь, и упорно распространяли слухи о том, что, якобы, перезахоронили его останки тайно от всех на одно из кладбищ города, то не верил в это верующий люд, и продолжали приходить к стенам храма. Ежедневно было можно видеть, как группами и в одиночку стояли люди у стенок усыпальницы и молились. Верили, что чудеса, творимые им при жизни, продолжают совершаться. И вот наступил этот торжественный, радостный день: впервые соборно и открыто свя-

щеннослужители во главе с Патриархом и весь народ, собравшийся на площади у собора, на всю страну исповедовали праведника праведником.

«Святой праведный отче наш Иоанне, моли Бога о нас, — едиными усты пели все собравшиеся».

Святой праведный Иоанн Кронштадтский — бесспорно самое значительное явление не только в Русской православной Церкви конца XIX — начала XX века, но и во всей Православной Церкви мира.

Чем же так прославился отец Иоанн? Заслуженно или нет занимает он более, чем кто-нибудь другой центр русской народной жизни? В чем его величие? Думается, в том, что с первых же дней вступления на путь пастырского делания он всего себя без остатка предал этому служению. В юных годах он мечтал стать миссионером и поехать с проповедью христианского учения к язычникам. Но познакомившись с тем, как и чем живет население большого города, в какой материальной и духовной нищете оно находится, он почувствовал, что и здесь те же язычники, так же нуждающиеся в просвещении. В сердце его сложился образ предстоящей ему духовной деятельности. Он говорил: «Какое высокое достоинство, честь и счастье молиться за людей, за это драгоценное достояние Божие! С какой радостью, бодростью, усердием и любовью надо молиться Богу о людях, купленных бесценной Его кровью».

В Кронштадте, куда сразу же по посвящении был направлен отец Иоанн и где прослужил 53 года, основное население состояло из опустившихся порочных людей, которые ютились в подвалах и землянках, пьянствовали и жили в нищете. К ним-то и пошел отец Иоанн, с них-то и начал он свой дивный подвиг самоотверженного пастырского делания. Он стал посещать их убогие жилища, заходил не на короткое время для совершения той или иной требы, как делают это обычно священники, а приходил и реально помогал наладить нормальную жизнь. Ухаживал за больными, кротко беседовал с пьяницами, убеждая их понять пагубность их поведения, возвращал в семью сбившихся с пути отцов, помогал материально, раздавал все, что имел, и нередко возвращался домой даже без сапог. И в большинстве случаев вот такие падшие люди становились опять людьми, к ним возвращался утраченный человеческий образ. И вот эти гражданские бедняки первыми открыли, так можно сказать, святость отца Иоанна, а затем уже его святость почувствовала вся верующая Россия. Но не сразу правильно поняли его в других слоях общества, и для всеобщего признания потребовалось время. Так, открывшийся в нем дар чудотворения был принят настороженно. Безбожная интеллигенция и некоторые лица из духовного звания распространяли о нем ложные слухи. Но истинного Своего служителя защищал от клеветы сам Бог.

И скоро тысячи людей потекли в Кронштадт. Простой и доступный для всех, не монах, не затворник, не старец, а простой священник, — он благодатию Божией творил чудеса и совершал богослужения с необычной силой и снискал себе поистине всенародную славу.

Родился будущий великий пастырь Русской Православной церкви 19 октября 1829 года на Крайнем Севере, в селе Сура бывшей Архангельской губернии в семье псаломщика. Отец его Илья и мать Феодора были бедными, но очень набожными

и благочестивыми. Ребенок родился очень слабым, и дабы не умер без святого крещения, его поспешили окрестить, дав имя в честь преподобного Иоанна Рыльского, память которого празднуется как раз 19 октября. Вскоре он окреп, и стал здоровым мальчиком, но тогда никто не предполагал, что ему суждено стать величайшим светильником Церкви Христовой, получив от Бога всю полноту Духа Святого. Благочестивые родители с ранних лет приучили его к молитве, и под влиянием их собственного примера он вырос благочестивым. Доброе семя, посеянное родителями, проросло, и уже в пять лет были видны плоды. Он умел сострадать чужому горю, и односельчане часто просили его помолиться, замечая в нем этот благодатный дар. Он сам рассказывал, вспоминая свое детство: «Ночью я любил вставать на молитву. Все спят, тихо, не страшно молиться». И уже в расцвете своей славы, когда приходилось ему много ездить, посещая больных, на вопрос, чем он бывает занят во время своих иногда длительных поездок, отец Иоанн отвечал: «Я молюсь, я постоянно молюсь. Я даже и не представляю себе, как можно быть без молитвы, воистину молитва есть дыхание души». С отцом он постоянно ходил в церковь и полюбил общую молитву и церковные службы и богослужебные книги. Впоследствии он сам говорил, что все свое благочестие он почерпнул из чтения богослужебных книг. И когда сам уже стал священником, особое значение придавал чтению канонов на утрени, и почти всегда читал их сам. «На этом чтении, — говорил он, — я воспитался в церковной жизни». Какое бесконечно глубокое содержание заключается в них, в этих ежедневных воспоминаниях о великих праведниках, об их святой жизни, о их подвигах. И через это чтение душа мало-помалу привыкает к церковной жизни. И если кто-либо решит регулярно, каждодневно читать эти каноны, он будет ежедневно возрастать в духовной жизни». По словам присутствующих в это время на клиросе, в этом потрясающем душу чтении слышалось, чувствовалось умиление, восторженность, радость, твердое упование и глубокое благоговение, и оно врезывалось в память навсегда. Он читал как бы беседуя с присутствующим около него Христом, Божией Матерью и святыми, все чувствовали, что тут не простое чтение, а именно беседа с Существом видимым и Сущим, и сам он глубоко переживал то, что читал. Был случай, когда отец Иоанн одному не пришедшему на клирос певцу попенял, в нашем выражении, — пожурил его: «Ну, что же ты не пришел, а я за тебя почитал, помолился. Нет, ты еще не понимаешь, не чувствуешь этих благодатных слов молитвы, ведь когда их читаешь, то весь как бы в огне горишь». Замечательны и высказывания его о Литургии: «Божественная Литургия есть поистине небесное на земле служение, во время которого Сам Бог особенно ближайшим теснейшим образом присутствует и пребывает с людьми, будучи невидим. Нет ничего на свете святее, выше, величественнее, торжественнее, животворнее Литургии. Храм в это время бывает земным небом».

Повторим вопрос: чем отец Иоанн был так велик, почему так известен, что именно к нему стремились огромные толпы людей, присылали сотни писем с различными просьбами?

Да потому, что ему был дан особый дар

помогающей и исцеляющей молитвы. И он щедро делил им людей, жаждущих его молитвенной помощи. Много тысяч душ извлек он из тины греха, много спас от отчаяния, утешил, а молился за людей он настойчиво, даже казалось, что он не просит у Бога, а настойчиво требует исполнения просимого. Он как бы хватается при этом за край ризы Господней, требуя милости душам, вверенным ему от Бога. И неслись эти молитвы за страждущий люд к Богу за каждой совершаемой им Литургией. Совершение отцом Иоанном Литургии не поддается описанию. Он совершал ее с особой, свойственной ему силой, и чтобы постичь его веру и дух, надо было с ним помолиться в алтаре. Вся служба — это непрерывный молитвенный горячий порыв к Богу. Во время ее он воистину посредник между Богом и людьми, ходатай за грехи людские, и он всегда истово совершал богослужение. Во время службы он всегда сосредоточен и самособран так, что даже трудно представить и передать его состояние, он в это время находится в своем особом мире. Всех присутствующих он поражал глубиной своей молитвы. Это его личное состояние, когда он возгорался душой и сердцем, воспринимая благодать Божию, не могло не передаваться окружающим. Здесь он сознает ответственность за тех людей, которые, обращаясь к нему с различными просьбами, ждут его предстательства пред Богом, надеются, что он испросит, непременно испросит у Бога то, что им необходимо. Очень сильное впечатление производят на присутствующих слова, произносимые после возгласа: «Возлюбим друг друга», когда он, лобызая сослужащих в оба плеча, произносит: «Христос посреде нас, живой и действуй!».

Обычно священнослужители произносят только «Христос посреде нас», а отец Иоанн ощущает при этом присутствие Самого Христа, живого и действующего, и при этом невольно думается: да, вот Он среди нас находится и не как отвлеченная доктрина, а Он — живой посреде нас, живой и даже действует. Один священник по этому поводу пишет: «При этих словах жутко становилось, трепетом великим невольно наполнялась душа. Я готов был упасть на колени пред Престолом, и унес навсегда впечатление от этих слов, как какое-то сокровище». Думаю, что при этом у многих всколыхнулось святое чувство, и прав он, высказывая свое предположение. Все, находящиеся в алтаре, наблюдая за священнодействиями отца Иоанна, и сами переживали вместе с ним. Это передавалось и стоящим в храме, ощущалось, будто все почувствовали, что они живут во Христе, что Он стал близок им, благодаря молитвам отца Иоанна. Сознывая свое недостойнство, многие плакали. Сохранилось письменное свидетельство человека, случайно, как принято говорить, зашедшего в храм во время Литургии. Вот что он пишет: «Я зашел в собор просто от нечего делать. В жизни я много испытал, растерял веру и озлобился. Ни в храме, ни в молитве я не искал успокоения. Но с первых же услышанных мною слов священника, совершавшего службу, меня покорила живая вера в нем. «Христос посреде нас», — произнес он, и я почувствовал, что Христос пришел, что именно Его мне нужно, Его близости мне не доставало для спасения в этой сутолоке жизни. А когда произнесли «Со страхом Божиим и верою приступите», стало страшно, а приступить нужно, ибо там — жизнь. Я почти инстинктивно двинулся к Чаше, но вспомнил, что я не причащался десятки лет, да и перед

Св. прав. Иоанн Кронштадтский среди прихожан.

причащением надо готовиться. И я отступил и заплакал. После службы отец Иоанн сам подошел ко мне, заговорил со мной, и через несколько дней я стал счастливым и верующим. Каждое произносимое отцом Иоанном слово, каждое движение за Литургией полны глубокого значения. Вот он произносит слова «Пиите от Нея вси...» — и чувствуется, что ему хочется обратить внимание молящихся и сказать им: «Слышите ли вы, что и за вас, стоящих в данную минуту, а не только за тех, кто стоял тогда у Креста, пролита Божественная Кровь. Не за отвлеченное человечество, а живых людей и даже за тех, кто забыл или отверг Бога». И за всех тех, кто обращался к отцу Иоанну с просьбой помолиться о них, за всех пролита пречистая Кровь Христова, и Она спасает всех, желающих спасения. «В этих словах, — говорит отец Иоанн, — бездна любви Божией, спасающей людей». Такая глубокая вера и молитва пастыря не может быть не услышана. Отсюда и чудеса исцелений, и проявление прозорливости и поток страждущих к Кронштадтскому пастырю. Все спрашивали отца Иоанна, что делает его во время Литургии таким сосредоточенным. Ведь иногда бывает в это время вокруг так много беспорядка. Он отвечал: «Этого я достиг привычкой. Нужно научиться быстро сосредотачиваться, овладевать собою, и путем продолжительной работы над собою можно этого достичь. Пастырь должен научиться распинать себя ради своей паствы». С особой силой воздействовал отец Иоанн на народ во время совершения им таинства исповеди. Перед началом Литургии он проводил общую исповедь. Он вынужден был совершать именно общую исповедь из-за множества исповедников. Об этих необыкновенных исповедях знали очень многие и стремились принять в них участие. Простые по форме, но сильные по духу слова отца Иоанна трогали и буквально потрясали до глубины души и побуждали к искреннему раскаянию. На исповедающихся при этом действовали особые благодатные силы, и исповедь бывала подобием Страшного Суда. Обычно отец Иоанн стоял на амвоне большого Андреевского собора, вмещавшего в себя до пяти тысяч человек, и пламенно горячо молился, испрашивая у Господа прощение всей кающейся людской массе. В соборе царило общее чувство покаяния, люди громко произносили свои грехи, калялись и плакали. Плакал и отец Иоанн, соединяя свои слезы со слезами кающихся. Он смотрел на стоящих своим глубоким взором и своими слезами омывал скверну людских грехов, и в этом проявлялась его глубокая, всеобъемлющая, чистосердечная любовь к людям. Как истинный пастырь, он душой скорбел за овец своих. Дав некоторое время для покаяния, отец Иоанн спрашивал их: «Покаялись ли вы, желаете ли исправиться?» И услышав утвердительный ответ, поднимал епитрахиль, как бы покрывая всех исповедников, и читал разрешительную молитву. Теперь раздавались уже вздохи облегчения. Для того, чтобы показать действительность общей исповеди, Господь удостоил одного из присутствующих дивного видения: в тот момент, когда отец Иоанн с поднятой епитрахилью читал молитву, он увидел Спасителя, простирающего на всех кающихся Свои руки, как бы объемлющего всех. С пламенным служением и необычайным молитвенным подвигом о. Иоанна связан дивный дар чудотворения, который прославил его не

только на всю Россию, но и за ее пределами. По его молитвам совершались при его жизни и по его блаженной кончине великие чудеса. Причем совершались они наедине и при большом стечении народа, и даже заочно. Было достаточно написать ему письмо или прислать телеграмму, и по его молитве чудо совершалось.

Ему ежедневно приходило так много писем, что Кронштадтской почте пришлось открыть специальное отделение только для его переписки. Получал он и огромные суммы денег и все их тратил на благотворительность. В данном вопросе он проявлял удивительную прозорливость, раздавая деньги именно нуждающимся.

Тяжел был подвиг этого необыкновенного труженика на ниве Христовой.

И для того, чтобы хотя частично узнать о нем, надо знать, как и чем был заполнен его день. Ежедневно он вставал в 3 часа ночи. Около 4-х часов отправлялся в собор к утрени. У собора уже встречала его толпа народа, жаждущего получить хотя бы благословение. За утреней он всегда сам читал каноны, так как придавал этому большое значение, как уже было сказано выше, и перед Литургией проводил общие исповеди, которые требовали большого напряжения сил физических и духовных, и затем совершал Литургию. Письма и телеграммы ему приносили прямо в алтарь. Он тут же прочитывал их и молился за тех, о ком просили. После службы он отправлялся по бесчисленным просьбам к больным и возвращался домой около полуночи. Можно полагать, что некоторые ночи он совсем не спал.

Так жить и трудиться можно только при благодатной помощи Божией.

Взросшая его известность и слава тоже являлись тяжким подвигом, ибо где бы он не появлялся, моментально около него вырастала толпа жаждавших встречи с ним.

Он охотно делился своим пастырским опытом с другими священнослужителями. Сам о себе он говорил так: «Правда, все это, что я делаю доброго — то делаю по милости Божией. А помощь Божию я на себе вижу во всем».

В утешение и назидание нам о. Иоанн оставил свой знаменитый дневник «Моя жизнь во Христе», три тома проповедей и много отдельных сочинений. Основная мысль всех письменных его творений — необходимость истинной горячей веры в Бога и жизни по вере, преданность вере и преданность Православной Церкви, как Единой спасающей.

В проповедях он обращался к народу, призывал: «Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству».

Все заветы о. Иоанна остаются жизненными и важными и поныне. И сознавая это, мы в радости произносим:

«Светильника веры и благочестия, молитвенника к Богу теплаго восхвалим вернии в пениих и в песнях духовных, Иоанна праведнаго пастыря Кронштадтскаго, его же Христос чудесы многими прослави и дивно церкви Российской показа».

Други наши, сейчас, когда мы переживаем крайне сложное время, когда оживают старые ереси и раско-

лы и рождаются новые, достойно и праведно нам именно теперь вспомнить о том, что говорил об этом и о чем предупреждал свою паству ныне светло прославленный великий праведник и чудотворец Иоанн Кронштадтский.

Слушайте внимательно.

«Множество существует отдельных вероисповеданий христианства, но нельзя считать их все за истинное и спасительное. Безразличие в вере или признание в с я к о й вере за одинаково спасительную ведет к безверию или охлаждению в вере».

Слушайте дальше внимательно.

«Самое вредное дело в христианстве, в этой Богооткровенной небесной религии есть главенство человека в церкви, например, папы Римского и его мнимой непогрешимости. Сколько погрешностей, величайших, губительных для душ человеческих выдумала католическая папская церковь в догматах, в обрядах, мертвяще злых отношениях католиков к православным. В хулах и клеветах на Православную Церковь».

Святой праведник говорит: «Необходимо принадлежать к Церкви Христовой, коей глава есть Всемогущий царь Победитель ада — Иисус Христос. Царство есть — церковь, воинствующая с началами и властителями и миродержателями тьмы века сего, с духами злобы поднебесной. Духи злобы воюют с людьми (прислушайтесь!) опытно, умно и метко, хорошо изучив все их страсти и склонности. Один человек в поле не воин, да и великое общество без главы Христа ничего не может с таким врагом. Только силой Христовой благодати от Церкви, от общественной молитвы и таинств побеждается враг злокозненный нашего спасения. А католики выдумали новую главу — Папу, унизив Единую Истинную главу Церкви — Христа. Лютеране отпали и без главы остались, англикане тоже — церкви у них нет. Союз с главою прерван, помощи всесильной нет, а потому призыв св. праведного Иоанна — строго держись единой истинной веры и церкви — обращен ко всем жаждущим жизни. Единственный правильный путь в наше лукавое время, исполненное лжи и обмана, — это путь, указываемый и великим праведником: «Борись со всяким злом немедленно, гаси его, воюй с ним данным тебе от Бога оружием святой веры, Божественной мудрости и правды, молитвою, благочестием, крестом, мужеством, преданностью и верностью Православию».

Еще надо напомнить в сегодняшней день прославления, отец Иоанн Кронштадтский говорит: «Россию куют беды и напасти. Крепись, Россия, кайся и молись!»

Господь как искусный врач подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото в горниле. Вот цель бед и скорбей, посылаемых нам Богом в этой жизни.

«Но я предвижу, — это слова праведного Иоанна, — и восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях вот таких мучеников, помни, как на крепком фундаменте будет воздвигнута Русь новая по старому образцу, крепкая своей верой во Христа Бога, во Святую Троицу и будет по завету святого князя Владимира, как единая церковь...»

Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский.

Преподобный Серафим Саровский еще в начале прошлого века сказал: «У нас вера православная, церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреоборима. Имущих веру и благочестие — сих врата адавы не одолеют.

Из истории России видно, что есть соответствия внешней судьбы нашей родины с внутренним состоянием народного духа. Поэтому необходимо понять, что как грех привел к катастрофе, так покаяние способно привести к восстановлению России».

Повторю намеренно.

«Необходимо понять, что как грех привел к катастрофе, так покаяние способно привести к восстановлению России».

Многим из вас это стало известно из творений прп. Нила Мироточивого, Афонского подвижника; созвучного с ним так же прп. Калининника Румынского. Оно как-то сейчас соединяется как бы в одно целое, с этим периодом времени, в который мы с вами живем и переживаем. Но предупреждаем с этого места мы, служители церкви: будьте же вы благоразумны, мудры и рассудительны! Глубоко веруйте, что тайна, о кончине мира не известна даже Ангелам. Ответил Сам Христос Своими устами (читаем в 1-й главе Деяний Апостольских). На вопрос, когда это будет, ответ был получен таков: «Не ваше дело». Читаем об этом в 24 главе Апостола и Евангелиста Матфея, читаем об этом также в посланиях к Солуньянам или Фессалоникийцам, — тоже однозначный ответ.

Поэтому не будьте дерзкими, не будьте безрассудными, не проникайте в тайны сокровенные, ведомые только Триипостасному Богу и никому больше.

Эти годы — и минувший 90-й, и наступающий 91-й и 92-й будут годами, в которые мы будем подвергаться новым испытаниям. О чем говорили, так и было — грех привел к катастрофе.

Некоторые священнослужители, которые присваивают себе особые непогрешимые сравнения с нами — я не сравниваю это с догматом непогрешимости папы Римского — а просто считают, что они именно, вот они — стоят на правильном пути. Других стараются именно ввести в заблуждение, ничего не пережив, ничего не познав, ни с чем не сталкиваясь. Но можно ли ждать сочувствия со стороны, в той или иной болезни, при том или ином недуге, при иной скорби, печали, нужде — когда человек с этим не соприкасался. Он будет к вам очень внимателен, почтителен, с уважением выслушает и ответит, но все это будет веять холодом. А вот когда человек сам это пережил и перенес, тогда он с полслова понимает это, и вы уже чувствуете, что это — не от ума, а из сердца исходит готовность понять этого страждущего человека. И чем только возможно помочь...

Не проникайте в эти сокровенные тайны, особенно женский пол, да и мужской вместе с ним. Строят какие-то свои домыслы и стараются сами сбиться с правильного пути и других сбить. Поэтому годы предстоящей нашей жизни, они будут годами, когда мы будем искупать свою вину за свои грехи. И вот сейчас приходится слышать и, может, что-либо причитывать, хотя бы бегло из-за занятости и недостатка времени — никто не говорит о Промысле Божиим, все только указывают вину: «вот в этом

вина, вот в этом они не так поступили, вот в этом вы не так ориентировались».

Значит, тогда не существует Промысла Божия, значит, управляют миром люди?! Ведь это же страшное заблуждение! Нет ничего не возглавленно-го на земле, потому, что все принадлежит Богу. И Бог знает, в какое время ниспослать Свои милости и когда нас посетит Своим праведным гневом. Потому то, что предстоит, и сейчас уже начинающееся и будет продолжаться — это будет призывом к покаянию. И вот о тех двух святых, упомянутых мною — и о прп. Ниле Мироточивом и прп. Калиннике Румынском — это только призыв к покаянию, а не к кончине мира.

А вы уже сейчас берете на себя, хоть отдали бы... А кто мне это открыл?.. Если Господь ответил даже Своим ближайшим ученикам, которые сопутствовали во время его земной жизни, и не позволил им — «Не ваше дело» — это значит: уже положен конец, чтобы никогда Я не слышал из ваших уст такого вопроса, чтобы проникли в эту вековечную тайну. А вот к этому — это есть призыв к покаянию. Вот мы и должны с вами к этому готовиться, вот в эти годы, что посетит нас праведный гнев Божий, для того, чтобы мы с вами опомнились. И начали по-настоящему, так, как каялись современники батюшки о. Иоанна Кронштадтского. А не такими отдельными тремя словами: «делом, словом и помышлением». Это — не покаяние. А вот надо глубоко проанализировать самого себя и со слезами раскаяния принести Господу покаяние. Вот, чего хочет Господь, ждет от нас Господь, чтобы мы все это совершили.

Вот поэтому предупреждаем вас: **тверды будьте, бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны и тверды, все да будет у вас с любовью.** И чтоб обязательно ко всему, как приправа — должно быть рассуждение, и ничего от своего ума.

У нас основой является Священное Писание. А Священное Писание мы должны понимать

так, как его истолковывают Святые Отцы. А не так, как многие по своему неведению и по своим, я бы сказал, дерзости и неблагоговению, берутся разрешать такие вековечные тайны.

Поэтому будьте предупреждены, не верьте бабьим басням, потому что последнее время не будут принимать истинное учение, вот о чем мы с вами сейчас говорим, а будут именно что-то измышлять от своего заблудного ума, от чего надо остерегаться нам самим и других остерегать от этого. Так вот поэтому все предстоящее ближайшее и последующее время — это будет время призыва к искреннему покаянию. После покаяния мы почувствуем, как и современники, присутствовавшие на исповеди батюшки праведного Иоанна Кронштадтского чудотворца, тогда они почувствуют облегчение; так и мы почувствуем облегчение — так снова засияет солнце Любви и Милосердия Божия.

События XX века показали, что мир стоит перед лицом гибели. Все в один голос, только по-разному излагают, а суть одна и та же — дай Господь нам всем мужество очнуться, чтобы понять, что заблудились во мраке обольщения. Вот тогда-то миру и понадобится Неугасимая Лампада — Святая Русь, ибо без нее не выбраться Вселенной из трясины. Россия — будь такою, какая ты нужна Христу!

А мы, чада святой Православной Церкви, должны быть такими, какими нас научают ныне прославляемые святой священномученик Игнатий Богоносец и святой праведный Иоанн Кронштадтский Чудотворец и стараться все силы без остатка отдать, именно все, что требует от нас наш христианский долг. И так оправдать высокое звание человека и оправдать, что ты — русский, крещеный, православный и верный до последнего издыхания Святой православной Церкви.

Аминь.

20 декабря/2 января 1991 г.
Псково-Печерский монастырь

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Прот. Михаил Чельцов

ВОСПОМИНАНИЯ «СМЕРТНИКА»

Мученики и исповедники за веру Христову наполнили в XX веке великой славой Русскую Православную Церковь, страшные гонения на которую начались сразу после установления в стране безбожной власти. Одним из главных эпизодов в этих гонениях был открытый суд в 1922 году над петроградским Митрополитом сщ.мч. Вениамином и группой духовенства и мирян, в число которых входил автор публикуемых воспоминаний прот. Михаил Павлович Чельцов. Тоже приговоренный к расстрелу, он на сей раз был помилован и мученический венец получил позднее — был убит палачами в ночь на Рождество 1931 года.

Чельцов пользовался в Петрограде большой известностью, хотя родился он в 1870 году в Рязанской губернии, в семье священника деревни Кикино, учился в Рязанской семинарии, а затем — в Казанской духовной академии, которую закончил в 1894 году, преподавал в Калуге и только в 1898 году переехал с семьей в столицу империи, чтобы защитить магистерскую диссертацию «Церковь Королевства Сербского». Проработав три года епархиальным миссионером и столько же в канцелярии обер-прокурора Синода, молодой священник осенью 1903 года наконец находит себе место постоянного служения и преподавательской работы. Им был Институт гражданских инженеров. В местной церкви о. Михаил служит, а в аудитории читает курс богословия, который пользуется у студентов большим успехом благодаря своему живому и убедительному изложению.

Активно участвуя в церковно-общественной жизни и имея большую семью, о. Михаил успевал заниматься творчеством. Он пишет в журналах статьи, издает брошюры и книги, среди которых есть

довольно объемистые и серьезные: «Единоверие за время столетнего существования в Русской Церкви» (1900), «Современная жизнь в расколе и сектантстве» (1905), «Христианское мирозерцание» (1917). Батюшка часто выступал на разного рода религиозно-философских и церковных собраниях, которыми тогда изобиловала столица, примыкая при этом часто к богословствующим модернистам.

Когда разразилась русская трагедия, прот. Чельцову пришлось в 1920 году перейти из закрытой институтской церкви в Троицкий Измайловский собор, где он прослужил пять лет настоятелем, одновременно читая лекции на Высших Богословских курсах. В 1919 году отец Михаил был избран председателем Епархиального совета и оставался в этой должности до своего последнего ареста (таковых было пять) большевистскими властями. Из-за этой должности и попал он под арест в заранее запланированной властями акции по грабительскому изъятию церковных ценностей, истинной целью которой было запугивание русского духовенства. 40 дней и ночей проведено было им в камере смертника на Шпалерной...

На той же Шпалерной прошли и последние дни прот. Михаила, вновь арестованного в августе 1930 года, когда он состоял настоятелем вскоре взорванной Мало-Коломенской церкви Воскресения Христова. По словам очевидца, страдалец за веру православную спокойно говорил о предстоящей казни: «Мне надо радоваться, что Господь посылает мне этот конец, а не старческий недуг и многолетние страдания на одре болезни». Сегодня он молится за нас и землю Русскую перед престолом Господним.

В. В. Антонов

С 10 июня по 5 июля 1922 г. в Ленинграде проходил громкий процесс «церковников» во главе с митрополитом Вениамином. Судили 100 человек, главным образом священников, но были и миряне — мужчины и женщины. Судили в военном трибунале по делу о неотдаче церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья, но по ст. 62-й Уголовного кодекса, обвиняя в контрреволюции: «в содействии международной буржуазии в целях низвержения Советской власти».

К разным наказаниям были присуждены они, между прочим, десять человек были присуждены к расстрелу, а именно: митрополит Вениамин, епископ Венедикт, Ковшаров, архим. Сергей (Шеин), Ю. П. Новицкий — из профессоров правоведения и член Государственной Думы, прот. Н. К. Богоявленский, — б. настоятель кафедрального Исаакиевского собора, прот. Н. К. Чуков, — б. настоятель Казанского собора, Н. А. Елачич, — б. секретарь Государственного Совета, Д. Ф. Огнев, — б. сенатор последнего времени и я, Чельцов Михаил Павлович, б. настоятель Троицкого Измайловского собора и председатель Петроградского Епархиального совета. Главным основанием для суда было выдвинуто то, что вышепоименованные лица были членами правления Общества приходских советов Ленинграда, т. е. входили в организацию, хотя существовавшую легально, но обратившую свою работу в деле отдачи церковных ценностей будто бы во вред Советской власти. Меня все время трактовали тоже как члена правления, хотя всем, и судьям в том числе, хорошо было известно, что членом правления я не был и все время стоял в открытой оппозиции сему правлению; приплели же меня, как близкого по своей работе общецерковной к митрополиту и видного протоиерея.

После произнесения приговора нашими защитниками была послана в Москву кассация на приговор, оставленная Москвой без последствий, а нашими родными посланы ходатаи в Москву в ВЦИК с просьбой о нашем помиловании. Ездил туда и моя дочь, 17-летняя девочка Аня, с одной моей знакомой дамой, бывшей начальницей одной женской гимназии, где я был долгое время законоучителем. Ответ из Москвы пришел только в начале августа, а нам объявлен 14 августа. Все это время, т. е. с 5 июля по 14 августа, эти 40 дней мы находились как «смертники» в ожидании известий из Москвы, окончательно решающих наше дело, расстрелять нас или нет. Четверо, а именно: митр. Вениамин, архим. Сергей, Новицкий и Ковшаров не были помилованы, нам же остальным расстрел был заменен пятью годами лишения свободы, т. е. тюрьмой, которая в то время именовалась «исправдомом», т. е. Домом исправления преступников.

Все эти мои записки и описывают мои переживания за этот период — 40 дней «подсмертного» состояния. Писал я их по переводу уже из ДПЗ, что на Шпалерной улице, во 2-й исправдом, из этого последнего они были пересылаемы домой, к семье в качестве писем. Начались писания в **ноябрь** 1922 г. и закончены были в феврале 1923 г. Я старался в них быть искренним и правдивым, воспроизводя только то, что и как действительно было и переживалось. Это не дневник «смертника», а лишь воспоминания его о времени с 5 июля по 14 августа 1922 г. Переписаны они с оригинала сохранившихся писем.

24 июля—11 ноября 1926 г.

Говорят, что у больных капризный вкус. Я физически совершенно здоров и бодр, духом спокоен. Но сильно тянет меня к перу и бумаге. Быть может, в этом сказывается, как отрыжка, старая привычка

к писательству. Но что писать? Жизнь идет очень однообразно, но так идет только внешняя жизнь событий дня и физическая, дух же требует нового содержания, как пищи себе. Мысль поэтому постоянно работает. Если внешнее не дает ей материала, то она живет воспоминаниями о старом. Все чаще и чаще всплывают в памяти дни бывшего июньского суда и июльского сидения на Шпалерной. Мне и хочется описать все внутренние переживания и перечувствования — в связи с внешней обстановкой — в эти 40 дней предсмертного сидения. После них прошло только 3 — 3,5 месяца, и каждая мелочь из пережитого в них еще жива и больно вертится в памяти.

22 июня/5 июля — памятный день не только для нас, осужденных к расстрелу, но и для всех вас, более нас страдавших и продолжающих страдать доселе. Еще накануне, после нашего опроса о последнем слове подсудимых, часов в 11 ночи, приказано нашей страже привести нас в суд из тюрьмы в среду, 5 июля, к 4 часам дня. Ехали мы в свой исправдом в настроении почти веселом. Развеселившая нас речь — последнее слово прот. В. А. Акимова, в суде ярых и злых безбожников, и судивших-то нас в целях унижения и издевательства над верой и Христом, описывавшего свои «великие» заслуги для Церкви и за эту речь (иначе он был бы оправдан, ибо не найдено было «преступного» в его «деле») получившего 3 года изоляции; терпеливое и как будто внимательное выслушивание трибуналом нашего «последнего» слова, — нас это все бодрило, и, при естественном желании людей в нашем положении все объяснять преувеличенно и в хорошую для себя сторону, располагало предугадывать завтрашний приговор как для нас добрый. Добрым мы в те минуты считали всякий приговор, хотя бы к тюрьме на 10 лет, только без расстрела.

Мы даже не придавали значения и даже не обратили внимания на то, что сопровождающий нас конвой был увеличен, что кроме него нас охранял еще мотор с 3—5 чекистами, что обычно милые и разговорчивые наши ежедневные конвоиры, сидящие с нами на грузовике, были как будто мрачны и нелюдимы. Еще при рассаживании нас в грузовики мы смеялись, остряли, перекликались, смотря, как «грузили» наших сотоварищей, как сельдей в бочку, в другой грузовик. В него, могущего вместить до 20—25 человек, понапихали до 80—90, ибо никто из подсудимых не был отпущен домой, и все были отправлены в 1-й исправдом. Задержанные долгой погрузкой ехавших в 1-й исправдом и выехавшие после них, мы сравнительно долго ехали то за ними, то рядом с ними; наш шофер, подбадриваемый нашими веселыми голосами, старался перегнать наших товарищей, но там не хотели уступать — получался беговой спорт. Наконец, мы победили и весело поехали, как мы говорили, «домой» — в свой 3-й исправдом. Дома спокойно разошлись по своим камерам. По обычаю прежних дней я поел из привезенной из суда провизии, без волнения помолился Богу и без тревожных сновидений провел ночь с крепким сном.

Утро следующего дня, т. е. 5 июля, прошло у меня при спокойном настроении духа. Помню, по обычаю я помолился, прочитал акафист Иисусу Сладчайшему и, ходя по камере, думал, что по всем казавшимся мне основательным данным расстрелов не должно быть и, во всяком случае, меня они не должны коснуться. В свое время я пошел на прогулку, ходил в паре

с о. П. Левицким, настоятелем церкви на Песках. Он уверял, что меня непременно освободят; а еще более я утешал его, говоря, что, быть может, дадут ему годика 2—3 тюрьмы, а к большему его, безусловно, не присудят. Тогда же я говорил и с Ленинковым (подследственным из бывших студентов-гражданцев, уверявшим меня, что он, «чекист» с большими связями, скоро не только выйдет из тюрьмы, но и займет высокое место у коммунистов), тоже уверявшим меня, что, по его сведениям, весь наш процесс создан лишь для того, чтобы поиздеваться над верой, унижить нашу Церковь, что расстрелов не будет, что, если меня и присудят к тюрьме, то он быстро устроит меня на работу у себя и т. п.

Без какого-либо страха стал я потом собираться и в суд. Правда, настроение к часу отъезда в суд стало понижаться, что-то тревожное стало заползать в душу, какая-то щемящая грусть уже стесняла грудь. Не с прежним спокойствием услышал я шум подъехавшего грузовика (из моей камеры № 188 на 4-м этаже, выходящей окном через садик на улицу, всегда был слышен грузовик, почему я всегда одевался и приготавливался в суд я выходил из камеры уже готовым), с волнением сошел вниз. Здесь уже собрались и остальные «смертники». Заметно было, что на душе у всех что-то неладное творилось. Изредка слышались остроты и шуточки, но с оттенком тревоги и как бы безнадежности слышались слова вроде: «Ну, слава Богу, в последний раз едем!», «Пусть скорее осудят, чем каждый день слушать

Семья Чельцовых. Прот. Михаил Чельцов — стоит первый справа, с дочерью Марией на руках.

издевательства...», «Ну, да не расстреляют же...» и т. п. Прощай, тюрьма, вернемся ли мы сюда, а если вернемся, то какими и для чего? — вероятно, все так думали, как и я. Впрочем, мы почему-то были убеждены, что, к чему бы нас ни присудили, мы непременно хотя бы на ночь да вернемся в свой 3-й исправдом, почему большинство из нас не собрали своих вещей в камере, а собравшие их — не взяли с собой. Взяли только необходимое для еды и питья.

Припоминаю, что путешествие это последнее в суд прошло почти совершенно в молчаливом настроении. Мы как будто прощались не только с проходящими по улицам нашего пути, — а в лице их со всеми свободными и живыми, — но и с самими улицами и зданиями, садами и т. п., ставшими для нас милыми и дорогими. Народу на улицах нашего проезда — особенно вблизи суда и у дверей его — виднелось сравнительно мало. Заметно было, что он или напуганный чем-то сам боялся быть на нашем пути, или его как-то невидимо отгоняли и не допускали. Не виднелась у суда — вблизи его и у дверей — особенно усиленная стража, как будто было все так же, как и в прежние дни суда, даже как будто тише, и в этой тишине — напряженнее и мрачно грознее.

Около трех часов дня приехали мы в суд вместе с товарищами из 1-го исправдома. Прежде, в дни суда, вновь приезжавшие оживляли нашу «комнату обвиняемых», где мы собирались до вывода нас из зала суда и где проводили время в антрактах суда. Теперь печать чего-то ожидаемого тяжелого, грозного как бы лежала на самых стенах и жалкой обстановке комнаты. Тень смерти, где-то притаившаяся, для глаз невидимая, но сердцем чувствуемая, властно царила над сознанием всех. Разговоры не клеились, щебетали лишь наши дамы, хорошо уверенные, что их или совершенно оправдают или дадут маленькую тюрьму (кажется, их всех под разными видами отпустили домой); даже обычно беспечная, смеющаяся часть хулиганствующих подсудимых и эта сократилась и как-то незаметно себя держала. Не весел был и мой Павлик. Мне чудилось, что и за свою свободу он не был уверен, но обо мне думал лишь мрачное. Правда, он старался утешить меня, а пожалуй, больше себя словами: «Нет, папа, тебя не осудят... вот посмотри, мы оба с тобой вместе пойдем домой», — но сердце ему другое говорило...

Скоро откуда-то стали выплывать слухи, что доподлинно-де известно, что расстрелов не будет и митр. Вениамин будет лишь сослан в Соловки. Другие передавали, что к расстрелу приговорят то 10, то 8, то 6 человек. Всякий раз, как слышал я какую-нибудь новую весть, начинал высчитывать-гадать, подойду ли я к той или иной цифре. И обычно выходило, что, если 10, то и я непременно. Больно, тяжело становилось на душе. Поэтому всячески старался уверить себя, что не 10, а меньше могут к расстрелу присудить. Но не верилось в достоверность ни одного сообщения, было сильное желание убедить себя, что все эти сведения — только сочинительство. А тем не менее очень сильно хотелось слышать все новые и новые сообщения, искать в них приятное для себя успокоение. Но с каждым сообщением на душе делалось все хуже и хуже. Невольно хотелось — не столько разговоров с другими, но от фигур их, от спокойного вида других, от их физиономий — получить надежду на доброе для себя: если они спокойны, значит, они знают что-то хорошее,

значит, и тебе нечего беспокоиться.

Я старался внимательно всматриваться в настроение, в лицо митр. Вениамина. Ему-то, думалось мне, больше всех других должен быть известен исход нашего процесса; ему приговор суда должен быть более грозным и тяжелым, а поэтому на его лице и в его настроении правильнее всего читать приговор и мне для себя. Но как я ни старался распознать что-либо в митр. Вениамине, мне это не удавалось. Он оставался как-будто прежним, каким-то окаменевшим в своем равнодушии ко всему и до бесчувственности спокойным. Мне только чудилось, что в этот день он был более спокоен и задумчиво молчалив. Прежде он больше сидел и говорил с окружающими его — теперь он больше ходил.

Открытие суда для выслушивания приговора было назначено на 6 часов. Но около 4—5 стало известно, что открытие отложено до 9 часов вечера. Это опять стало растолковываться по-разному. Хотелось всем видеть в этом утешительное: если отложили, то, значит, идут большие рассуждения, значит, не все заранее было предрешено, значит, можно надеяться на что-то доброе. Но какое-то двойственное волнение возбуждалось этим отложением. Томительное ожидание неизвестного, но, по всей вероятности, не радостного, угнетало и возбуждало одно желание: ах, как бы поскорее все это кончилось хотя бы и тяжелым, но ясным и определенным; но против этого желания скорейшего конца восставало другое желание: как можно дольше не знать этого конца, лучше томиться в неведении ужасного.

Часов около 8 вдруг неожиданно стали нас вызывать в зал судебного заседания, но, оказалось, к фотографу снимать нас. Вызвали сначала двух архиереев, а потом нас, судившихся по 62-й статье. Пока нас рассаживали, мы опять стали толковать это наше выделение, да еще фотографии, в дурной знак для себя. Но скоро стали вызывать и рассаживать не только остальных священников, но и мирян, и почти всех...

Около девяти часов вечера раздался первый звонок — предвестник скорого открытия страшных минут. Невольно екнуло сердце, рука поднялась к крестному знамени, и в глазах и в голове потемнело. Но сознание работало туго... Прозвенел и второй звонок, и мы потянулись в последний раз на свои места — скамьи подсудимых. Кто-то сказал, что нужно выходить в порядке: сначала митрополит, за ним Венедикт, потом «смертники» и остальные. Откуда был этот приказ, я доселе не знаю, но тогда он произвел сильное и тяжелое впечатление. Я выходил, занимал свое место — хорошо это я сейчас припоминаю, — с тупым сознанием или, вернее сказать, почти бессознательно, машинально, не отдавая себе отчета в том, что происходит и что страшное имеет произойти. В эти минуты мне не хотелось смотреть на посторонних, мимо коих приходилось проходить. Но со своего места на публику сидящую я внимательно смотрел, стараясь разглядеть, нет ли кого знакомого и кем вообще наполнен зал. Хорошо припоминаю, что особенный интерес возбуждали во мне студенты Зиновьевского университета. На душе было мрачно, темно, но острой боли, яркой тоски не было. Только бы скорее, скорее...

В начале 10-ти часов вечера раздалось накутившее за месяц: «суд идет». Глаза всех устремились на входящих судей. Хотелось еще раньше на их лицах

Священномученик Митрополит Вениамин Петроградский.

прочитать приговор себе. Но лица их по обычаю холодны и грозны. Приглашения сесть не последовало. Все стоим. Начинается чтение приговора. Первые же слова приковывают все внимание. Слышится учащенное биение сердца, какая-то дрожь пронизывает все тело, сковывает сознание, оно потемняется, всякое чувство исчезает. Скоро ли, скоро ли моя фамилия? Произносят ее, но приговора еще нет. Слушаю, но плохо понимаю. Но вот и самый приговор, вот и моя фамилия, и после нее непосредственно — громко и повышенным голосом — Яковченко (председатель трибунала) возглашает: «Расстрелять, а имущество конфисковать!»

Чувствую, что взоры всех обращены на нас, между прочим, и на меня. Павлуша любовно-скорбно на секунду оборачивается назад — ко мне, жмет мне успокоительно руку, как бы для поддержки и для осведомления, как я чувствую себя. На меня эти грозные слова не произвели ошеломляющего действия; что-то темное наволось мне на глаза, в сознании была одна только мысль, что домой не пойду и что-то будет сейчас, через час-другой с моей семьей. Но почему-то я не мог долго сосредотачиваться вниманием на самом себе — как будто ничего особенного я о себе не услышал, как будто, как будто я это уже знал или, во всяком случае, предвидел. Помню, я посмотрел на митрополита, и мне понравилось великое спокойствие на лице у него, и мне стало хорошо за него, за себя и за всю Церковь... Я стал интересоваться судьбой своих сотоварищей по суду и особенно, конечно, Павлуши. Внимание мое стало вдруг острым и напряженным настолько, что я с того момента запомнил об очень многих, к каким

наказаниям они приговорены, и доселе это помню. О себе совсем позабыл. Особенно я радостно чувствовал себя, когда услышал, что Павлик освобожден. Ну, думаю, будет кому утешить маму, он сумеет ей сообщить эту убийственную весть... и на душе стало легче и спокойно. Я даже приободрился и даже, помню, повеселел.

Закончилось чтение приговора. Всем оправданным возвестили, что они свободны. Уходя от меня в полном убеждении, что на этом свете мы больше не увидимся, Павлуша обернулся ко мне, и мы с ним наскоро, не сказав ни слова друг другу, поцеловались. Увидимся ли? — думалось. Но я как-то уверенно подумал: увидимся, — и добавил: если не здесь, то в будущей жизни.

Не могу промолчать, не отметить: как только закончилось чтение приговора, раздались многочисленные, дружные, громкие рукоплескания, как оказалось, студентов Зиновьевского университета. Ох, тяжело от них почувствовалось, досадно на них... Еще подробность: в конце чтения раздались два-три истеричных вскрикивания. Я очень порадовался, что из моих родных здесь никого не было.

В зале остались одни мы — осужденные. Как-то не хотелось смотреть друг на друга; на душе было пусто и темно, безотрадно и ко всему равнодушие. Помню, мой сосед по скамье о. Павел Виноградов, настоятель от Вознесенья, обратился ко мне с вопросом, к чему я приговорен. Я ответил ему с улыбкой. Он даже меня не утешал, сказав только: «Неужели?» Судьи наши, закончив чтение, тоже, по-видимому, чувствовали себя не особенно хорошо и так быстро побежали из зала суда к себе в комнату, что не захотели выслушать наших защитников, которые, сорвавшись со своих мест, закричали им вслед: «Мы кассацию подаем... мы заявляем... мы просим принять от нас заявление, что мы подаем кассацию...». Но судьи наши, как бы чего страшно убоившиеся, не слушая никого и ничего, бежали и убежали, не принимая никаких заявлений от наших защитников.

Еще до выхода в зал, когда мы были в «комнате обвиняемых», стала распространяться весть, исходящая будто бы от защиты нашей, что, каков бы ни был приговор по нашему делу, защитники в порядке кассации будут добиваться отмены его; говорили, что и расстрелов нечего бояться, ибо ВЦИК их все равно отменит. Появившиеся в те часы-минуты защитники наши были мрачны, неразговорчивы. Мой защитник проф. Жижиленко подходил то к одному, то к другому из «серьезных», «важных» подсудимых, что-то говорил и записывал. Подошел и ко мне и говорит: «Я хочу Вас несколько проинтервьюировать. Придется мне ехать в Москву, каков бы исход процесса ни был, и там поддерживать нашу кассацию. Мы туда же телеграфировали бывшим присяжным поверенным Соколову Н. Д. и Малянтовичу (видные адвокаты старого времени по революционным делам — из очень красных), и они ответили согласием вести ваше дело в Главном Ревтрибунале. Мне для сего потребуются некоторые сведения о вас. Вы, как не член Правления, для кассации и для всего приговора, для пересмотра его, самый лучший повод». Уверял меня, что приговор будет, хоть и суровый нам вынесен, но Москва отменит его.

Итак, заявления наших защитников о кассации не задержали наших судей. Они ушли, убежали. Ушли и оправданные. Остались мы, осужденные. Настрое-

ние у всех, конечно, скверное, но ни у кого ни слезинки, ни вздоха. Все хотя и подавлены приговором, но без отчаяния. Сели на свои места на скамьях подсудимых. Молчим. Только среди осужденных не «смертников» слышались разговоры — очень краткие и отрывочные, — вздохи... Стража все продолжала стоять, только более тесно и плотно нас окружив.

Не знаю, откуда был приказ, и мы пошли, без всякого порядка, в обычное место нашего отдыха — в комнату обвиняемых, — в полной уверенности, что там никого нет. Но к своему удивлению — а я к радости — видим там оправданных, здесь же толпящихся. Я иду к своему обычному дивану, где мы с Павлушей в течение всего судебного процесса сохраняли свою провизию и сживали. Здесь я нахожу Павлика, сильно и, кажется, давно плачущим. Ой, как мне тяжело в это время стало! Все мое внимание перенеслось к семье, к постигнутому ее величайшему горю, к тому, как ей тяжело будет теперь жить. Как вдруг — именно здесь и именно в эти минуты — я ощутил и даже осознал всю тяжесть, всю горечь, безвыходность своего положения. Мне стало казаться, что я не буду больше уже жить, что это — последние минуты для прощания с миром и людьми. И как жаль, до физически ощутимой боли жаль мне стало Павлушу и Аню. Мама, думалось мне, так будет убита, так изнеможет от горя, что она — не жилец, не работница и не кормилица. Значит, вся тяжесть моей судьбины падет на старших двоих... С какой любовью я подошел и стал утешать Павлушу!

Но плачущий Павлуша бросился ко мне, и не я его, а он меня стал утешать. Сколько любви, ласки, нежности, заботливости было во всех его не только словах, ибо слова плохо сходили с языка, сколько в жестах! Он гладил меня по голове, по руке, по спине. Уверял, что маму он сумеет утешить и успокоить, что они с Аней поступят на места, будут зарабатывать и кормить семью. Я просил его не тосковать по мне, не раздражаться на младших братьев и сестер, ради коих им придется тяжело работать — дать им образование и т. п. Наши взаимные утешения прерывались подходящими посторонними утешителями, то моими отвлечениями за разными справками.

Появились, по обычаю, разные слухи. Передавалось, что расстрелов не будет, ибо еврейская община, из желания привлечь симпатии православных на свою сторону, уже отправила в Москву депутацию для ходатайства о нашем помиловании. Говорили, что едет в Москву сам Зиновьев с представлением о том же. Новицкий стал говорить мне, что за него поехали в Москву с ходатайством очень солидные депутации от различных ученых учреждений, что он очень надеется на свое помилование, и добавил, что, если его помилуют, то, конечно, и всех нас, за исключением разве митрополита.

Пришел к нам Гуревич, защитник митрополита, с исписанным листом и стал собирать подписи. Подошел к нему и я. Оказалось, что это доверенность от нас кому-то, а кому и даем не знаю, на подачу и поддержку от нашего имени кассации. Подписал и я. Очень хорошо припоминаю, что мы — смертники — вели себя гораздо спокойнее, чем прочие осужденные. Я в иные мноты чувствовал себя как бы героем за то, что осужден к высшему наказанию.

Пробыли мы в комнате с полчаса. Является комендант и выкликает фамилии нас, смертников, за исключением двух архиереев, и предлагает нам

следовать за ним. Наступил час для настоящего прощания. Нас торопят. Я быстро прощаюсь с Павлушей; крепко целуемся. Он меня еще раз просит не беспокоиться за маму и детишек, беречь себя и громко кричит вслед мне, уже убегающему: «Прощай, дорогой папочка!» Я не отвечаю ничего, из глаз текут слезы, кажется, первые слезы. Я убегаю вместе с другими.

Нас выводят на улицу. Сажают в обычный грузовик. Молчание и тишина. Нет ни шуток обычных, ни слова разговора. И кругом нас все молчат. Нас окружает масса конных курсантов и не видится ни одного человека из публики. Везут нас обычным путем, но здесь же объявляют, что везут не в третий, а в первый исправдом, где обычно содержатся приговоренные к смерти в ожидании ее. Это известие прибавляет уныния. Едем при полном молчании. Я помню только одну фразу Новицкого, обращенную ко мне: «Вас вместе с нами к расстрелу? А знаете ли? Вы — наилучший повод к кассации...». На улицах как будто совсем нет людей. Только около Сергиевского собора стояла небольшая кучка, из коей нас благословляют. Тесным кольцом конвоируют конные курсанты в красных фуражках; впереди и позади нас едут чекисты на двух автомобилях. С панели идущие разгоняются, встречным извозчикам шумно приказывают сворачивать вдаль от нас. Как хотелось в эти минуты увидеть кого-нибудь из знакомых, услышать слово одобрения! Но никого!

Перед 1-м исправдомом собрался было народ, вероятно, откуда-то прослышавший о привозе нас. Я впервые вижу эту тюрьму. Поэтому внимание от себя невольно отвлекается к внешнему. Я наблюдаю, как разгоняют народ, как стража наша внимательно следит за нашим выходом из грузовика, боясь, вероятно, побега кого-нибудь из нас. Ведут в тюрьму. Мрачной и неприветливой показалась она мне. К тому же и на улице было темно. Через какие-то переходы вводят нас в приемную канцелярию. Новизна комнаты, новые люди, ожидания того, что с нами будут творить, куда и как посадят, как отнесутся к нам как к смертникам, — все эти интересы минуты поглощают мое внимание, отвлекая его от сосредоточения внутри себя.

В канцелярии принимает нас начальник. Конвоиры, за месяц езды с нами в суд привыкшие к нам, любезно и вполне сострадательно к нам прощаются с нами с пожеланием нам счастливой, благополучной кассации; мы их благодарим за добрые к нам отношения за все время поездок с нами. В канцелярии снимают с нас обычный формальный допрос. На частный вопрос одного из нас нам возвещают, что «смертникам» не только не полагается свидания с родными и прогулок, но и передачи провизии от родных. Это сильно нас обескураживает. Смерть хотя и «на носу», но привязанность к удобствам жизни заставляет забыть о ней. Я сильно пригорюнился. Но тут же слышу успокоение, что дело с кассацией и с помилованием продлится в Москве не свыше 2—3 недель. Ну, думаю, это время и без передач можно прожить, не умру, а там или смерть или облегчение участи.

Нервы у всех у нас натянуты были до крайности; все стараемся молчать, как бы боясь кого-то или чего-то, или признав бессмыслицу разговоров накануне смерти. На почве нервности происходит перебранка между Ковшаровым и Огневым. Последний, очень

разговорчивый, до забвения своего положения, стал что-то, любопытствуя, расспрашивать и жаловаться, что он не захватил с собой подушки. Ковшаров резко остановил его и назвал «старым болтуном», который неуместными разговорами может-де повредить всем. Огнев, тоже забыв, кто и что он и где он находится, очень разобиделся и стал гневливо выговаривать Ковшарову, что тот не имеет права делать ему замечаний, что он сам все знает и т. п. Помню, мне было неприятно и тоскливо выслушивать эту перебранку. Вот, думалось, люди накануне смерти, почти вычеркнутые из списка обитателей земли, и бранятся! Где у них сознание важности и тяжести минуты?!

Повели нас в наши камеры в нижнем этаже, где обычно проводят дни смертники. Поставив напротив камер всех нас, стали обыскивать. Обыскивали каждого в отдельности и очень внимательно. Осматривали все узелки, вывертывали карманы, ощупывали даже ноги через голенища сапог — светских заставляли разуваться, отобрали подтяжки, бандаж (у Богоявленского), лекарство в пузырьках (у о. Сергия). У меня с брюк сняли веревочку, и я должен был руками поддерживать их, чтобы они не упали. После этого стали нас размещать по камерам. Первую пару обыскали — Чукова и Новицкого, и повели их вместе в камеру № 2; в следующей паре шел я и архим. Сергей (Шейн), коего я доселе совершенно не знал и познакомился с ним только на суде. Нас поместили в камеру № 3; Богоявленский оказался вместе с Ковшаровым — камера № 4, а Огнев с Елачиным — камера № 5. Доселе мы были все вместе, с этой минуты оказались в двойственном числе.

В камере ярко горела электрическая лампочка и обильно освещала всю бесприютность ее обстановки. Камера — обычная одиночка, с обычной откидной тюремной койкой; небольшой, железный, прикрепленный к стене стол и маленький, прикрепленный так же, стул-табурет. Осмотревшись несколько, мы увидели, что койка одна, а нас двое, оба не малы ростом и широки, как же лечь?! Я настойчиво стал предлагать о. Сергию ложиться, а сам предполагал ночь, сидя, дремать. Тот не согласился, наставив в свою очередь, чтобы я ложился на койке, а он ляжет на полу. Но и для пола нужна была подстилка, коей у нас не было. Тут подошла к нам пожилая женщина, оказавшаяся надзирательницей, очень милой и любезной. Мы стали просить ее дать нам матрац и поставить другую кровать. Она, как добрая русская сердобольная женщина, старалась успокаивать нас, уверяя, что без Москвы нас не расстреляют, Москва помилует, что вот вчера какого-то большого вора по приказу из Москвы подняли наверх (т. е. как помилованного, перевели из нижнего этажа, где помещаются смертники, наверх). Скрывшаяся надзирательница вскоре вернулась с двумя чистыми простынями из парусины и объявила, что сейчас не могла она добыть ни койки, ни матраца другого, ибо все спят. Было около часа ночи...

Поуговаривавши друг друга, решили лечь на кровати оба вместе. У меня появился сильный аппетит, важется я у о. Сергия тоже. Вынули мы с ним провизию, принесенную на суда, и я порядочно поел и мне будто полегчало. Оказалась у нас и кипяченая вода, коей я званил. Были оба молчаливы. О. Сергий, оказавшийся превосходным человеком, — за двое суток, проведенных с ним, я доселе Господа благодарю, — часто вздыхал и отрывочко высказы-

вался: «Ну и попались мы!» или: «Бог не выдаст: помилуют...» Я постелил постель. Хотелось помолиться Богу. Я предложил о. Сергию читать молитвы по иерейскому молитвослову, оказавшемуся у него неотобранным. Он сказал, что он привык своеобразно читать молитвы: вставляя свои слова, останавливаясь и т. п. Тогда стали молиться каждый своей молитвой. На койке, кроме казенного, у нас ничего своего не было. У о. Сергия оказалась лишь маленькая подушечка, у меня — узелок с провизией сухой, на что мы и положили свои утомившиеся и пули в лоб ожидавшие головушки. Легли рядышком, впротыжку — он к стенке, а я с краю — тоже по соглашению.

Ночью все время горел огонь, и форточка в дверях в коридор была открыта всю ночь. Так требуется для камер смертников, чтобы надзирателю видно было все происходящее в камере, и смертник не мог сотворить чего-либо недозволительного. Спалось мне в эту ночь очень плохо. Того, что сейчас придут и возьмут меня на расстрел, я не боялся ни в эту, ни в следующую ночь, чего боялись, как потом оказалось, мои сотоварищи по несчастью и соседи по камерам. Но что-то тяжелое, грустное щемило сердце; какая-то тупая, неопределенная, словам для выражения не поддающаяся мысль бродила в голове. Спалось без кошмарных снов, но беспокойно. От пережитых ли волнений минувшего дня, от тягостных ли мыслей или от боязни потревожить как-нибудь соседа я часто просыпался.

Яркое утро. 7 часов. Пробужденные ожившим днем и тюрьмой, невесело встречаем день. Каждый в одиночку — молимся. Молчаливо пьем принесенный кипяток. Начинаю знакомиться со стенной литературой камеры. Печальная, тревожная, не дающая никаких надежд литература. В одном месте читаю: «NNN (имя, отчество и фамилия чисто русские, народные, мною забытые) осужден на расстрел 16 января 1922 г.» Внизу под сим другой рукой подписано: «18 января в 10 часов вечера взят для расстрела». В другом месте такие же две пометки, только с изменением имен и чисел. Ну, подумалось, из сей камеры путь-дороженька в могилу. Куда-то мы выйдем? Сменившаяся новая надзирательница-старушка несколько утешила, что, хотя ни свиданий, ни прогулок не полагается, но передача провизии допускается в определенные дни. Сообщила, что сидящим уже 9-й месяц смертникам-эстонцам разрешают прогулки. «Может, и вам разрешат, похлопочите», — прибавила она. Как наивные дети, и мы всему верили, и за всякую соломинку самоутешения хватались.

Скоро принесли койку и матрац. О. Сергий, не допуская меня, стал ее устроить. Плохое спанье на ней предвиделось безошибочно. Я пытался было взять ее для себя, но он не допустил, сказав, что он — монах и ему не подобает нежиться. Не были мы с ним знакомы прежде, и здесь беседа у нас с ним не клеилась. Каждый думал свою невеселую думу. Только слышались вздохи — больше о. Сергия — призывания Господа, и рука тянулась к крестному знаменю. Вздохи его обратили мое внимание, и я, как бы в утешение сам себе, стал говорить, что расстрелов не будет, нас помилуют и т. п., а поэтому что же сокрушаться и вздыхать? Он на это мне заметил, что его вздохи — не столько от душевной тяготы, сколько чисто физиологического происхожде-

ния, частые у него и на свободе.

Скорее поутру отперли дверь, и явился незнакомец с тетрадь в руке. Это был приговор по нашему делу, отпечатанный на машинке, тот же самый, который потом в печатном виде был роздан на Шпалерной в ДПЗ. Я было начал читать его, но так тяжело стало, так грустно, что у меня потекли слезы, и я прямо перешел к последней странице, где перечислялись мы, смертники. Я посмотрел на порядок фамилий. Моя фамилия стояла последней. Это меня ободрило, и я повеселел. Я в то время думал, что распорядок помещения нас в списке сделан был не случайно, а в соответствии вине нашей в сознании судей. Значит, подумал я, я считаюсь менее других виновным, и, если станут в Москве миловать, то меня-то непременно помилуют. Я быстро дал свою требовавшуюся на приговоре подпись, за мной то же сделал и о. Сергей.

О. Сергей оказался большим любителем церковного пения, он все про себя что-нибудь напевал. Я пытался иногда подпеть ему, но это не удавалось; мы могли с ним петь только поодиночке. Тогда мы решили прочитать акафист Иисусу Сладчайшему. Потом я попросил о. Сергия помочь мне отслужить панихиду. 6 июля по новому стилю, 23 июня по старому, был день именин моей покойной матери. Акафист вычитывал о. Сергей, я подпевал; панихиду я служил за священника, а он за псаломщика. Конечно, ни облачения, ни кадила у нас не было. Служил панихиду я с особенным настроением. В голове теснилась мысль: еще несколько дней, и я буду вместе с моей матерью, но только там ли, где она?

Между 11—12 часами дня вдруг неожиданно принесли передачу — сначала о. Сергию, а потом мне. В каком бы положении человек ни находился, а телесное в нем преимуществует. Передачи сильно порадовали нас. Правда, здесь радость проистекала не столько из того, что принесли и будут нам приносить съестное, сколько из того, что обо мне узнали, где я, и, значит, хотя несколько успокоились в семье, что и впредь в эти ужасные дни будем иметь возможность осведомляться. Особенно обрадован был припиской от жены при передаче: «Я спокойна, будь спокоен и ты». Разумеется, ее спокойствию я не доверял, но все-таки приписка эта меня осведомляла, что как будто нет дома тоски, отчаяния, что там как будто бы есть луч какой-то, хотя бы самой маленькой, надежды... Вскоре получил другую передачу от Александры Владимировны. Принес ее добрый служитель, просивший что-то вернуть обратно. Пользуясь временем, я узнал, что принесли ее две барышни. Я решил, что вторая была Аня, и просил передать им, что я не один в камере. Не знаю, передал ли он ей это. Воспользовавшись приходом Александры Владимировны, я написал ей записку и доверенность на получение ею моих вещей из 3-го исправдома.

При передаче из дома оказались присланными книга Иоанна Златоуста, 6-й том нового издания, и книга Мамина-Сибиряка, 2-й том. Я взял сначала Златоуста, посмотрел оглавление и не нашел ничего для себя занимательного. Взялся перелистывать ее, и тут внимание ни на чем не остановилось. Положил книгу... Камера наша столь была узка, что между нашими двумя койками нельзя было свободно двигаться. Нужно было или сидеть или лежать.

О. Сергей, пообедавши из принесенного, лег и скоро заснул. Я помялся, походил, еще раз перелистал Златоуста, лег с отрывками бессвязных мыслей в голове и заснул.

Проснулся как будто повеселевшим. Взял Мамина-Сибиряка, надеясь легким чтением развлечься, и эта книга вывалилась у меня из рук, я и пяти строк не мог прочитать. О. Сергей был более счастлив. Он взял у меня Златоуста и сразу напал на слова святителя, поучающего о скорбях и несчастьях, посылаемых от Господа человеку. Златоуст приблизительно так говорил: тебя постигло несчастье, ты просишь Господа избавиться от него, но Господь не внемлет, и у тебя за несчастьем следует новое горе... Знай, что Господь все это делает для тебя, и ты в конце концов от Господа не только получишь избавление от всех горестей, но и сторицей вознаграждение.

Впоследствии, уже в ДПЗ, сколько раз я ни пытался найти это место у Златоуста, так и не мог. Как будто оно куда-то из книги исчезло, или мы в те неповторяющиеся тяжелые минуты читали что-то, чего в книге не было. Тогда эти суждения Златоуста, видимо, ободрили о. Сергия, он их прочитал мне, и мы с ним на эту тему радостно побеседовали. После этого он запел что-то из песнопений Страстной недели. Я грустно заметил: «Услышим ли мы это когда-нибудь?» Но он бодро ответил: «Ты, отче (он сразу стал со мной на «ты»), не отчаивайся! Господь может так устроить, что мы с тобой все это услышим и услышим в храмах наших». Да! Но Господь не судил ему видеть себя оправданным в этих его надеждах. Его нет. А я лишь через два года услышал эти песни...

Часа в 3—4 пришел водопроводчик из вольных, с мальчиком, поправлять водопровод в нашей камере. Ее отперли. К дверям ее подошли человека два из посторонних. Начался общий разговор, — конечно, сначала с утешениями нам, а потом и о всем прочем. Я был рад этому от Бога посланному отвлечению от самого себя. Заметно, что и о. Сергей был доволен. Работа продолжалась часа два-три, к нашему удовольствию и развлечению. Мы позабывали в эти часы о своем положении, имея даже камеру часто открытой.

Часов около семи старушка-надзирательница, таинственно открыв окошечко в двери, передала записку с предупреждением, что передавать нам что-либо запрещено и чтобы мы по прочтении разорвали ее. Записка была от Д. Ф. Огнева и адресована о. Сергию. Огнев в ней приблизительно следующее писал: «Вчера при распределении по камерам двое светских оказались распределенными со священниками. Но вы, два священника, сидите вместе, а мы с Н. А. Елачичем — двое светских. Теперь, в эти тяжелые дни, быть может, последние в жизни, хочется иметь духовное пастырское утешение. Поэтому разрешите нам с вами разделить так, чтобы мне быть с вами, а Елачичу — с о. Чельцовым. Жду ответа».

Мне это письмо было неприятно. Мне так нравился о. Сергей, и так духовно отрадно было с ним проводить время, что мой эгоизм был сильнее доброжелательства к Огневу. Заметно было, что и о. Сергию не хотелось разъединяться со мной. Когда я прочел письмо и разорвал его, он спросил меня: «Ну, как, отче, ты думаешь? Тебе не тяжело со мной?»

Я ответил, что мне очень не хотелось бы с ним расставаться, но, что, быть может, духовная нужда Огнева и наша к нему братская любовь должны побудить нас разойтись. О. Сергей заметил: «Предоставим воле Божией. Он нас Сам устроит. Во всяком случае, мы с тобой сами ничего не будем предпринимать. Пусть Огнев действует, если это ему нужно». На этом мы с ним закончили этот неприятный для нас инцидент с письмом.

7 июля/24 июня — праздник в честь Иоанна Крестителя. Мы решили служить всенощную. Я был за псаломщика, о. Сергей — совершителем. По окончании ее сели закусить: тут мы подумали, что, быть может, у других смертников наших не было сегодня передачи провизии из дома. Я тогда постучал в дверь и попросил старушку-надзирательницу узнать у наших соседей, кто из них не имеет своего питания. Она нас уверила, что только один Елачич не имел сегодня передачи. Мы тогда с о. Сергием собрали ему от своего и послали. Ответа от него никакого не получили. В нашем нижнем этаже было уже темно. Зажгли огонь и на ночь открыли дверную форточку. Я высунул из нее голову и, обращаясь налево по направлению к камере о. Л. Богоявленского, вызвал его. Тот быстро откликнулся. Я спросил у него, как он себя чувствует и получил ли передачу. Он ответил утвердительно и как будто благодушно. Я намеревался продолжать беседу, но осторожный о. Леонид, боясь через это дерзкое нарушение правил тюрьмы поплатиться, поспешил пожелать мне спокойной ночи. Ответ этот я понял, содержание беседы передал о. Сергию.

У меня появился как бы зуд к говорению, быть может, для самозабвения. Я увидел в коридоре подметающего пол уборщика из арестованных. Подозвал его, дал ему хлеба и стал расспрашивать его о тюрьме. Он мне сообщил, что начальство заметно боится чего-то в связи с нашим привозом сюда, что в городе большое недовольство по поводу столь тяжелого для митрополита приговора, что будто бы на Путиловском заводе неспокойно, что идут толки о насильственном освобождении нас из тюрьмы. Эта весть, теперь кажущаяся совершенно фантастической и чудовишной, тогда мною была принята с большим доверием: было приятно, что о нас помнят, болеют и что-то доброе хотят для нас сделать. Но в то же время настроение сейчас же омрачилось от быстро явившегося опасения, что эти разговоры городские о нас, пожалуй, побудят начальство поспешить нас куда-нибудь подальше... Прочитали молитву и легли спать. Теперь легли каждый на свою койку, но без подушек и с подрысником вместо одеяла. Легли в полной уверенности, что и в эту ночь нас к расстрелу не потребуют. Хотя, впрочем, нет-нет, да и явится вдруг мысль: а что если по телеграфу уже снеслись с Москвой и оттуда уже получен ответ о нашем расстреле? Но эту мысль я сейчас же старался гнать. И помнится, спал хорошо.

Утром совершили обедницу, но без причащения Св. Тайн за несимением их. День потянулся как-то очень длинно и мрачно-скучно. Мы с о. Сергием не раз задавали себе вопрос: почему этот второй день сидения так тяжело и уныло длился, и ответа не давали. Быть может, вчерашний день разнообразился, а в этот день было одно совне явление — это передача о. Сергию. Чтение тоже совсем не давалось. Впрочем, о. Сергей что-то листал и даже читал из

Златоуста. Я снова подержал в руках Мамина-Сибиряка, и взялся за иерейский молитвослов, и какие-то псалмы машинально — более глазами, чем умом и сердцем — почитал. Больше ходил-топтался по своей узенькой и коротенькой камере. Думы невольно летели к дому и к родным. Какая-то жалость осиротевших своих сжимала сердце, слезы подкатывались к глазам и сдавливали горло. О. Сергей часто вздыхал, я ему вторил. Я что-то заговорил о молитве. О. Сергей заметил: «Что значит наша молитва? Вот там (показал рукой на окно, а через него на улицу, т. е. у наших родных) — там теперь горячо молятся. Их молитву Господь услышит...» Я как-то неосторожно заметил о. Сергию, что ему нечего особенно тужить и волноваться — он один. На это он резонно ответил, что Бог весть, где положение труднее: мое ли, у коего, хотя и малые дети, но есть и подростки, на коих могут покоиться надежды, или его, у коего две стареющие сестры без службы и средства к жизни, всю надежду только в нем имеющие.

Часов около трех дня, когда мы уже закусили, вдруг открывается дверь камеры, входит какое-то тюремное начальство и, обращаясь к обоим нам, говорит: «Собирайте ваши вещи, вы через полчаса переправляетесь в ДПЗ на Шпалерную». Как? Почему? Зачем? На эти вопросы нашей удивленной от неожиданности мысли не дается никакого ответа. Мы в полном недоумении. А так как человеку, находящемуся в горестном положении, все хочется объяснить в лучшую, приятную для себя сторону, то и мы начинаем думать успокоительно для себя. Значит, решаем, расстрелы отсрочены, иначе зачем бы перевозить отсюда, откуда возят только на полигон. Конечно, явилась мысль, что эти слова о перевозе на Шпалерную — не пустой ли предлог для успокоения, не везут ли на расстрел? Но против этого говорило время — день, ибо на расстрел возят ночью.

Быстро собрали мы вещи. Из оказавшейся излишней провизии кое-что мы отдали нуждающимся арестантам для раздачи и, почти одетые в дорогу, стали поджидать. Тут совершенно неожиданно для меня о. Сергей обращается ко мне с такими словами: «А все-таки, отче, неизвестно, куда нас повезут. Также неизвестно, как мы станем жить и что с нами приключится, а поэтому поисповедуй-ка меня...» Я снял с груди свой священнический крест, положил его на подоконник, как бы на аналой, через шею спустил полотенце двумя концами на грудь наподобие епитрахили и приступил к исповеди, прочитывая выступавшие в памяти исповедальные молитвы. О. Сергей исповедался искренне, горячо и серьезно. Это его была последняя земная исповедь... После я попросил его исповедать меня. Исповедались, поплакали оба, уже не стесняясь друг друга в слезах.

Вскоре явилось то же тюремное начальство и предложило нам обоим следовать за ним. В коридоре мы встретили Богоявленского, вместе с нами отправляемого. Повели черным ходом, через сад. В дверях тюрьмы нас передали каким-то шумным военным, кои должны были везти нас. Позади сада нас посадили в закрытый автомобиль — очень тесный, так что о. Леониду пришлось сесть на корточки, упираясь на узлы багажа нашего. Один из наших провожатых сел рядом с шофером, а другой — вместе с нами, напротив меня. Дорогой я все время смотрел в окно автомобиля в тщетной надежде, не увижу ли кого-либо из знакомых, но никого не видал.

О. Сергей угощал всех нас, в том числе и конвоира нашего, свежими, только что принесенными ему ягодами клубники. Завязался беспорядочный разговор с конвоиром. На начальный отказ того взять ягоды о. Сергей заметил, что ягоды не отравлены, ибо и мы не думаем еще умирать. Тот ответил, что нас в Москве помилуют, впрочем, прибавил, что это его мнение. На наш вопрос, почему нас переводят на Шпалерную, он хитро, но успокоительно ответил, что в 1-м исправдоме очень тесно, а начинаются большие процессы о налетчиках, и для имеющихся явиться новых «смертников» нужно приготовить места; при этом прибавил, что на Шпалерной нам будет спокойнее. В последнем он был совершенно прав: на Шпалерной покой был самый настоящий, могильный... Во время переезда меня занимала подозрительная мысль: а на Шпалерную ли нас везут?! И успокоился, когда остановились на месте назначения.

На Шпалерке пропустили нас троих вместе обычным порядком через канцелярию и повели куда-то далеко-далеко нижним коридором. Ну, думаю, посадят где-то внизу. Сюда, по рассказам, в темные сырые камеры убирают нежелательный людской отброс, с коим хочется поскорее разделаться. Идем все время при общем молчании. Тишина всюду убийственно невозмутимая, только стук от ног гулко раздается по сводам тюрьмы. Нет ни одного человеческого лица, даже надзиратели куда-то попрятались. Это полное безлюдие мне тогда показалось неслучайным. Конечно, надзиратели оставались на своих местах — в очень уютных уголках-стрелках, где их почти совсем не видно, но откуда они могли видеть все в пределах ими охраняемых камер. Подошли вплотную к какой-то стене и стали подниматься наверх по узкой лестнице с частыми небольшими площадками, забираясь все выше и выше. Значит, не в сыром подвале буду кваситься. Поднялись на 4-й этаж. Опять стала в голову заползать тяжелая мысль: здесь, думаю, вероятно, система распределения строгостей к арестантам та же, какая показалась мне в 3-м исправдоме: важных преступников поселяют в верхних этажах. А нам, смертникам, так и нужно быть ближе к небу, куда скоро придется переселяться и о чем надо почаще подумывать. В тюрьмах мне всегда нравились верхние этажи: больше воздуха и света, виднее небо и от всего этого как-то привольнее на душе.

На 4-м этаже привели нас к надзирательскому столу. Устало, тихим полушепотом, но повелительно и твердо предложили нам развязать наши узелки и показать свои вещи. Начался обыск и такой, какому я еще нигде ни разу не подвергался — самый настоящий: белье все распускалось и рассматривалось до последней ниточки, пища вся перерезывалась, переламывалась и переворачивалась до последнего атома, ни одной газетной обертки не оставили, все выбросили на пол; в конверте у меня был завернут сахар с чьей-то надписью: «Будьте здоровы, живите...», и это было прочитано, но после долгого раздумья возвращено мне; отобраны были листы чистой бумаги, кем-то переданные мне на суде, и карандаш, врученный мне при прощании Павлушей, отнята была книга Мамина-Сибирика «Рассказы», том 2-й.

В конце концов, всего меня ощупали, вывернули все карманы, сняли сапоги и чулки, а с Новицкого,

как потом узнал, и, вероятно, со всех светских, спустили брюки и оставили в одном нижнем белье.

Обыск этот, такой цинично бесцеремонный, да еще после обыска, только два дня назад бывшего в 1-м исправдоме, произвел на меня самое гнетущее впечатление. Ну, думалось, по такому началу нельзя ожидать ничего доброго на Шпалерке. А тут в довершение тяжести душевной вдруг снизу послышался чей-то горький, жуткий плач-крик, как будто кого-то били, а за ним послышались шаги бегущих, и... все вдруг сразу смолкло. Так, пожалуй, здесь и бьют?! А с нами-то, конечно, церемониться не будут — лезли один за другим досадливые предположения...

Со мной покончили обыском прежде других. «Куда его?» — слышу, спрашивают старшего. Тот посмотрел в какую-то запись и пробурчал: «В четвертый». Это, оказалось, меня нужно было оставить в четвертом этаже. И здесь, при разбивке нас восьмерых, из 1-го исправдома привезенных, и двух архиереев, здесь содержавшихся, была соблюдена самая строгая предусмотрительность. Нас разместили по разным этажам, в одиночные камеры, далеко не соседние, чтобы не могли найти какие-либо способы для переговоров между собой. Только, вероятно, по какой-то неосмотрительности или по технической невозможности поступить иначе, Елачица и Огнева посадили рядом, о чем они узнали в конце своего сидения и чем не воспользовались. Меня, Елачица, Огнева и Ковшарова оставили на 4-м этаже, о. Сергия, Богоявленского и Чукова — в 3-м этаже, а Новицкого спустили во 2-й этаж, где уже сидели два архиерея. Конечно, об этом распределении мы тогда ничего не ведали и узнали о нем уже после, по прибытии своем во 2-й исправдом.

Ввели меня в камеру, номера которой я не заметил. Камера, как камера: сажень ширины, два длины. Налево от двери прикрепленная к стене железная кровать с очень потрепанным мешком, в котором когда-то была солома, но от которой остались теперь только незначительные напоминания. Можно сказать, что железные переплеты кровати были покрыты только мешком, и ложе мое не хуже было ложа любого древнего пустынноика; железные переплеты врезывались больно в тело и приходилось немало поворочаться, прежде чем приспособить свою брешьность к успокоению сонному. Приведший меня надзиратель сам обратил внимание на убожество моего ночного упокоения и сказал, что постарается похлопотать о перемене мне его. За неделю до оставления мною особого яруса другой надзиратель, тоже сам, по собственному почину, пообещал мне улучшение моей постели, но тоже ничего из этого не вышло. Сам я не возбуждал дело о матрасе, сначала думая, что недолго — недели две, не более — придется пробыть в этой камере, а по прошествии этих недель, каждую ночь ожидая вывода из этой камеры или на тот свет или в другое место. Так и проспал на этом ложе 42 ночи.

Напротив койки помещался у другой стены небольшой — четверти в полторы в квадрате — железный стол с таковым же стулом, оба, крепко прибитые к стене. За столом, в углу самом, у окна — клозет с умывальником и водой в баке наверху. У входной двери на стене вешалка с двумя крючками и маленькая полочка. Эту обычную камерную обстановку я сразу даже не приметил, рассмотрел ее

лишь впоследствии. Хотя и видел, что койка лишь одна, но почему-то стал ждать, не посадят ли кого-нибудь ко мне, и все прислушивался, не ведут ли кого-либо из наших ко мне или не сажают ли по соседству. Чтобы лучше слушать, я прекратил начатое было естественное в такие минуты прохаживание по камере и сел на конец койки, поближе к двери. С настроением поджидания соединилось какое-то душевное успокоение от того, что положение в тюрьме определилось, по крайней мере, недели на две, да и солнышко, ярко светившее, вносило в душу мир и благодать. Во все свои сидения в тюрьмах я всегда боялся нижних — темных и сырых камер, поэтому и здесь был доволен высоким этажом и солнцем в камере.

Как я провел первый день на новом месте, я забыл. Помню, что страха за жизнь не испытывал, опасений насчет репрессий в тюрьме пока не было. Беспокоило лишь то, что тишина в тюрьме стояла абсолютная: не только никто не подходил к камере, но не было слышно ничьих голосов, ни шагов. Помню лишь, что сильно меня занимала мысль добыть из 3-го исправдома оставшееся там мое имущество и священные книги. Я позвонил надзирателю, этот очень осторожно и неохотно посоветовал мне подождать: он-де, пойдет, справится, что и как предпринять. Через час приносит клочок бумажки и карандаш и предлагает на имя начальника ДПЗ написать заявление с просьбой истребовать ему для меня мои вещи, точно и подробно переписав их. Через 15—20 минут он уносит от меня написанное заявление... Кажется, в течение этого дня я больше ходил с отрывками самых бессвязных мыслей...

Внешнюю жизнь можно охарактеризовать одним словом «изоляция». Ни свиданий, ни прогулок, ни выходов из камер. Даже двери камеры открывались лишь два раза в неделю — для выпуска меня в комнату отделенного надзирателя, чтобы взять мне присланную из дома передачу, — это по понедельникам и пятницам от 9 до 11 часов ночи, — и по средам, чтобы в открытую надзирателем дверь передать ему заранее мною приготовленную обратную передачу. Даже форточка в двери всегда была на запоре совне, из коридора, откуда закрывался тяжелым чугунным футляром и стеклянный глазок в двери. Надзиратели не имели права разговаривать с нами. Бывало, позвонишь, подойдет надзиратель к двери, станет как-то полубоком к тебе, чтоб его лица не было видно, на вопрос ответит неохотно, односложно, и уж сам ничего не спросит и тем более ничего своего не скажет. Я сам не видел, но потом мои соузники передавали, что у камеры каждого из нас стоял часовой с ружьем; он всегда подходил к двери, как только форточка открывалась для подачи нам пищи или кипятку. Чуков даже слышал, как при смене, вероятно, часового разводящий давал ему наказ стрелять «не попусту». Часовые стояли не более двух-трех дней, до получения из Москвы телеграммы о задержании приведения в исполнение приговора о расстреле нас.

В эти первые дни очень часто, — впоследствии гораздо реже, — за нами, за нашим поведением в камере наблюдали. Вдруг, бывало, отодвинут чугунный заслон с глазка-окошка в двери, и не успеешь подойти к двери, как уже наблюдающий глаз исчезает и заслон задергивает окошко. Зачем эта слежка была нужна — обычный ли это порядок из опасения самоубийства или переговоров с соседями

и даже побега, или специально за нами следили, — сказать не могу. На первых порах эти заслонные щелкания сильно нервировали и заставляли всего опасаться, а потом я к ним привык и почти уже не обращал на них никакого внимания.

О нас же эти наблюдения могли одно лишь по начальству доносить: все-де молятся и по камере ходят. Насколько сильно подействовала на надзирателя молитва митрополита Вениамина, об этом свидетельствует такого рода донесение со Шпалерной на Гороховую, что нам передавали официально осведомленные о сём лица: «Митрополит молится по 14-ти часов в сутки и производит на надзирателей самое тяжелое впечатление, почему они отказываются от несения ими их обязанностей в отношении к нему». Не этим ли приходится объяснять то, что за последние две недели были у нас частые перемены в надзирателях?

Сидение без гуляния тяготило больше дух: им сильнее подчеркивалось твое исключение, как бы заживо, из списка людей сего мира и дела. Тело же пользовалось воздухом в достаточной степени от открытого окна. Я его не закрывал ни на одну минуту, даже боялся и не знал, можно ли его закрывать. Да и погоду Господь Бог послал в то лето самую для узников благоприятную. Жаркое солнышко сменялось частыми дождиками и не было ни жары с духотой, ни холода с сыростью. Благодаря Богу за такое благоприятное для нас растворение воздуха, я часто думал об огородных моих работниках (семейные мои имели в то лето до 100 сажен земли под огородом) и жалел, что им приходится часто мокнуть и зябнуть и что тяжелые их труды не покроются желательными результатами. Так оно и вышло: на огородах многого не выросло от излишней сырости и мокроты.

Итак, всякие разговоры с нами надзирателям были запрещены. Но люди — всюду люди. С одной стороны, они любопытны и потому любят порасспрашивать, особенно при непрерывном суточном окарауливании, в мрачном одиночестве и жуткой тишине; с другой стороны, по душе-то мы, русские, все хороши, доброжелательны и сердечны: душа влечет оказать или даже сказать что-либо доброе, приятное, утешительное, особенно смертнику. И на Шпалерке, дня через два, по водворении меня туда, надзиратель сам, без моего к нему вызова, открывши дверную форточку, шепнул мне: «Не бойтесь, расстрелов не будет». «Почему Вы так думаете? Разве известно что-либо?» — спросил я изумленный и обрадованный. «Да так, по всему это видно». Хотел я его что-то еще спросить, но он быстро захлопнул дверцу, прибавив лишь: «Будьте спокойны...» Пустяшное известие, ничего в нем определенно приятного не было, а как радостно после него чувствовалось. Естественно, появилось бодрое настроение и какая-то, правда, не долгожизненная уверенность в благоприятном решении нашего дела.

Особенно сердечно относились ко мне две надзирательницы, одна сменявшая другую. Обычным предварительным к надзирателям подходом стал, вскоре по водворении, подарок им чего-нибудь съедобного из изобилия приносимой провизии. Сначала они отказывались принимать, но моя настойчивость и предложение, что, если не хотят взять себе, то пускай передадут голодающим арестантам, победили их сопротивление. А даешь булку, невольно что-нибудь спросишь и ответ получишь — очень

уклончивый, данный полушепотом и после предварительного внимательного обзора кругом, нет ли кого-либо подсматривающего или подслушивающего. У них же всегда первым вопросом бывало: откуда я, от какой церкви, есть ли у меня и какая семья. Одна из надзирательниц даже стала мечтать, как бы помочь мне установить сношения с семьей. Другая, вероятно, в желании мне оказать приятное, сообщила, что сама прочитала в газетах о состоявшемся будто бы помиловании нас. Конечно, сообщалось все это отрывками, в микроскопических дозах. И ждешь, бывало, двое суток, когда она на третьи сутки явится снова на дежурство, чтобы узнать и порасспросить обо всем поподробнее. А за это время радость от первичного сообщения заменяется тоской от разложения его на составные части, полные печали и безнадежности.

Очень любовно относился ко мне один из надзирателей, незадолго до выхода из особого яруса приставленный к нам. Недельки за две до выхода отсюда, вечером, он открыл форточку и тихонько сообщил, что сейчас он читал в газетах о нас, о том, кого не помиловали, и что моей фамилии там нет. «Да знаете ли Вы мою фамилию?» — спросил я его. Но он быстро захлопнул форточку, сказав, что сейчас здесь, надо думать, около моей камеры, начальство и что он потом ко мне зайдет. Восторг и радость. Но сейчас же, — эти минуты хорошо сохранились в моей памяти, — они сменились противоположным настроением. Думалось, значит будут и расстрелы? Быть

может, и я среди обреченных? Ведь он (надзиратель) моей фамилии не знает. А как тяжело на душе от мысли, что все-таки кого-то из нас расстреляют, кого-то больше не придется видеть. В эти минуты даже любовь к собственной шкуре с эгоизмом как будто замолкли и притаились. Близость насильственной смерти другого не только умаляет, но даже почти совершенно прекращает радость от сознания собственной безопасности.

Часа через два, действительно, надзиратель явился у моей форточки и сообщил, что сейчас читал газету и там помечен непомилованным митрополит и еще трое. Но кто же? Фамилий он не запомнил, но опять уверял, что моей нет. Я начинаю перечислять ему фамилии смертников. Новицкий? — Да. Ковшаров? — Да. Этих я и в ранних своих предположениях всегда считал в первых номерах к расстрелу и не потому, конечно, что они виноваты, — они так же невинны, как и все другие, — а потому, что на них всегда обращалось особенное внимание судей наших, как будто бы главных виновников. А кто же четвертый? Я сам не мог назвать наверное фамилии. Говорю надзирателю: Чуков? — Нет. Богоявленский? — Нет. Чельцов? — Нет. Елачич? — Вот, вот, он, — слышу я. И мне казалось, что Елачичу, как секретарю Правления, естественно быть среди расстрелянных. Но, может быть, надзиратель мою фамилию плохо разбирает. Переспрашиваю, уверяет, что меня нет.

(Окончание следует)

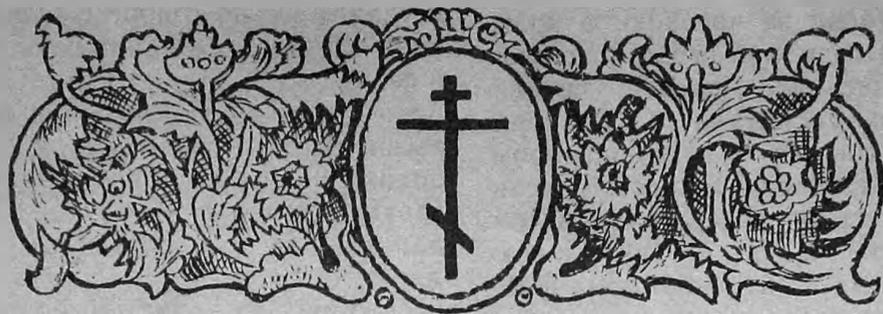

Людмила Либерцева

ПЕРЕД ИКОНОЙ

Глаза в глаза
сквозь отраженный свет,
За пламенем свечи —
моя тревога.
Мольба о помощи. . .
Сквозь миллионы лет,
Сквозь линзу чувств к Тебе моя дорога.
Едва касаюсь хладного стекла
К молитве не привыкшими губами,
И так легко мне в православном храме,
Душа моя покойна и светла.

О Господи!
В Тебя поверить страшно,
О Господи,
Испуг мой —
Солнца вспышка,
Мольба моя осквернена вчерашним
Неверием,
Гордыни было слишком,
Напраслины,
кощунства,
лженауки. . .
Мне так хотелось объяснить чуда:
Что наша жизнь?
И нет сильнее муки
Незнания: куда мы и откуда?
О, если бы познать все тайны разом!
Запретный плод всегда бывает сладок,
О, Господи, смири мой дерзкий разум —
Я до смерти устала от догадок.

НАШИ ХРАМЫ

И.В. Попов

Церковь Богоявления Господня на Гутуевском острове

На обширном острове Невской дельты — Гутуевском, лежащем в западной части Петербурга и омываемом Большой Невой и ее рукавом, рекой Екатерингофкой, на правом ее берегу возвышается, отражаясь в водах реки, церковь Богоявления Господня.

Величественный, с мощною главою над почерневшими от времени темно-красными стенами, украшенными чудом уцелевшими золотистыми иконами-мозаиками, храм ныне возрождается к жизни: вокруг стен его поднялись леса, купол вновь венчает осьмиконечный православный крест, и вместо мерзости запустения во святом храме сем вновь приносится Бескровная Жертва.

Остров, на котором стоит храм Богоявления Господня, упоминаемый еще в начале XVIII века как Незаселенный, позже — как остров Св. Екатерины и Новосильцов, в середине века получает свое современное название — Гутуевский, по имени своего владельца, олонецкого купца-судостроителя Конона Гутуева, бывшего позднее ратманом (советником) департамента гражданских дел Петербургского магистрата. Более полутора веков с момента основания С.-Петербурга остров остается пустынным. Лишь в последней четверти прошлого века, с сооружением в 1877—1885 гг. 26-верстного Петербургского Морского канала (открыт 15 мая 1885 г.), и переводом сюда из Кронштадта Петербургского Торгового порта, здесь ожила торговля и остров стал постепенно застраиваться. К устроенной при входе в Неву гавани «Новый Порт», где швартовались морские и океанские суда, была проложена Портовая-Путиловская ветвь Николаевской железной дороги, рядом с портом разместились Сельдяной буян (склад заграничных сельдей) и пакгаузы переведенной сюда с Васильевского острова Портовой Таможни, что привело к существенному росту числа служащих и живущих в этой части города.

Мысль о сооружении храма на острове зародилась не сразу. Первоначально служащие чины Портовой таможни предполагали выстроить на собранные между собой пожертвования небольшую

часовню. Возвести на острове не часовню, а храм предложил впервые в 1891 году настоятель расположенной неподалеку Александро-Невской церкви Петербургского Морского Госпиталя о. Василий Евдокимович Альбицкий (он же был инициатором постройки храма во имя Милующей Божией Матери в Галерной Гавани). Его идею поддержал, а затем и дал обильные средства к ее осуществлению владелец бумаго-пряделных и ситценабивных фабрик Иван Агапович Воронин, известный своей благотворительностью (вместе с о. Василием Альбицким он возглавлял благотворительное общество при церкви Морского Госпиталя). Значительными суммами строительство нового храма поддержало также Министерство Финансов.

По желанию И. А. Воронина вновь сооружаемый на Гутуевском острове храм решено было посвятить памяти чудесного спасения Наследника Цесаревича Николая Александровича (будущего Императора Николая II) от угрожавшей опасности при покушении на него 29 апреля 1891 года в г. Отсу, во время его путешествия по Японии.

В октябре 1890 года, окончив 14-летний учебный курс и сдав экзамены Императору Александру III, 22-летний Цесаревич по решению Августейшего отца предпринял на крейсере «Память Азова» продолжительное путешествие на Восток, с целью ознакомления с обычаями разных народов и обучения морскому делу. В Греции к Наследнику присоединился его племянник, Греческий Принц Георгий Георгиевич, вместе с которым они и продолжили дальнейшее путешествие.

После посещения Египта, Индии, Сиамы и Китая последней страной перед возвращением Цесаревича в Россию, была Япония, где Наследник намеревался осмотреть 15 губерний и область Мацмая (остров Хоккайдо). 15 (27) апреля Их Высочества прибыли в японский порт Нагасаки. Шла Страстная седмица Великого поста, и поэтому всю неделю Цесаревич Николай говел и не съезжал на берег. Лишь 22 апреля, на Пасху, Наследник и Принц Георг в сопровождении личного посланника Японского императора вел. кн. Такихито Арисугава предприняли путешествие по японской земле. После посещения ряда городов и древней столицы Японии — Киото, в воскресенье Светлой седмицы Наследник Цесаревич осматривал г. Отсу в Сивэйской губернии. «В городе был точно большой праздник — народ гулял радостный и одетый по-праздничному... Дома были украшены русскими, греческими и японскими флагами и красными фонариками, а собрание народа было так велико, как редко бывает в большие праздники»¹. Посетив в этот день храм Мидера буддийской секты Шендай, встретившись с архиереем Ямашина Ючиоку и священниками из различных храмов г. Отсу и совершив прогулку по озеру Бива, Цесаревич Николай и Принц Георг возвращались уже в Киото, когда на жизнь Наследника Цесаревича было совершено покушение. При движении Их Высочеств в колясках-джинриксах по одной из улиц города, один из 135 полицейских, призванных охранять гостей от возможных недоразумений при огромном скоплении народа, сделал шаг вперед, вынул саблю

и ударил ею по голове Наследника, обрезав ударом поля его шляпы и ранив в голову выше уха до виска, и сейчас же повторил удар. Цесаревич, схватившись рукою за рану, из которой лилась кровь, выскочил из джинрикси, а полицейский бросился за ним. Спас положение Принц Георг, ударив с огромной силой злоумышленника бамбуковой палкой, после чего нападавший был связан. Хотя Наследник потерял много крови, рана была не очень глубокой, и после оказанной медицинской помощи Цесаревич Николай отбыл поездом в Киото.

Что побудило нападавшего Санцо Цуда совершить покушение на жизнь будущего Российского Императора, — неизвестно, — по одной версии, им двигали личные мотивы японского самурая-фанатика, недовольного пребыванием европейцев на японской земле и его подозрение прибывших в Японию гостей в каких-то секретных (разведывательных) целях их визита. По другой, он, возможно, принадлежал к партии Сошей (анархистов), стремился создать внешнеполитические затруднения своему правительству. Указом Японского императора Мутсу-Хито, для того, чтобы «не портить дружбу, существующую у нас с наилучшим соседом, и успокоить нашу душу», он был отрешен от должности и сослан на север Японии, в г. Хакодате, где умер на каторжных работах в ноябре 1891 года. 31 апреля Наследник Цесаревич Николай в сопровождении Японского императора отбыл на крейсере «Память Азова» в Кобэ, а в день св. прав. Иова Многострадального, свой 23-й день рождения, будущий Царь-Мученик Николай, прервав свое путешествие по Японии, направился в Россию.

В память чудесного спасения Наследника от угрожавшей в Отсу опасности и решено было выстроить храм в Петербурге, на Гутуевском острове. Необходимая для постройки церкви земля с местом для сада вокруг нее, была безвозмездно уступлена городом в количестве 1000 квадратных сажень, на углу Динабургской (Двинской) улицы и набережной Екатерингофки, у Гутуевского моста. Проект храма был составлен гражданским инженером (впоследствии директором института гражданских инженеров) Василием Андреевичем Косяковым. Для исполнения проекта была образована Высочайше утвержденная комиссия под председательством члена Совета Министра Финансов Н. П. Забугина, включившая в себя членов: о. Василия Альбицкого, И. А. Воронина, тайн. сов. В. Ф. Никонова, купца Н. Д. Журавлева и гражд. инженеров Б. К. Правдзика, В. А. Лучинского и В. А. Косякова. Последний досматривал и за ходом строительства церкви. К работам было приступлено в том же 1891 году, благодаря чему постройка (подрядчик Р. С. Грабов) была вчерне закончена к весне 1893 года. В первую годовщину покушения в Отсу, 29 апреля 1892 года, по благословению Митрополита Новгородского и С.-Петербургского Исидора (Никольского), состоялась закладка храма. Перед началом чина закладки управляющий Министерством Финансов, — оно принимало живейшее и активное участие в финансировании и строительстве церкви Богоявления, — Ф. Г. Тернер огласил телеграмму, присланную Наследником Цесаревичем: «С глубоким благоговением к милосердному Промыслу Божию, радуюсь, что в годовщину избавления моего, благодатию Господнею от опасности, соверша-

¹ Н. Беллюшевич. Описание покушения на жизнь Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича в г. Отсу. СПб 6. г.

Интерьер.

ется закладка храма во имя Богоявления Господня. Сердечно благодарю жертвователя на сооружение храма и всех содействующих исполнению этого дела. Николай».

Ровно через семь лет, 29 апреля 1899 года последовало освящение храма. Постройка его обошлась в 300 тысяч рублей. К началу освящения в церкви собрались св. прав. Иоанн Кронштадтский, благочинный протоиерей Казанского собора о. Николай Головин, архимандриты Владимир, Гедеон (ризничий Александро-Невской Лавры) и Феогност, настоятель Гутуевской церкви о. Евтихий Баланович и второй священник храма о. Павел Лебединский, а также два хора певчих: Александро-Невской Лавры под управлением И. Я. Тернова и хор диаконов Исаакиевского собора во главе с придворным протодиаконном Грозовым.

По прибытии в храм Митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония II (Вадковского), духовенство совершило сооружение престола, после чего он был обмыт и помазан на четырех углах миром. По облачении престола миром были помазаны все четыре стены храма, и под колокольный благовест вокруг него совершен крестный ход, в котором Митрополит Антоний нес на своей главе частицу святых мошей. По возвращении в храм Владыка Митрополит в сослужении сонма духовенства совершил первую Божественную литургию. Два хора певчих дивно спели молитву Честному Кресту «Да воскреснет Бог», после литургии было совершено благодарственное молебствие с возглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому.

В числе молившихся при освящении храма были:

министр финансов С. Ю. Витте, товарищ министра (позже премьер-министр) В. Н. Коковцев, члены совета министра Н. П. Забугин и Д. К. Ган, директора департаментов и иные высшие чины Министерства Финансов, сенатор В. И. Лихачев, генерал-лейтенант А. И. Глуховской, помощник петербургского градоначальника И. Н. Турчанинов, военные чины, члены строительной комиссии, гласные городской думы и другие лица. От имени собравшихся Государю была послана телеграмма, извещавшая его об освящении церкви Богоявления и выражавшая их верноподданнические чувства. Император Николай Второй откликнулся на нее словами: «С удовольствием узнал о состоявшемся освящении нового храма на Гутуевском острове, искренне благодарю вас и всех присутствующих за выражение чувства. Николай.»

Вскоре был освящен второй, левый придел храма, во имя Святителя Николая Чудотворца, а 18 июля 1899 года, в канун престольного праздника, последовало освящение третьего (правого) придела в честь преп. Иоанна Спостника (память 21 июля).

Величественный, высотой более 42 метров с крестом, внешне Гутуевский Богоявленский храм копирует известный храм Христа Спасителя (с 1889 г. — Спасов мужской монастырь) близ станции Борки Курско-Харьковской железной дороги, в Змиевском уезде Харьковской губернии, выстроенный в 1889—1894 годах архитектором Р. Р. Марфельдом на месте крушения Императорского поезда 17 октября 1888 года в память избавления Царской Семьи от опасности. Высоко возвышающийся над островом и окружающей местностью, храм Богоявления был выстроен так, чтобы еще издали быть видным вступающим в Петербургский порт со стороны Финского залива иностранным судам. (Сейчас окружающая жилая застройка заслонила храм со стороны моря). Громадный купол с рельефным золоченым поясом по кровле, увенчанный большим резным крестом, красиво высился среди молодой зелени окружающего сада. Облицованный красным лекальным кирпичом, с коваными железными решетками на окнах, храм сразу же обращал на себя внимание изяществом отделки и обилием наружных украшений: фасад его богато убран мозаичными орнаментами, поливными изразцами и иконами из мозаики. Две из них, — Спасителя и Св. Иоанна Крестителя помещены над западным входом в храм, а остальные четыре: свт. Николая Чудотворца, преп. Сергия Радонежского, преп. Иоанна Спостника и св. Анны Пророчицы (две последние до наших дней не сохранились), — по углам основания барабана купола. Небольшая шатровая колокольня, выстроенная в связи с храмом, имела большой звон в 10 колоколов, отлитых в Москве на заводе А. Д. Самгина и побывавших на всемирной выставке в Чикаго. Общий вес их составил 755 пудов, главный колокол весил 525 пудов 31 фунт. За алтарем храма была устроена часовня, под которой помещалась усыпальница жертвователей Ворониных, однако никто из них до 1917 года не был здесь погребен. Вечный покой под стенами храма обрели погребенные здесь еще до освящения церкви ее создатели и благодетели о. Василий Альбицкий и Николай Павлович Забугин.

Трехпрестольная и достаточно обширная церковь Богоявления Господня вмещает до 1200 молящихся. В западной части ее устроены двухъярусные хоры (верхний ярус предназначен для певчих), что

позволяло иконостасам быть ничем не загороженными от взоров прихожан. Белый резной одноярусный иконостас храма, выполненный из майолики в византийском стиле «под слоновою кость» был создан на знаменитой фарфоровой фабрике М. С. Кузнецова в Новгородской губернии и отмечен наградой на всемирной выставке в Париже в 1900 году.

Все стены храма были покрыты настенной живописью и огромными написанными «альфреско» иконами. Образа на стенах были исполнены академиком А. С. Славцевым, в иконостас — им же и А. М. Постниковым, фрески — художником К. М. Бутаковым. В алтаре центрального придела за невысоким иконостасом взору молящихся открывалась «Тайная вечеря» и над нею — дивный образ Крещения Господня. Изображенные на нем берега Иордана и окружающий пейзаж А. С. Славцев писал с натуры, для чего специально ездил в Палестину. Своды и стены храма покрыты орнаментом по золотому фону и сценами картин Ветхого и Нового Заветов. В алтаре левого Никольского придела написаны образа Божией Матери и Рождества Христова, в алтаре правого, во имя преп. Иоанна Спостника, — Спасителя и Воскресения Христова. В главном куполе на высоте 24 метров помещается образ благословляющего Спасителя. Особенно эффектно алтарные и подкупольные изображения смотрелись за вечерним богослужением, подсвеченные мягким светом особого освещения, — 450-ю скрытыми электрическими лампочками с рефлекторами. Освещали храм также три бронзовых паникадила, высокохудожественной работы. Всего священных изображений в храме было около двухсот. Особо удачными были картины «Христос на Геннисаретском озере» и «Беседа Христа во храме» соответственно на северной и южной стенах боковых приделов, а также отдельные изображения святителей на восточной стене хоров и картины в крестовом своде над хорами. Большинство росписей со значительными повреждениями и утратами сохранились до сего дня.

Цинковые купола и шатры храма, а также кровельные работы были выполнены Г. И. Миттенбергером, художественно-слесарные — З. А. Гераном, резные и позолотные — П. С. Абросимовым. Резьба по мрамору скульптора Г. О. Ботто. Рядом с храмом было устроено особое здание для его отопления и вентиляции, осуществленных по проекту гр. инж. Правдзика. Здание это сохранилось до наших дней и используется ныне в качестве диспетчерской автобусной станции.

Первые десять лет по освящении храма приходская жизнь его протекала достаточно спокойно. Церковь не требовала ремонтов и не испытывала нужды ни в утвари, ни в облачениях. Попечением директора департамента таможенных сборов Н. И. Белюстина из Портовой таможни бесплатно отпускалось потребное храму топливо и давались сторожа для его охраны.

Приход храма, достаточно удаленный от центра Петербурга, включал отрезанные друг от друга острова с небольшим и небогатым населением и отдаленную Волинкину деревню. На северной границе прихода церкви Богоявления, в устье реки Невы, располагался небольшой Лоцманский остров, пожалуй, самый живописный уголок этой части города, с которого открывался прекрасный вид на взморье. На острове со своими семьями в маленьких дере-

вянных домиках жили лоцманы петербургского порта. В южной части острова, на Подзорной улице в 1890-х годах была выстроена крохотная деревянная часовенка во имя Свят. Николая Чудотворца², покровителя моряков. После революции она так же, как и сама Лоцманская слобода, была уничтожена. Теперь на этом месте высятся корпуса Адмиралтейского объединения.

Первым настоятелем Богоявленского храма с 1899 по 1901 годы был свящ. Евтихий Яковлевич Баланович. В 1902 году его сменил свящ. Иоанн Троицкий, служивший здесь до 1910 года. Отличавшийся либеральными взглядами, 11 мая 1905 года он зарегистрировал в Богоявленской церкви брак тайно обвенчавшихся в этот день в другом храме ученого-химика С. В. Лебедева и А. П. Остроумовой-Лебедевой. Законами Российской Империи лицам, состоящим в 1-й и 2-й степени родства брак был воспрещен, и за кровосмешение полагалось тюремное заключение; всего два месяца, прошедшие с момента формального развода С. В. Лебедева с первой женой также склонили Лебедевых к тайному венчанию...

С 1911 по 1922 гг. настоятелем церкви служил много потрудившийся над благоустройством храма и обустройством его приходской жизни свящ. Павел Лебединский, автор книги «Иоанн Креститель» и брошюры об истории Богоявленской церкви, бывший также сочинителем «Школьного гимна» на музыку М. А. Балакирева, исполнявшегося в гимназиях и других заведениях Петербурга в торжественных случаях. В бытность его настоятелем, Великим постом, 9 апреля 1910 года перед всеобщей о. Павлом было совершено торжественное освящение сооруженной на собранные прихожанами средства художественной Голгофы с предстоящими и видом Иерусалима. В феврале 1911 года причт и прихожане храма вознамерились учредить при церкви Богоявления Господня церковно-приходское попечительство, которое, руководствуясь Высочайше утвержденным уставом под председательством щедрого попечителя купца В. К. Карелина и было открыто 29 мая 1911 года по благословению Митрополита С.-Петербургского Антония. В октябре 1911 при храме был создан усердием молодого регента Н. П. Башкирова приходской хор любителей церковного пения. В 21-ю годовщину чудесного спасения Государя от опасности в Японии, 29 апреля 1912 года, по благословению Митрополита Антония впервые в пределах Гутуевского острова и сопредельных островов был совершен торжественный крестный ход, который по установлению с этого дня совершался ежегодно в первый воскресный день после 29 апреля или в самый день, если он приходился на воскресенье. 9 декабря 1912 года на средства, завещанные прихожанином храма Стефаном Лавриновичем, при Богоявленской церкви открылось первое на Гутуевском острове просветительское учреждение — бесплатная библиотека религиозно-нравственной литературы с разделом противосектантских книг.

В праздник Входа Господня в Иерусалим, 7 апреля 1913 состоялось торжественное освящение мраморных риз престола и жертвенника в главном алтаре. Исполненные гранильным мастером Зиновьевым, мраморные облачения по сторонам престола

² Была приписана к церкви св. Екатерины в Екатерингофе.

и жертвенника имели пять живописных картин кисти А. С. Славцева и были пожертвованы в храм вдовой и дочерью покойного устроителя, а позже свыше четырех трехлетий бессменного старосты храма, 2-й гильдии купца Петра Леонтьевича Журавлева (†13.11.1912 г.). После о. Павла Лебединского, в 1930-е годы, настоятелем храма, вплоть до его закрытия вскоре после Пасхи 1935 года служил свящ. Александр Медведский. 5 мая н. ст. 1935 года постановлением ВЦИК, с указанием использовать впредь под архиправление, храм Богоявления был закрыт. В конце 1930-х годов он использовался уже как склад продовольствия, в блокаду здесь размещался морг. Во время одного из налетов немецкой авиации произошло прямое попадание снаряда в храм, внутри здания возник пожар, в результате которого храм сгорел. Снаружи все здание покрылось черной копотью, а интерьер погиб почти полностью в огне пожара.

После войны храм долгое время пустовал, затем вновь стал использоваться под склад, для чего в 1960-х годах был произведен ремонт: над барабаном был установлен новый купол, по формам отдаленно напоминающий прежний, поновлена кровля. В 1970—71 гг. в церкви планировалось произвести реставрационные работы, однако далее составления проекта реставрации дело не двинулось. С этого времени по сентябрь 1991 года в храме размещался склад Фрунзенского универмага.

4 января 1991 г. была зарегистрирована община церкви Богоявления. После пожара торговой фирмы «Фрунзенская» под давлением общины универмаг освободил здание храма. 9 января 1992 года после долгого перерыва в храм был назначен настоятель: рукоположенный незадолго до того во иерея о. Александр Захаров, служивший прежде диаконом Александром-Невской Шуваловской церкви. По благословению Высокопреосвященнейшего Митрополита С.-Петербургского и Ладожского Иоанна в праздник Богоявления Господня, 19 января 1992 года в храме было совершено великое освящение воды, а в воскресенье, 2 февраля с. г. состоялось малое освящение храма и была совершена первая Божественная литургия. С этого дня богослужения совершаются

в храме по субботним (всенощное бдение), воскресным (Божественная литургия) и праздничным дням.

Весной 1992 года в центральном приделе храма был установлен временный иконостас, изготовленный в столярной мастерской Балтийского Морского Пароходства, оказывающего посильную материальную и финансовую помощь в восстановлении храма. Образа в него написал прихожанин церкви А. В. Стрелец. В начале мая, в канун 100-летия закладки церкви Богоявления православным религиозно-просветительским обществом «Радонеж» храму были пожертвованы три новые отлитые в Москве колокола, освященные и поднятые на колокольню 22 августа 1992 года, в канун Успения.

Летом 1992 года вокруг храма поднялись леса, под руководством архитектора К. П. Ворпулёва начата реставрация и восстановление в прежнем величии поруганной православной святыни. Под его авторским надзором на Адмиралтейском объединении идет изготовление крестов на храм (по проекту С. В. Кравец-Кравчевского). Очистку кованых оконных переплетов от ржавчины и остекление окон храма осуществляет малое государственное предприятие «Око» при Канонерском заводе. Восстановление кованых декоративных решеток на окнах и в усыпальнице храма ведет малое государственное предприятие «Светоч» при том же заводе. Производство восстановительных работ в храме курирует архитектор С. И. Чуруксаев.

С сентября 1992 года при храме начала работать воскресная школа для детей 7—15 лет. Обучение в ней совместное, занятия ведет семинарист 2-го класса Петербургской Духовной семинарии Андрей Заярный.

Престольными праздниками в церкви Богоявления Господня на Гутуевском острове являются дни:

6 (19) января — Крещение (Богоявление) Господне.

9 (22) мая — перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар-град.

21 июля (3 августа н. ст.) — Преподобного Иоанна Спостника.

6 (19) декабря — Святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского.

Крестный путь русской

православной церкви в 60-е годы XX века

2.III.62 г. (Пятница)

Настоящий день полон всяких скорбных вестей и событий. Приходила к дедушке*) одна интеллигентная дама, которая имеет связи с высшим миром и предупредила его, что светское начальство очень обеспокоено данной дедушке*) наградой. «Проморгали!» — говорит оно. «И очень хорошо, что проморгали», — мы можем добавить. Но это еще не так страшно. Страшное состоит в том, что дедушке*) поставили в вину внимание верующих, выразившееся в постилании платков под ноги ему, когда он в прошлый четверг был в церкви Петра и Павла. Когда представитель Москвы увидел эту историю, он страшно вознегодовал и даже выразил дедушке в личной с ним беседе свое недовольство по этому поводу и предложил вообще не служить в другой церкви.

Игумен ИОАНН

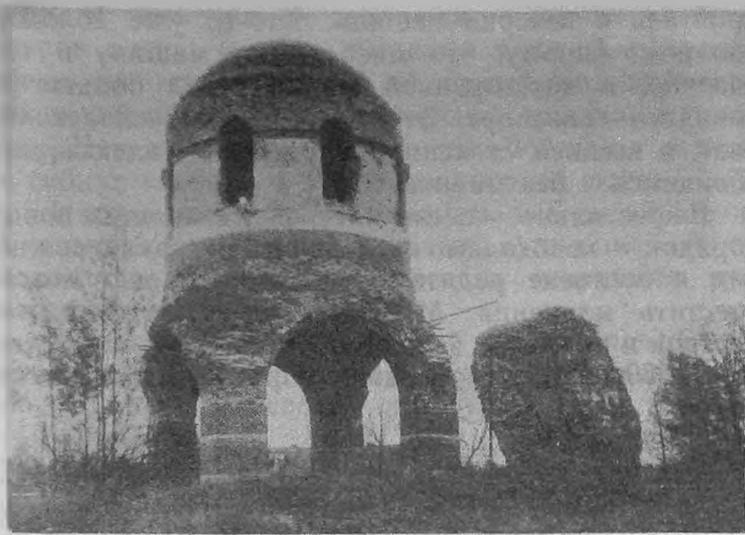
ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

14.IV.62 г. (Суббота)

Только вчера вечером Владыка начал служить. Со вторника третьей седмицы Великого Поста он не служил — болел. На днях (12 апреля) выступал А. А. Осипов — отреченец. Всю беседу свою построил на сказках и анекдотах, а публика, конечно, атеистическая, просто была в восхищении от его беседы, непрерывно рукоплескала. А сколько он грязи и лжи излил на Русскую Церковь! И все это выдает за истину. К примеру, он говорил, что атеистическая пропаганда настолько сильно действует на молодежь, что поступающих в духовные семинарии становятся единицы. Ну ведь это сушая ложь. Не потому число поступающих уменьшилось или несколько семинарий закрылось, что действовала атеистическая пропаганда, а потому, что современные «обер-прокуроры — уполномоченные» не пропускают желающих поступать. Действует не пропаганда, а физическая сила. Не зря сказано, что сатана есть отец лжи и слуги его пользуются тем же самым, т. е. ложью. Как тяжело становится жить на земле.

18.IV.62 г. (Среда)

Как больно видеть и слышать отражение в детях современного воспитания. Возвращался я сегодня из храма домой и вот на пути встретились дети (трое ребят) лет по 9—10, которые начали смеяться надо мной и, следуя стороной от меня, кричать: «Мракобес, мракобес». Я спросил их: «Кто вас этому научил?»

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Феофиловой пустыни Лужского уезда С.-Петербургской губернии. Закрыта во второй половине 1930-х годов. В 1960-х годах была взорвана и... разобрана на кирпичи. Современный снимок.

«Сами себя выучили!»— ответили они и снова начали обзывать и смеяться.

Господи, Господи, ну разве не больно слышать такую ненормальность в детях. Что же будет дальше? Страшно даже говорить. О люди, люди, к чему вы ведете молодое поколение, воспитывая его в духе атеистическом? Придет время, когда вы сами восплачете и возрыдаете от своих же детей. Не пора ли лучше теперь изменить воспитание и учить детей уважать всякого человека, независимо от его убеждений?

30.IV.62 г. (Вторник)

В какое трудное время мы живем. Много говорится о гуманности, о свободе, а на деле картина совершенно иная. К примеру, дедушка (Владыка Мануил) написал послание пасхальное и употребил такое выражение: «Да не смущает наш ум... ни противоборство людей Спасителю нашему», так уполномоченный Ульяновский (Степан Михайлович Агафонов) готов уже приписать дедушке политический выпад против советской власти. Ну где же здравая логика?! Везде: на страницах газет, журналов и литературы большими буквами пишут и кричат во всеуслышание, что необходимо вести непримиримую борьбу против религиозной идеологии, и не бояться писать открыто об этом, а тут простое увещевание верующих о том, чтобы их ум не смущался всем этим (борьбой против религии, т. е. тем, о чем открыто везде и всюду говорят и пишут) приводит в какой-то неопишуемый страх и трепет и готовы уже считать подобное выступление антисоветчиной. Здесь, вероятно, бдительность через край льется! Удивительно!

По этому поводу дедушка (Владыка) сегодня съездил к здешнему уполномоченному, ну и конечно, пришлось изменить вышеуказанную фразу в послании и потребовать от о.о. настоятелей телеграммами возвратить текст послания, посланного ранее.

Печально то, что всю эту историю затеяло духовное лицо в Ульяновске, которое явилось к уполномоченному и раздуло в целое пламя

соломинку. Вот где подлость! Да таких лиц надо не только сана лишать, но и отлучать от Церкви. «Подлец в рясе!»— больше ничего не скажешь. Хорошо, что все обошлось благополучно, а то бы пришлось ни за что расхлебываться. «Господи, избави нас от клеветы человеческой и от лукавых людей».

30.V.62 г. (Среда)

Сегодня дедушка взволнован. Да и как не волноваться, когда отовсюду одни только скорби идут. Вчера управляющий в повелительной форме настаивал на установлении выходного дня в храмах. Ну куда это годится. Вот и скорбишь о всех несправедливостях в отношении Церкви. Какое тяжелое и ответственное время мы переживаем! Смиляется ли над нами Господь и пошлет ли нам Свою помощь к ограждению от влияния внешних. «Боже, помоги нам немощным!»

31.V.62 г. (Четверг)

О если бы кто знал, какая тяжесть у меня на сердце! Невыносимо хочется плакать и рыдать. С каждым днем ожидаешь все ухудшения и ухудшения в церковной жизни. Стремление «хвостинского» разобщить пастырей и пасомых, чтобы каждый жил сам по себе. Разве не плачевное такое явление, когда архиерей не имеет права влиять на ход приходской жизни? Сюда не касайся, этого не тревожь, на того не влияй, меньше служи, меньше говори, подальше от людей — вот ограда пыток современного архиерея. И достойно слез то обстоятельство, что наше Центральное Церковное Управление — Патриарх и Синод не оказывает ни единой капли помощи — судьба епархий и приходов предоставлена самой себе. Ну никаких директив с их стороны, на которые можно было бы опереться и защитить церковное дело. Все как будто направлено к разрушению Церкви. Да, на душе тяжело!

2.VI.62 г. (Суббота)

Сражение за понедельник началось. Сегодня намечалась поездка, вернее посещение тройкой уполномоченного. Но ничего не вышло: опередил церковный бухгалтер Рухмалев. И он, конечно, наплел там Бог весть что на дедушку. *) Получилась такая картина, что якобы наш дедушка занимается саботажем и препятствует установлению выходного дня. Вот новость! Вот преступление! Да какой же искренне верующий согласится на ущемление Церкви!? И для чего он нужен выходной день для тех, кто находит себе отраду в молитве? Он нужен для тех, кто борется с религией. Какие обдуманые планы против Церкви! Один день отнимается, — сокращается один священник. Пока остановились на том, чтобы, не объявляя народу, все-таки в этот понедельник сделать под видом генеральной уборки выходной день. Получится ли что, — не знаю. Но все-таки это так печально, что хочется только плакать о помощи.

«Господи, Сам защити нас беззащитных!»

4.VI.62 г. (Понедельник)

Ну вот, сегодня первый день в нашем храме не было службы. Делали, вернее производили «гене-

ральную уборку храма». Участие принимал даже сам уполномоченный. Красота! Больше ничего не скажешь. Коммунист «заботился» о благолепии Церкви. «Избави, Боже, от такой заботы!» Лучше бы уж ее не проявляли. Уполномоченный недоволен. «Обижен я на митрополита!» — так и сказал. Еще бы не быть обиженным, когда митрополит не хочет плясать под его дудку. Да, печально. Не хотят, чтобы люди жили мирно, хотя о мире всюду и везде говорят.

20.VI.62 г. (Среда)

Какие страшные новости я услышал сегодня. Андрей Андреевич был у уполномоченного. Тот открыл ему, что он (уполномоченный) был на совещании облисполкома, где подчеркивали, что в Куйбышевской области слабо поставлена антирелигиозная пропаганда и что до сих пор ни одного храма не закрыли и штаты духовенства не сократили. «При коммунизме, — сказал он, — не будет ни одного храма!» Словом, дал понять, что в ближайшее время будет что-то предпринято для ослабления религиозного течения. Надо быть ко всему готовым. Все, что написано, — все должно совершиться. Я как-то покоен. Страдать так страдать. Достойны мы этого. Ожидать от тех, кто пропитан до мозга костей идеями богоборчества, какого-либо добра для христиан нельзя. Дал бы только Господь крепости и сил все перенести с терпением и устоять во истине.

23.VI.62 г. (Суббота)

Как болит и ноет мое бедное сердце! Да и как сему не быть, когда видишь своими очами, как дьявольская сила нападает с большим ожесточением на Церковь.

Куйбышевский уполномоченный высказал нашему секретарю Андрею Андреевичу такую мысль, что надо батюшкам отказываться от приобщения детей. Дескать, нечего калечить их. Бедные дети, уже от самых грудей матери готовят их к безбожью. Ну как тут не разрываться сердцем?! Да, тяжело и не выносимо становится жить на земле. Как никогда, а теперь особенно ярко рисуются и исполняются страницы апокалипсиса. Неужели мы христиане последнего времени? Выходит, что так. Ой, как страшно!

27.VI.62 г. (Среда)

Вчера в местных газетах: в «Волжской коммуне» и в «Волжском комсомольце» были помещены статьи против религии. Авторы настолько беспринципны, что не видят в своих писаниях глубокого противоречия. С одной стороны они указывают, что люди прибегают за утешением к религии с душевной травмой, а с другой, ставши на путь веры, становятся людьми безвольными, вялыми и т. п. Выходит так, что человек приходит к вере с подавленным чувством и, не находя ничего утешающего, все-таки остается верующим и еще больше закрепляет в себе подавленное чувство. Ну где же здесь здравая логика? А как голословно авторы утверждают о том, что дескать, нет надобности доказывать о всегдашнем вреде религии. А фактов никаких. Все это говорит о том, что люди стремятся исказить истину и не только исказить, но и стать в противоборство с ней. С больной головы сваливают на здоровую.

Сегодня первый раз после болезни пришлось

пройтись с вечерни пешком. Кто-то уже доложил уполномоченному, что мне дают машину и тот, конечно, в категоричной форме велел больше не подавать транспорт. Это называется «человеколюбие» в высшей степени. Смиряться. Надеюсь, что обойдемся и без машин.

В крестильне — слезы матерей. Установили новый порядок — необходимо представить метрики о рождении и согласие родителей и тогда только можно крестить младенца. Многие сегодня приехали из деревни и не могли, в силу нового закона, окрестить. Почти 60 человек проводили обратно. Одни только слезы.

ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ. (КГБ)

2.VII.62 г. (Понедельник)

Утром ко мне вошел Владыка и поведал мне одну весьма печальную тайну. Некто сказал ему, что о нем и об о. Иоанне известно все: известна переписка, кто приезжает, кто уезжает, словом все, что касается их духовной жизни и руководства. «У нас, — заявило незнакомое лицо, — достаточно материала, чтобы вас обоих обвинить в антисоветчине и создать всероссийский судебный процесс над вами. Вы думаете, нам неизвестно с кем ведет переписку о. игумен? Мы знаем о его группировках в Саратове и т. д.

Характерно, что он упомянул о том высказывании Владыки, которое он имел в прошлом году в Москве в беседе с двумя епископами по поводу ложного разговора Патр. Алексия в Лавре на совещании архипастырей...

Деликатно намекал на покой, на тот случай, если он (Владыка) не может с ними ладить.

«Что ж, вы возвращаетесь к бериевщине, — ответил Владыка — хотите применить меры физического воздействия на старика 80-летнего? Пожалуй-ста, но только я знаю, что вины за собой против советской власти не чувствую».

Как расценивать это сообщение: угроза ли только с их стороны или же действительность? Так или иначе, а готовиться ко всему надо. Ожидать чего-либо доброго от тех, кто пропитан ненавистью к христианам, нельзя. Апокалипсис в действии. Укрепи, Боже, в благочестии и вере, и если суждено будет пострадать за имя Твое, то пошли Свою помощь.

6.VII.62 г. (Пятница)

Староста из Петропавловской Церкви подал на имя Владыки прошение о назначении меня настоятелем Петропавловского храма. Как посмотрит на это уполномоченный. Его сейчас нет. На днях приедет. Да будет во всем воля Божия. Я ведь не знаю, что для меня лучше.

9.VIII.62 г. (Понедельник)

Ничего не вышло. Так чувствовало мое сердце. Да и сон я такой видел. Боятся внешние моей личности. А кто я? — Смертный человек, рожденный в обстановке социалистического строя, настроен я патриотически и никогда не променяю своей Родины на чью-

либо. И несмотря на это люди накинули на меня покров анти... и сами пугаются меня. А попробуй убеди их, что я такой же самый полноправный советский человек, — как и прочие миллионы граждан. Нет, это почти невозможно. Вот так в истории и гибнут иногда ни в чем неповинные люди.

Интересное явление замечаю я в своей жизни. Сколько раз я приближался к самому порогу начальственного поста и всегда невидимая рука отводила от этого.

Что это: промысел ли Божий или что иное? Боюсь, ответить прямо, во всяком случае я подразумеваю первое, хотя по своему недостоинству я этого не заслуживаю.

Прости меня, Господи, если я допустил что-либо греховного в своих чувствах, мыслях и желаниях!

29.VII.62 г. (Воскресенье)

В пятницу 27/VII Андрей Андреевич был у уполномоченного. Последний как будто бы дал согласие на перевод только просил немного подождать. Вчера были у уполномоченного члены приходского Совета. Снова предполагаемые скорби. — «Надо сокращать штаты», — заявил уполномоченный.

«А потом, почему у вас в воскресенье и праздничные дни по две литургии? (Где об этом написано...?) В общем, делает намек на сокращение праздничных служб (ранних литургий). Вот ведь куда загибают. Это называется невмешательство во внутреннюю жизнь Церкви и идеологическая борьба. Здорово!

МАТЕРЬ БОЖИЯ («О, Всепетая Мати»)

*Где б найти Тебя, Матерь Божия,
Чтоб слезой своей, слезой жгучею,
Твои ноженьки я омыть бы мог,
И припасть к Тебе, и молить Тебя,
Чтоб Сама Ты, Матерь Божия,
О земле русской запечалилась,
Чтоб слезой Твоей голубиною
Твой небесный взор затуманился...
И жалеючи — Покровом Своим —
Хоть бы краюшком
Осенила бы Русь — страдалицу
От земли ее, от Руси Святой
К самому престолу Божию
Туча светлая подымается...
Как светильники, души светятся
Всех умученных, всех расстрелянных
От безбожной власти и не русской
Души детские, что загублены
Лютым голодом и безвременьем
Точно свечечки воску яркого светятся...
Не собрать костей по сырой земле
И не счесть имен всех умученных,
Всех расстрелянных, замороженных
По бесчисленным концлагерям,
Помолись же, Матерь Божия, за распятую,
Скорбью горькою всю покрытую
Русь Святую — православную.
Аль не допита чаша горькая,
Аль не пролито крови морюшко?
Все ж люблю тебя, Русь великую,
Моя родина православная,
Беспредельная, необъятная
И чужой душе непонятная.
Пожалей же, Матерь Божия,
Русь-страдалицу беспримерную,
Ты сними с креста Русь распятую,
Дай увидеть нам день воскресения!*

В. С.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин

Идеалы христианской жизни

(продолжение)

ГЛАВА I

КАРТИНЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Невидимые в суете, таятся в глуши святые уголки, где живут люди с такими возвышенными чувствами, что, когда узнаешь о них, то кажется, что слушаешь какую-то прекрасную, но несбыточную сказку.

Один странник и молитвенник, ходивший с котомкой на плечах по России, рассказывал о встрече своей с христианской семьей, которая, кажется, умела в мирской жизни воплотить идеалы христианства.

Верстах в пяти от одного уездного города, этот странник увидел на самой дороге небогатое село и небольшую деревянную церковь; однако, она была хорошо украшена снаружи и расписана.

Проходя мимо церкви, странник пожелал поклониться храму Божию и помолился на паперти его. Около церкви, на лужку, играли двое каких-то малюток, лет по пяти или по шести. Странник принял их за священнических детей, хотя они были одеты лучше, чем одеваются обыкновенно такие дети.

Не отошел странник от храма шагов десять, как услышал за собой крик:

— Нищенкой, постой!

Это кричали те малютки, мальчик и девочка. Странник остановился, а дети побежали к нему, схватили его за руку и тянули его, приговаривая:

— Пойдем к маменьке, она нищих любит.

— Я не нищий,— отвечал странник,— а прохожий человек.

— А как же у тебя мешок?

— Это мой дорожный хлеб.

— Нет, пойдем непременно, маменька даст тебе денег на дорогу.

— Да где ваша маменька?

— Вон, за церковью, за этой рощицей.

Чрез прекрасный сад дети провели странника в большой господский дом. Палаты были просторные, сияющие чистотой и богатым убранством. Выбежала барыня.

— Милости прошу,— заговорила она— откуда тебя Бог послал к нам? Садись, садись, любезный. Не хочешь ли покушать или чайку? Нет ли у тебя каких нужд?

И сама она сняла со странника сумку, положила ее на стол, а самого его посадила на мягкий удобный стул.

— Всенижайше благодарю вас,— отвечал странник,— но кушанья — хлеба целый мешок. Чай я, хотя и пью, но по мужицкому быту привычки к нему не имею. Ваше усердие и ласка для меня дороже всякого угощения. Буду молить Бога, чтобы Он благословил вас за такое евангельское страннолюбие.

Растроганный до слез, странник стал прощаться, но барыня не пускала. Она говорила, что скоро придет муж, служащий в уездном городе судьей по выборам, что она почитает каждого странника за посланника Божия. К тому же завтра воскресенье. Они вместе помолются, а после обедни у них бывает трапеза, за которой бывает до тридцати гостей нищих, Христовых братьев.

Детям своим барыня велела взять сумочку странника и отнести в образную комнату, где ему предстояло ночевать.

Слушал он, смотрел и спрашивал себя: с людьми говорит он или с ангелами?

Оказалось, что в том городе, куда пробирался странник, мать барыни монашествовала в женском монастыре и недавно приняла там схиму.

Когда настало время обеда, и сели за стол, пришли еще четыре особы, которых странник принял за барынь, и стали с ними кушать. После первого кушанья одна из них встала, сделала поклон к образу, поклонилась всем и принесла другое блюдо, и тут же опять села. Затем другая особа таким же порядком пошла за третьим блюдом. Странник из любопытства спросил, не родная ли хозяйке эти особы? Хозяйка ответила, что это кухарка, жена кучера, ключница и горничная, все замужняя. И всех их она считает своими сестрами.

Троице-Сергиева Лавра.

После трапезы странник думал один походить по саду и предаться там молитве, но хозяйка просила его побеседовать с ней о духовных предметах:

— Если же тебе идти одному, то дети не дадут тебе покою. Они, как скоро тебя увидят, не отойдут от тебя ни на минуту, так они любят нищих, Христовых братьев и странников.

Нечего было делать. Пришлось идти в сад с барыней. Для того, чтобы удобнее сохранять безмолвие и не говорить, странник поклонился барыне в ноги, и просил рассказать ему, давно ли она провождает богоугодную жизнь и каким образом достигла такого благочестия.

— Пожалуй, я тебе все расскажу,— сказала барыня.

Вот, видишь, мать моя — правнучка святителя Иоасафа, котораго мощи на вскрытии почивают в Белгороде. У нас был большой дом, флигель коего занимал небогатый дворянин. Наконец, он умер, а жена его осталась беременною, родила и сама умерла после родов. Рожденный остался круглым бедным сиротою: моя маменька из жалости взяла его к себе на воспитание, через год родилась и я. Мы вместе росли и вместе учились у одних учителей и учительниц, и так свыклись, как будто родные брат с сестрой. По некотором времени скончался и мой родитель, а матушка, оставя городскую жизнь, переехав с нами, вот, в это свое село на житье. Когда мы пришли в возраст, маменька выдала меня за сего

своего воспитанника, отдала нам это свое село, а сама, построив себе келью, определилась в монастырь. Давши нам свое родительское благословение, она сделала нам такое завещание, чтобы мы жили по-христиански, молились усердно Богу и более всего старались исполнять главнейшую заповедь Божию, то есть любовь к ближним, питали и помогали нищим, Христовым братьям, в простоте и смирении, детей воспитывали в страхе Божиим и с рабами обходились, как с братьями. Вот, мы так и живем здесь уединенно уж десять лет, стараясь, сколько возможно, исполнять завещание нашей матушки. У нас есть и нищеприемница, в которой и теперь живут более десяти человек увечных и больных; пожалуй, завтра сходим к ним.

Заинтересовавшись книжкой Иоанна Лествичника, странник попросил показать эту книгу и, вернувшись в дом, расположился с барыней читать ее. Тут приехал барин. Увидев странника, он любезно его обнял, по-братски и по-христиански с ним расцеловался и повел в свою комнату со словами:

— Пойдем, любезнейший брат, в мой кабинет, благослови мою келью. Я думаю, что она (он указал на жену) тебе надоела. Она, как увидит странника или странницу, или какого больного, то рада и день и ночь не отходить от них: во всем ее доме изстари такое обыкновение.

Они вошли в кабинет. Там было множество книг, прекрасная иконы, животворящий крест во весь рост, и при нем было поставлено Евангелие. Странник помолился на эти иконы и сказал:

— У вас, батюшка, здесь рай Божий. Вот, Сам Господь Иисус Христос, Пречистая Его Мать и святые его угодники. А вот — их божественные, живые и несмолкаемые слова и наставления. Я думаю, вы часто наслаждаетесь небесною беседою с ними?

— Да,— отвечает барин,— признаюсь, я охотник читать.

— Какие же у вас здесь книги?

— У меня много и духовных,— отвечал барин.— Вот целый годовой круг Четьи-Миней, творения Иоанна Златоуста, Василия Великого, много богословских и философских книг, а также много и проповедей новейших знаменитых проповедников. Библиотека моя стоит мне тысяч пять рублей.

Странник спросил, нет ли у барина какой книжки о молитве, и барин достал толкование молитвы Господней «Отче Наш». Они занялись чтением. Вскоре пришла к ним барыня, принесла чай, а малютки притащили серебряное лукошко, полное какими-то сухими пирожками, каких странник от роду не едал. Это, очевидно, было печенье. Барин, взявши у странника книжку, подал ее барыне, и говорит:

— Вот, мы ее заставим читать. Она прекрасно читает, а сами будем подкрепляться.

Так они и пили чай под чтение барыни. После чтения пошли ужинать. За столом по-прежнему сидели с ними все люди: мужчины и женщины. И за столом благоговейное молчание и тишина. Поевши, все люди и дети стали молиться Богу, и странника заставляли читать акафист Иисусу Сладчайшему. По окончании молитвы служители пошли на покой. И странник с господами остались в комнате втроем. Когда барыня принесла страннику белую рубашку и чулки. Странник, поклонившись в ноги, сказал:

— Не возьму я, матушка, чулок. Я их от роду не нашивал. Мы привыкли ходить всегда в онучах.

Барыня опять побежала, принесла свой старый кафтан тонкого желтого сукна и разрезала на две онучи.

Барин сказал:

— Вот, у него, бедного, и опорочки почти развалились, — принес новые свои башмаки большие, которые надевают сверх сапог (ботики) и говорит:

— Поди вон в ту комнату, там никого нет и перемени с себя белье.

Странник переоделся в той комнате и опять вышел к господам. Они его посадили на стул и начали обувать. Барин стал обвертывать ноги онучами, а барыня стала надевать башмаки. Странник сперва не хотел было даваться, но они велели ему сидеть спокойно и сказали:

— Сиди и молчи. Христос умывал ноги ученикам.

Барыня осталась в покоях ночевать с детьми, а странник с барином пошли в сад в беседку. Им долго не спалось. Они лежали, разговаривая. Барин стал допытываться у странника, кто он такой, предполагая, что он из хорошего рода и только напускает на себя юродство. Странник же рассказал ему по чистой совести, что он происхождения простого, хотя и научен хорошо письму и чтению, а духовную премудрость получил от своего старца.

Тогда барин стал рассказывать ему об одной замечательной встрече. Два года назад пришел к ним нищий с паспортом отставного солдата, старый, дряхлый, почти нагой и босой; говорил он мало и так просто, как степной мужик.

Они поместили его в своей нищеприемнице. Дней через пять он сильно захворал, и они перенесли его в сад — беседку, и стали с женой ходить за ним и лечить его. Но он, видимо, приближался к смерти. Они приготовили его, позвали своего священника его исповедывать, приобщить и соборовать. Накануне смерти он встал, потребовал у барина лист бумаги и перо и попросил, чтобы дверь заперли и никого не впускали, покуда он напишет завещание своему сыну, которое и просил переслать после смерти его в Петербург по приложенному им адресу.

Барин изумился, увидав не только прекрасный, изящный почерк, но и превосходно изложенные мысли. Он просил рассказать умирающего историю его жизни. Тот, взяв с него клятву не открывать никому его тайны прежде его смерти, стал говорить:

«Я был князь N..., имевший очень богатое состояние и проводивший самую пышную, роскошную и рассеянную жизнь. Жена моя умерла, а я жил с сыном моим, счастливо служившим капитаном в гвардии. Однажды, собираясь ехать на бал к одной важной персоне, я был сильно рассержен моим камердинером; не перетерпевши своего азарта, я жестоко ударил его в голову и приказал сослать его в деревню. Это было вечером, а на другой день камердинер умер от воспаления в голове. Но это с рук сошло, и я, пожалевши о моей неосторожности, вскоре и забыл об этом. Вот, проходит шесть недель, и умерший камердинер начал являться мне, прежде во сне; каждую ночь беспокоил и укорял меня, непрестанно повторяя: бессовестный, ты мой убийца! Потом я начал видеть и других умерших мужчин, коих жестоко оскорблял, и женщин, коих соблазнил. Все

они беспрерывно укоряли меня и не давали мне покоя до того, что я не мог ни спать, ни есть, ни чем-либо заниматься; совершенно истощился в силах, и кожа моя прильнула к костям моим. Все старание искусных врачей нисколько не помогало. Я поехал лечиться в чужие края, но, пролечась там полгода, нисколько не получил облегчения, и мучительные видения все жесточе умножались. Меня привезли оттуда едва живого; и я испытывал в полной мере ужасы адских мучений души, прежде еще отделения ее от тела. Тогда я уверился, что есть ад, и узнал, что значит он.

Будучи в таком мучительном состоянии, я осознал мои беззакония, раскаялся, исповедался, дал свободу всем при мне служившим людям и заклинул себя на всю жизнь мучить себя всякими трудами и сокрыться в нищенском образе, дабы за беззакония мои быть последним служителем людей самого низкого класса. Лишь только с твердостью я на сие решился, тут же и кончились беспокоившие меня видения. Я чувствовал такую отраду и сладость от примирения с Богом, что не могу вполне изобразить. Вот — здесь я также опытно узнал, что значит рай, и каким образом разверзается царствие Божие внутри сердец наших.

Вскоре я совершенно выздоровел, исполнил мои намерения и с паспортом отставного солдата тайно ушел из моей родины. И вот, уже 15 лет, как я скитаюсь по всей Сибири. Иногда нанимался у мужиков в посыльные работы, иногда Христовым именем прокармливал себя! Ах! При всех сих лишениях какое я вкушал блаженство, счастье и спокойствие совести! Это вполне может чувствовать только тот, кто из мучительного ада, милосердием Ходатая, переведен в рай Божий».

С завещания этого барин хранил список. Вот он:

«Во имя Бога в Троице прославляемого, Отца и Сына и Святаго Духа.

Любезнейший сын мой!

Уже 15 лет, как ты не видишь твоего отца, но он в безызвестности своей, изредка осведомляясь о тебе, питал к тебе отеческую любовь, которая заставляет послать к тебе и предсмертные строки сии, да будут оне тебе уроком в жизни.

Тебе известно, как я страдал за мою неосторожность и невнимательную жизнь; но ты не знаешь, как блаженствовал в безызвестном моем странничестве, наслаждаясь плодами покаяния.

Я спокойно умираю у моего доброго и вместе у твоего благодетеля, ибо благодетель, излитые на отца, должны касаться чувствительного сердца признательного сына. Воздай ему благодарность мою, чем можешь.

Оставляя тебе мое родительское благословение, заклинаю тебя помнить Бога, хранить совесть, быть осторожным, добрым и рассудительным, обращаться с подчиненными людьми, как можно благосклоннее и любезнее, не презирать нищих и странных, помня, что и умирающий отец твой в ниществе и странничестве токмо обрел спокойствие и мир мучившейся душе своей.

Призывая на тебя благодать Божию, я спокойно закрываю глаза мои в уповании жизни вечной, по милосердию Ходатая человеков, Господа Иисуса Христа.»

Отец твой

Так они с добрым барином лежали, да и поговаривали. Странник спросил барина:

— Думаю, батюшка, вам не без хлопот и не без беспокойства со странноприемницей? Ведь, также много нашей братии странников ходят от нечего делать, или по лености к делу, да и шалют на дороге, как мне случалось видеть.

— Немного таких случаев было, все больше попадали истинные странники, — ответил барин. — Да мы еще более ласкаем и удерживаем у себя пожить таких шалунов. Они, поживши между добрыми нашими нищими, Христовыми братьями, часто исправляются и выходят из нищеприемницы смиренными и кроткими людьми. Вот — недавний сему пример. Один здешний городской мещанин до того развратился, что решительно все гоняли его палками от своих ворот, и никто ему не давал даже и куска хлеба. Он был пьяный, буйный и драчливый человек, да еще и воровал. В таком виде и голодный пришел он к нам; просил хлеба и вина, до коего он был чрезвычайный охотник. Мы, ласково принявши его, сказали: живи у нас, мы будем давать тебе вина, сколько хочешь, но только с тем уговором, чтобы ты, напившись, сейчас ложился спать, если же хотя мало забунтуешь и заколобродишь, то не только прогоним тебя и никогда не примем, но даже я сделаю отношение исправнику или городничему, чтоб сослать тебя на поселение, как подозрительного бродягу. Согласившись на сие, он у нас остался. С неделю или более действительно пил много, сколько хотел; но всегда по обещанию своему и по приверженности к вину (чтоб его не лишиться) ложился спать или выходил на огород, лежал там и молчал. Когда он отрезвлялся, братья нищеприемницы уговаривали его и давали советы, чтоб воздерживаться, хотя сначала понемногу. Итак, он постепенно стал пить меньше и, наконец, месяца через три сделался воздержанным человеком и теперь где-то нанимается и не ест втуне чужой хлеб. Вот, третьего дня он приходил ко мне с благодарностью.

— Какая мудрость, — думал странник, — по руководству любви совершаемая; — и он воскликнул: — благословен Бог, являющий милость Свою в ограде ограждения вашего!

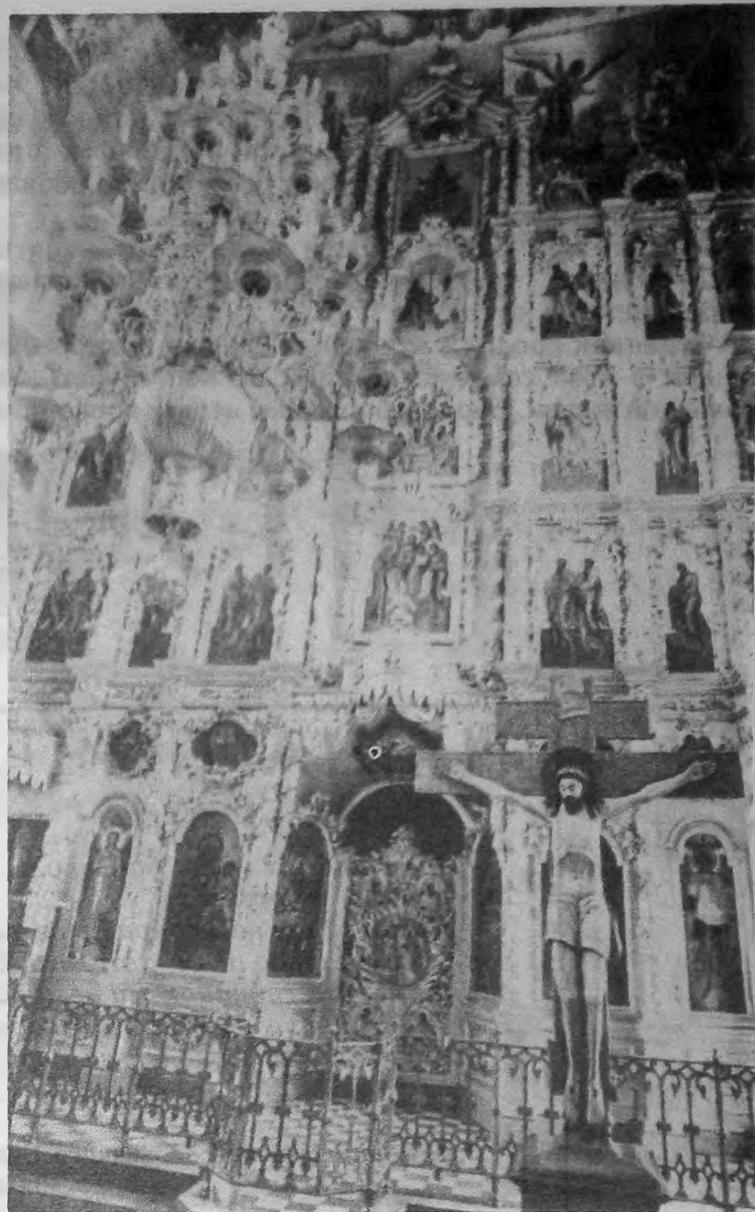
Так проговорил странник с барином почти всю ночь. Потом прилегли всего часа на два или на полтора. Их разбудил благовест к заутрене. Они собрались и пошли. И, когда явились в церковь, барыня была давно тут со своими детьми. Слушали утреню, а потом вскоре началась Божественная литургия. Странник с барином и с его сыном стояли в алтаре, а барыня с малюткой у алтарного окна, чтобы видеть возвышение Святых Даров. Как они молились на коленях и заливались радостными слезами во время чуда, так что странник, глядя на них, досыта наплакался.

Когда служба кончилась, господа, священник, слуги и все нищие пошли вместе к обеденному столу. Нищих было человек до сорока. Были и увечные, и ребята. Все сели за один стол в великой тишине и молчании.

Странник, запасшись смелостью, сказал барину:

— В обителях читают жития святых во время трапезы. Вот, завелся бы такой порядок и у вас. В доме вашем есть, ведь, круг Четьи-Миней?

— Маша, — сказал барин барыне, — в самом деле заведем такой порядок. Это будет предназидательно.

Св. Гора Афон. Русский Пантелеимоновский монастырь. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Интерьер.

В первый обед буду читать я, потом ты, там батюшка, а далее братия по очереди, кто умеет.

— Нет, — вставил свое слово батюшка, — слушать-то я люблю, а уж читать — увольте. Да нет совсем у меня свободного времени. Как прибежишь домой, так не знаешь, как изворотиться, все хлопоты и заботы. И то надо, и другое надо. Ребят куча, да и скота много. Целый день в суе. Тут уж не до чтения или поучения. Что я в семинарии вычитал, так и то давно забыл.

Странник, слыша такая слова священника, содрогнулся. А барыня схватила странника за руку и тихонько ему сказала:

— Батюшка это говорит по смирению. Он всегда так себя унижает, а он предобрейший и богоугодной жизни. Вот уже лет двадцать вдовый и воспитывает целую семью внучат, притом же часто и служит.

При конце обеда одной старухе из нищих сделалось дурно. Ее крепко схватило, и она застонала. Тут высказалось все сердоболие этих господ. Барин с барыней отвели ее в спальню и положили в постель. Барыня стала за ней ходить. Священник на всякий случай пошел за запасными Дарами, а барин приказал запрячь карету и поскакал за доктором

в город. Все разошлись.

Странник заметил, что один из нищих, слепой, все время что-то шепчет, и понял, что он творит, не переставая Иисусову молитву. С этим странником он согласился вдвоем продолжать путь в Тобольск и по дороге прочесть ему из своей книги «Добротолюбие» все, что относится до сердечной молитвы.

Вечером сам барин пришел звать всех ужинать. После ужина странник объявил, что со слепым отправляется в путь.*).

Странник продолжал дорогу, прерванную пребыванием в этой семье, о котором он вспоминал, как о райской жизни. Барин с барыней с версту проводили

(продолжение следует).

их от своего жилища, и они распрощались.

Бывает так, что люди встретятся на короткое время, но духом сблизятся тесней, чем с людьми, с которыми выдаются постоянно.

И над таким согласным переживанием вместе заветных чувств бессильны пространства и время. И в вечном Царствии эти люди встретятся и узнают друг друга.

*) Взято из книги «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу».

НАША ПОЧТА

Получили от Вас бандероль и выражаем Вам благодарность за внимание и уважение.

Журнал Ваш нам понравился и мы желаем подписаться на 10 экземпляров ежемесячно. Нам хотелось бы Вас попросить уделять побольше внимания на страницах Вашего журнала материалам о периоде гонения Церкви в 20-е и 30-е годы. Особенно нас интересуют факты связанные с сосланными на Соловки за веру православными христианами. . .

**С любовью о Господе игумен ГЕРМАН
и. о. наместника Соловецкого Спасо-Преображенского мужского монастыря
9.05.91 г.**

. . . Просмотрев все номера журнала «Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости», был очень удовлетворен глубоким духовным содержанием и прекрасной подборкой номеров. Главному редактору и ответственному секретарю надо поклониться до земли с чувством благодарности за такой журнал. . .

**С любовью о Господе
Ваш архимандрит ИОАНН (Крестьянкин)
10.12.92 г.**

*Дорогой Николай Кузьмич!
. . . Представилась возможность передать Вам это благодарственное письмо. Мы очень внимательно следим за Вашими совместными с Владыкой Иоанном трудами и утешаемся ими. Помогай Вам Бог не ослабевать в этом важном деле. Но к Вам и просьба будет, мы очень волнуемся, чтобы не миновал нас какой-либо Ваш журнальчик. Нельзя ли Вас попросить присылать нам по три-четыре экземпляра всего выходящего у Вас. Мы это все неукоснительно оплатим. Знаю, как для Вас сложна всякая дополнительная нагрузка, но все же дерзаю просить Вас об этой услуге. Молимся о Вас всегда усердно.*

**С любовью о Господе
Ваш архимандрит ИОАНН (Крестьянкин)
15.12.92 г.**

Санкт-Петербургские епархиальные ведомости

ИЗДАЮТСЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

**Главный редактор
Высокопреосвященнейший ИОАНН,
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский**

Ответственный секретарь Н. К. Симаков

Выпуск 10, Часть 2. 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

Архиерейские богослужения и рукоположения 57

Неофициальная часть СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Иоанн Дамаскин. Слово против отвергающих святыне иконы 64

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

В. В. Антонов. Иеговисты и их секта 73

ПРОПОВЕДЬ

Архим. Иоанн (Крестьянкин). Краугольный камень жизни — Бог 76

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Прот. Михаил Чельцов. Воспоминания «смертника». (Окончание) 79

НАШИ ХРАМЫ

А. П. Аспидов. Церковь Великомученика Георгия Победоносца в Ложголово 89

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 60-е ГОДЫ XX ВЕКА

Игумен Иоанн. Воспоминания очевидца. (Продолжение) 92

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин. Идеалы христианской жизни. (Продолжение) 94

Стихи: *Н. Стручкова.* «Женщина пела в церковном хоре...» 88

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Редакторы отделов: *В. В. Антонов, И. В. Полов*; техн. редактор *И. А. Шумакова*; корректор *И. Н. Смирнова*; фото *Ю. Г. Корытченкова, Ю. П. Костыгова, А. П. Маклова*.

Адрес редакции: Обводный канал, 17.

Сдано в набор 22.03.93. Подписано в печать 02.07.93. Формат 60×90¹/₈. Печать офсетная 12 п.ч. Тираж 10000 экз. Заказ 337.
Ломоносовская типография. 189510, Ломоносов, пр. Юного ленинца, 9.

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

В праздник Торжества Православия, в воскресенье первой недели Великого поста, совпавшее с празднованием Державной иконы Божией Матери, **15(2) марта** был освящен правый придел в честь Державной иконы Божией Матери верхнего храма Казанской Божией Матери Новодевичьего монастыря. Освящение и первую Божественную литургию в новоосвященном приделе совершил свящ. Александр Григорьев.

26 марта, в четверг, в покоях Митрополита С.-Петербургского и Ладожского в здании Петербургских Духовных школ, под председательством Митрополита Иоанна состоялось заседание Епархиального совета, на котором рассматривались вопросы: о подготовке к празднованию 250-летнего юбилея Епархии, об определении благочиннических округов Петербургской епархии и разное. Было оглашено распоряжение Владыки Иоанна о подготовке празднования юбилея и назначении утвержденной на Ученом Совете С.-Петербургских Духовных академии и семинарии комиссии по проведению юбилейной научной конференции. В ходе обсуждения программы торжества были определены и детализированы порядок торжеств и сроки выполнения. Митрополит Иоанн обосновал необходимость создания в Епархии новых благочиннических округов. Совет решил увеличить их число с 5 до 7 и учредить 3 городских округа: Невский (прот. Владимир Сорокин), Петроградский (прот. Павел Красноцветов), Царскосельский (прот. Александр Кудряшов) и 4 областных: Выборгский (прот. Николай Тетерятников), Ладожский (прот. Александр Ваховский), Гатчинский (архим. Гурий (Кузьмин) и Лужский (прот. Владимир Фоменко). Епархиальный совет назначил в состав городской и областной комиссий, созданных в связи с объявлением 1993 года годом семьи, в качестве представителей Митрополита Иоанна, прот. Александра Кудряшова и прот. Виктора Московского. На Совете рассматривался вопрос о сотрудничестве Епархии с малым предприятием «Лазерфильм».

27 марта, в праздник Феодоровской иконы Божией Матери, при переполненном зале в Музее Ф. М. Достоевского состоялась премьера хрони-

кально-документального фильма «Дом Романовых», авторы — В. Семенюк, В. Беляков, научный консультант А. Боханов. Зрителям была представлена двухчасовая кинохроника конца XIX—начала XX вв. из жизни последнего Русского Императора Николая II и его Семьи.

29 марта, на Крестопоклонной седмице Великого поста первый молебен был отслужен у стен церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что на Боровой улице, захваченной баптистами в 1989 году и «освященной» ими 19 января сего года. Внутри оскверненного храма православные допущены не были. В церкви в результате ремонта почти полностью утрачены настенные росписи работы суздальских мастеров конца XIX века, а сам храм переделан под зал для собраний. Начиная с 12 апреля возле этого храма православной общиной регулярно совершается служба новопрославленному сщмч. Митрополиту Вениамину Петроградскому, с именем которого тесно

Православные читают акафист Державной Божией Матери перед церковью Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой улице, занятой баптистами.

связана история Покровского Храма, а также читается акафист Державной Божией Матери.

5 мая, в Радоницу, за алтарем Введенской церкви Свято-Владимирской церковно-учительской женской школы на Московском проспекте (ныне — больница им. И. Г. Коняшина), где погребены основатель школы обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев (†1907) и его супруга, была отслужена панихида по этому выдающемуся церковному и государственному деятелю.

13 мая, православные горожане отметили 125 годовщину со дня преставления свят. Игнатия (Брянчанинова). В Петербургских Духовных академии и семинарии состоялся вечер памяти Святителя, перед началом которого ему был отслужен молебен.

17 мая у стен Феодоровского Государева собора в Царском Селе и **19-го** в праздник прав. Иова Многострадального, день рождения Царя-Мученика Николая Второго, в храмах епархии были отслужены панихиды по Государю.

28 мая на месте храма-памятника Спас-на-Водах настоятелем Николо-Богоявленского собора прот. Богданом Сойко в присутствии командира Военно-Морской базы вице-адмирала В. Е. Селиванова, курсантов Высшего Военно-Морского училища имени Фрунзе (б. Морской Кадетский корпус), администрации и рабочих Адмиралтейского объединения, а также Правления Фонда восстановления и прежних прихожан храма Спас-на-Водах была отслужена панихида по погибшим морякам-цусимцам.

С 17 по 19 июня в С.-Петербурге проходил III Съезд Союза Православных Братств, в котором приняли участие клирики и миряне — представители более чем 40 православных братств России. Начался съезд молебном у реки св. блгв. кн. Александра Невского в Свято-Троицком соборе Лавры, который соборно с клиром храма и братчиками совершил Митрополит С.-Петербургский и Ладужский Иоанн. Каждый из трех дней работы Съезда представители

Прот. Богдан Сойко произносит проповедь после панихиды по русским морякам, погибшим в войне с Японией, на месте храма-памятника Спас-на-Водах.

Отпевание Льва Николаевича Гумилева в церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала 20 июня 1992 г.

православных братств благочестиво начинали соборной молитвой у святынь петербургских: в Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре, на Смоленском кладбище — в часовне Ксении Блаженной и у могилы Сорока Мучеников († 1929), у гробницы св. прав. Иоанна Кронштадтского в Иоанновском монастыре. Работу съезда благословил и предварил напутствием Владыка Иоанн. В ходе съезда братчики поддержали решение Архиерейского собора, состоявшегося 31 марта — 4 апреля 1992 года о сборе сведений о новомучениках из епархий и с постепенным пополнением святцев и составлением службы каждому отдельному новомученику. В то же время съезд подчеркнул, что еще до завершения этой работы должны состояться торжественное прославление Собора Всех Новомучеников Российских, память которых установлена на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. в Москве.

Съезд утвердил принятую на совещании в Сергиевом Посаде в феврале 1992 года резолюцию о необходимости прославления Царя-Мученика Николая II и Царственных Мучеников на ближайшем Поместном Соборе. Восстановление Православной Самодержавной монархии во главе с Русским Царем, по мнению Союза Православных братств, будет важным этапом в борьбе с грядущим антихристом. В этой связи был заслушан и одобрен доклад «о несуществующих правах на Престол княгини

Крестный ход после службы Царственным мученикам в день убийства Царской Семьи у храма Воскресения Христова (Спас-на-Крови) 17 июля 1992 г.

Марии Владимировны и принца Прусского Георгия Гогенцоллерна». В докладе было обосновано, что законный Государь может быть избран только Всероссийским Земским Собором.

Съезд поддержал все выработанные практикой формы оглашения и катехизации готовящихся к восприятию Св. Крещения, призвал всемерно способствовать религиозному воспитанию детей и подростков путем открытия воскресных школ, факультативного преподавания Закона Божия в средних учебных заведениях. Съезд призвал Министерство Обороны открыть свободный доступ пастырям и мирянам в части и на корабли для оглашения и катехизации чинов Армии и Флота, создать для почина отдельную православную войсковую часть, позволить открытие храмов для православных воинов, восстановить институт полковых священников. Было постановлено снести с Министерством Внутренних Дел для обеспечения доступа священнослужителей к последственным заключенным и продолжить деятельность Тюремной Комиссии. Представители братств выразили тревогу в связи с намерениями возобновить диалог с Ватиканом, признали недопустимой и порочной практику так называемых экуменических молитв, как стоящую в противоречии с каноническими правилами. Съезд осудил искажение православного богослужения, в частности, чтение в храмах Евангелия на русском языке. Были высказаны мысли о желанности возвращения в церковном пении к древнему знаменному распеву, почти вытесненному ныне партесным пением, о необходимости возрождения канонического иконописания. Братчики выразили великую скорбь православных о захлестнувшем Россию тяжком грехе детоубийства во чреве матери. Союз Православных братств решительно признал недопустимым продолжение осквернения православных храмов нахождением в них непотребных заведений и проведением в святых местах еретических, иноверческих и иных (например, иудейская ханука в Московском Кремле в декабре 1991 г.) кощунственных действий и игр.

Съезд принял обращение к Святейшему Патриарху Сербскому Павлу, заявив в нем о поддержке

героической борьбы единокровных и единоверных сербов и черногорцев, подвергающихся ныне изуверскому истреблению. Доказательством сему является Вуковарское злодеяние (декабрь 1991) — ритуальное убийство сорока православных младенцев и отроков. Съезду были предъявлены фотографии, сделанные в Вуковаре после освобождения города православным сербским воинством. III Съезд Православных братств способствовал дальнейшему осознанию православными братствами их места в деле воцерковления русского народа, в борьбе за Святую Русь.

20 июня, в воскресенье, при огромном стечении народа в храме Воскресения Христова, что у Варшавского вокзала, состоялось отпевание замечательного русского ученого, историка и географа Льва Николаевича Гумилева (†15.06. 1992). Родные и близкие, тысячи петербуржцев пришли в храм проститься и дать последнее целование великому русскому ученому. Погребение усопшего состоялось на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

Во второй половине дня **17 (4 ст.ст.) июля** по благословению правящего архиерея Митрополита Иоанна возле храма Воскресения Христова (Спаса-на-Крови) настоятелем церкви св. Пантелеимона в Удельной свящ. Алексием Масюком была отслужена панихида по убиенному царю-освободителю Александру II (†1881), а затем совершена служба Царственным Мученикам: Императору Николаю Александровичу, Императрице Александре Федоровне, Цесаревичу Алексию, Великим Княжнам Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии и иже с ними убиенным, чья память совершается в этот день. Была совершена служба Всем Новомученикам и Исповедникам Российским до смерти о Христе свидетельствовавшим и за Христа от безбожников убиенным.

Затем с пением величания Новомученикам и тропаря Воскресению Христову молящиеся обошли крестным ходом вокруг Спаса-на-Крови. В этот же день панихида по Царственным Мученикам была отслужена настоятелем собора Спаса Нерукотворного при Зимнем дворце свящ. Игорем Лобановым во внутреннем двореке дворца, а также в ряде других храмов Петербурга и области.

В канун празднования Казанской иконе Божией Матери, **20 июля**, состоялось малое освящение возвращенного православным Воскресенского собора в Луге. Освятил собор и отслужил первый в его стенах молебен настоятель Лужского Казанского собора прот. Николай Денисенко.

26, 27 и 28 июля ознаменовались проведением в Петербурге с благосклонного разрешения светских властей международного конгресса иеговистов. Проходившее на Кировском стадионе грандиозное шоу собрало около 50 тысяч съехавшихся в Петербург со всех концов земли «свидетелей Иеговы». «Свидетели» из Америки «крестили» на стадионе местных «свидетелей», проповедовали и обильно раздавали пришедшим гуманитарную помощь. Перед входом на стадион стояла православная застава из представителей православных братств, мирян и немногочисленного духовенства. Православные обличали, отговаривали любопытствующих горожан посещать это духовно опасное представление, наставляли их на путь истинный, в чем достигли определенного успеха.

Высокопреосвященнейший Митрополит С.-Петербургский и Ладужский Иоанн выступает на II конгрессе соотечественников.

28 июля, в праздник Всех Святых в земле Российской просиявших православным возвращена церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в Новой Деревне и приписанная к ней часовня св. блгв. кн. Александра Невского в Коломягах.

31 июля под председательством Митрополита Иоанна в покоях Митрополита в здании Петербургских Духовных школ состоялось заседание Епархиального совета, посвященное подготовке к празднованию 250-летнего юбилея Епархии и разным вопросам. Была уточнена и утверждена программа концерта духовной музыки и порядок проведения научной конференции в дни торжеств. В дополнение к имевшейся программе было решено подготовить и провести в храмах епархии цикл проповедей, направленных против сектантов, о чем поручено сообщить в каждый храм.

25 августа 1992 г. на состоявшемся под председательством Владыки Иоанна заседании Епархиального совета была окончательно отработана и утверждена программа празднования 250-летия Епархии и порядок проведения научной конференции.

Заслушав информацию Митрополита Иоанна о постановлении Священного Синода от 12 августа 1992 года «Об освобождении прот. Владимира Сорокина от обязанностей ректора и о предоставлении ему возможности заниматься в области социального и миссионерского служения в С.-Петербургской епархии», Епархиальный совет постановил принять

предложение Его Высокопреосвященства о создании Епархиального центра социального и миссионерского служения и назначении руководителем этого центра прот. Владимира Сорокина с поручением ему в течение месяца предоставить проект структуры и деятельности этого центра. Была принята к сведению информация Владыки Иоанна по работе свечной мастерской и финансовым вопросам.

3 сентября Владыка Иоанн посетил Инженерно-космический институт им. А. Ф. Можайского (б. II Кадетский корпус). Он ознакомился с учебными классами, проявив особый интерес к технике, побывавшей в космосе: выступил перед преподавательско-педагогическим коллективом института. Скоро в его стенах должно начаться преподавание религиоведения, истории религии и Православия. Вопросы, связанные с введением новых дисциплин, были обсуждены Владыкой Митрополитом совместно с преподавателями.

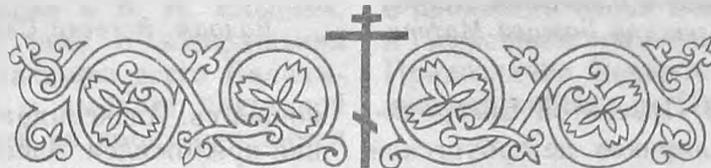
4 сентября в здании С.-Петербургских Духовных школ состоялось епархиальное собрание, на котором духовенство и миряне были ознакомлены с программой торжеств по случаю 250-летия епархии. Обсуждались финансовые вопросы.

7 сентября в Петербурге открылся II Конгресс соотечественников, в котором приняли участие тысячи россиян из различных городов России и многих стран мира. Начало конгресса ознаменовалось торжественным молебном в Свято-Троицком

соборе Александро-Невской Лавры, которое совершил Митрополит Иоанн в сослужении духовенства собора у раки с мощами св. Александра Невского. После краткого слова назидания, Владыка благословил участников II Конгресса соотечественников, а затем молящиеся приложились ко святым мощам.

Вечером в Таврическом дворце состоялось торжественное открытие II Конгресса соотечественников. Владыка Иоанн обратился к собравшимся с проникновенным словом, подчеркнув духовное единство россиян, разделенных в былые годы братоубий-

ственной смутой, оставшихся на Родине и в рассеянии сущих. Все силы их, единых в вере, в стремлении к идеалу Святой Руси, Митрополит призвал направить к возрождению, преобразению России: «Вы — русские люди, и я — русский человек. Мы с вами — единокровные, кровь от крови и плоть от плоти Матушки-Руси... Православие нас объединяет, Русская Православная Церковь объединяет нас... и мы должны объединить свои усилия во имя возрождения Святой Руси!»

АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ И РУКОПОЛОЖЕНИЯ

В Троицкую родительскую субботу 13 июня Митрополит Иоанн совершил всенощное бдение в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. В праздник Святой Живоначальной Троицы Владыка совершил в названном храме Божественную литургию и поздравил всех с праздником. В канун Духова дня Владыка служил всенощное бдение в Никольской Большеохтинской церкви, а 15 июня — в день Святого Духа — Божественную литургию в Иоанно-Богословском храме петербургских Духовных школ. Днем состоялся торжественный акт и выпускной вечер по случаю завершения 1991/92 учебного года в академии и семинарии.

в четверг 25 июня в праздник преп. Арсения Коневского Митрополит Иоанн посетил возрождаемый Коневецкий Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь Петербургской епархии, где в Рождественском соборе совершил Божественную литургию, за которой рукоположил монаха Иова (Гибнера Вячеслава Михайловича), постриженного в монашество архим. Назарием 17 апреля 1992 года, во иеродиакона с оставлением его в братии Коневецкого монастыря.

В воскресенье 28 июня в праздник Всех Святых в земле Российской просиявших Владыка Иоанн совершил в Вознесенском Софийском соборе в Царском Селе Божественную литургию, за которой рукоположил воспитанника 2-го класса петербургской Духовной семинарии Олега Скомороха во диакона, оставив его служить в Царскосельском Софийском соборе, где он служил прежде псаломщиком.

4 июля Митрополит Иоанн служил всенощное бдение в Свято-Троицком соборе Лавры, а в воскресенье 5 июля совершил в Князь-Владимирской церкви пс. Лисий Нос Божественную литургию, за которой рукоположил воспитанника семинарии Виктора Бондарева в сан диакона, направив его в церковь Воскресения Христова у Варшавского вокзала.

В канун Рождества Иоанна Крестителя Митрополит Иоанн совершил всенощное бдение в церкви Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове, в самый день престольного праздника 7 июля, при переполненном храме Владыка совершил Божественную литургию, рукоположив чтеца церкви прав. Иова Анатолия Лебедева во диакона и оставив его служить в том же храме; диакона Иоанна Сахарука — во пресвитера с оставлением его в церкви Вознесения Господня в Колпино. Вокруг храма был совершен крестный ход, который возглавил Митрополит Иоанн. В проповеди Владыка произнес слово о глубине покаяния преподобных пустынников египетских; похвалил успехи прихожан в церковном пении.

Пребывание Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия в Санкт-Петербурге и на Валааме

В праздник Тихвинской иконы Божией Матери 9 июля, утром в С.-Петербург прибыл Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий. С Московского вокзала, где Патриарх был встречен духовенством епархии, в сопровождении прибывших вместе с ним епископов Истринского Арсения и Ульяновского и Мелекесского Прокла Святейший направился в Иоанновский женский монастырь, где возжег священный огонь, привезенный от Гроба Господня в Иерусалиме, а затем принял участие в освящении и подъеме последнего, 6-го по счету, креста на главный купол верхнего монастырского храма во имя собора 12 Апостолов.

Из монастыря Его Святейшество прибыл на Смоленское кладбище, где им в часовне св. Блаженной Ксении Петербургской был возжег святой огонь от Гроба Господня и соборно с духовенством епархии отслужен молебен Блаженной Ксении. После краткого молебна пред образом Валаамской Божией Матери из Смоленской церкви была поднята эта

Крестный ход из часовни блаженной Ксении Петербургской к храму Смоленской Божией Матери.

Валаам. Встреча Святейшего Патриарха Алексия II

читимая петербуржцами икона Пресвятой Богородицы, и соборно с участием клириков петербургской епархии и монахов Валаамского мужского монастыря, перенесена на петербургское Валаамское подворье, что на Нарвском проспекте, где пред нею было совершено общее молебное пение с акафистом. В этот же день святой огонь из Иерусалима был также возжжен в Казанском храме Валаамского подворья и в церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала. Вечером Святейший Патриарх Алексий прибыл в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры, где им был отслужен молебен у честных

мощей св. Александра Невского, к которым Святейший приложился. Здесь же, в соборе, Его Святейшеству и командующему Черноморским Флотом адмиралу И. А. Касатонову были пожалованы звания почетных граждан России за их заслуги перед Отечеством и труды во славу России. Под колокольный звон Патриарх покинул Лавру и вечером вместе с архиереями и наместником Валаамского монастыря архим. Андроником отбыл с Речного вокзала на о. Валаам, с целью посещения и осмотра Валаамского Спасо-Преображенского мужского ставропигиального монастыря.

Валаам. Крестный ход с иконой Валаамской Божией Матери.

10, 11 и 12 июня Святейший находился на Валааме. В канун праздника препп. Сергия и Германа Валаамских в Спасо-Преображенском соборе монастыря Патриархом было совершено всенощное бдение, а в сам праздник 11 июля — Божественная литургия и молебен свв. Валаамским Чудотворцам у раки с мощами препп. Сергия и Германа. Святейший возглавил состоявшийся из собора крестный ход с иконой преподобных к часовне Знамения Божией Матери, где был отслужен водосвятный молебен и совершено ее освящение. Братией монастыря от пристани в сам монастырь был совершен крестный ход с прибывшей из Петербурга Валаамской иконой Божией Матери и вернувшейся после праздника вновь на Валаамское подворье в нашем городе.

На состоявшейся 11 июля на Валааме встрече Святейшего Патриарха Алексия и Б. Н. Ельцина, президент России подписал указ о возвращении Спасо-Преображенскому монастырю всего Валаамского архипелага, а также о выплате частичной компенсации в 200 мл. рублей за производившееся

в течение 49-ти лет, прошедших с момента закрытия монастыря, разорение обители. Вечером Святейший совершил всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе, в праздник свв. Апостолов Петра и Павла 12 июля, — там же Божественную литургию.

Остаток дня Патриарх посвятил осмотру центральной усадьбы и отдаленных скитов монастыря, вернувшись на вертолете с Валаама в Санкт-Петербург в воскресенье, вечером.

В канун собора 12 апостолов Патриарх Московский и Всея Руси Алексий в сослужении Митрополита С.-Петербургского и Ладужского Иоанна и епископов Ульяновского и Мелекесского Прокла и Истринского Арсения совершил всенощное бдение в храме собора 12 апостолов Иоанновского монастыря, а в самый праздник 13 июля — Божественную литургию там же. После чего произнес слово о проповеди слова Божия и твердом стоянии в вере в нынешнее смутное время натиска ересей на Православие. Вечером Его Святейшество с Преосвященным отбыли из Петербурга в Москву.

Валаам. Крестный ход из Спасо-Преображенского монастыря к часовне Знамения Божией Матери.

В праздник св. первоверховных апостолов Петра и Павла Митрополит С.-Петербургский и Ладожский Иоанн свершил Божественную литургию в Павловском соборе Гатчины, за которой рукоположил учащегося 1 класса Петербургской Духовной семинарии чтеца Александра Панкратова во диакона, назначив его в Петропавловскую церковь Любани. **16—20 июля** Владыка совершил поездку в Самару.

В праздник Казанской иконы Божией Матери, **21 июля**, Митрополит Иоанн свершил в Казанском соборе Петербурга Божественную литургию, за которой рукоположил диакона церкви свв. Симеония и Анны Владимира Ключникова во пресвитера; учащегося 3 класса семинарии Андрея Алексева — во диакона, назначив его в Казанский собор Петербурга.

В Никольском соборе с субботы **25 июля** Владыка Иоанн служил всенощное бдение. **26 июля** в воскресенье, в праздник собора Архангела Гавриила, в Казанской церкви Зеленогорска — Божественную литургию, за которой рукоположил Станислава Чуркина во диакона. В этот же день за литургией в Свято-Троицком соборе Лавры Епископом Аргентинским и Южноамериканским Марком во диакона рукоположен Павел Ковальчук, командированный в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры.

Накануне праздника св. равноап. князя Владимира **27 июля**, Митрополит Иоанн свершил в Князь-Владимирском соборе всенощное бдение, а **28 июля** в престольный праздник там же — Божественную литургию, за которой рукоположил чтеца Князь-Владимирского собора Димитрия Мацкевича во диакона, оставив его продолжать служение в названном храме; диакона Свято-Троицкой церкви «Кулич и Пасха» Владимира Рождественского — во иерея, оставив его служить в этой же церкви. В этот же день Митрополит Иоанн свершил монашеский постриг диакона церкви прав. Иова Александра Белицкого с наречением ему имени Аркадий и причислением его

Праздник перенесения мощей св. Александра Невского. Крестный ход вокруг Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры.

иеродиаконом к братии Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. Архиепископом Никоном за Божественной литургией во Владимирской церкви в этот день рукоположен во диакона воспитанник 1 класса Петербургской Духовной семинарии Алексей Новиков, назначенный ко служению в Царскосельский Софийский собор.

Накануне праздника прп. Серафима Саровского Митрополит Иоанн служил всенощное бдение в церкви прп. Серафима Саровского, в самый праздник **1 августа** совершил в нем Божественную литургию, за которой рукоположил чтеца и алтарника церкви Тихвинской Божией Матери в Тихвине Сергия Ремезова во диакона, оставив его служить в этом же храме.

Вечером, в канун Ильина дня Владыка Иоанн свершил всенощное бдение в церкви св. Илии Пророка на Пороховых, в сам праздник пророка Божия Илии, **2 августа** — Божественную литургию в названном храме, рукоположив чтеца Спасо-Парголовской церкви Сергия Тарасова во диакона и оставив его служить в названном храме. В проповеди Владыка, обличив еретиков, призвал православных удаляться от книг, содержащих лжеучение.

3 августа Митрополит Иоанн отбыл из Петербурга в Самару, на день памяти Митрополита Мануила (Лемешевского) (†1968), а **11—12 августа** принял участие в работе Священного Синода Русской Православной Церкви. По возвращении своем в Петербург, **13 августа**, в день памяти новопрославленного сщмч. Вениамина Митрополита Петроградского, Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн вместе с Преосвященным епископом Львом Новгородским и Старорусским свершил Божественную литургию и молебен сщмч. Митрополиту Вениамину в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Всенощное бдение в субботу **15 августа** Владыка Иоанн свершил в Смоленской церкви, в воскресенье **16-го** в Свято-Троицкой церкви «Кулич и Пасха» им была отслужена Божественная литургия, за которой воспитанник С.-Петербургской Духовной семинарии Вадим Буренин был рукоположен во диакона и назначен ко служению в церковь Рождества Богородицы в Новой Ладоге.

Митрополит С.-Петербургский и Ладожский Иоанн совершает всенощное бдение в Серафимовской церкви в канун праздника прп. Серафима Саровского.

Пребывание в С.-Петербурге Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия.

Перенесение мощей Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких в Соловецкий Спасо-Преображенский мужской монастырь.

Днем в понедельник, 17 августа, в С.-Петербурге из Вологды прибыл Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий, совершающий поездку по епархиям Русского Севера. В канун праздника Преображения Господня Патриарх Алексий свершил в Иоанновском женском монастыре всенощное бдение, а в самый праздник, 19 августа — Божественную литургию и освящение плодов в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Множество петербуржцев пришли в день праздника в Свято-Троицкий собор проститься с преподобными Соловецкими Чудотворцами, покидающими град Святого Петра и возвращающимися в родную обитель. Мощи их были вновь обреты в нашем городе, возвращены из музея истории религии и атеизма в Казанском соборе православному русскому народу и 16 августа 1990 года торжественно перенесены в Свято-Троицкий собор Александро-

Невской Лавры. Здесь в течение двух лет тихо ожидали они того часа, когда снова смогут вернуться в отданный Церкви Соловецкий мужской монастырь.

Весь день не иссякал поток молящихся у гробницы препп. Зосимы, Савватия и Германа. В 16 часов после торжественного молебна Святейший Патриарх Алексий, Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн, Преосвященный епископ Арсений и духовенство С.-Петербургской епархии крестным ходом при огромном стечении молящихся перенесли мощи Преподобных ко Святым вратам Лавры, откуда св. мощи были препровождены в аэропорт «Пулково» и далее в сопровождении Святейшего Патриарха, через Архангельск, — в восстанавливаемый Соловецкий Спасо-Преображенский мужской монастырь.

* * *

В канун праздника Преображения Господня Митрополит С.-Петербургский и Ладожский Иоанн свершил всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе, и в самый день праздника там же — Божественную литургию и освящение плодов, после чего вокруг храма состоялся крестный ход. В субботу 22 августа Владыка Иоанн свершил всенощное бдение в Николо-Богоявленском соборе, и в воскресенье там же — Божественную литургию, посвятив Сергия Белькова во диакона и назначив его заведующим хозяйством Коневецкого монастыря.

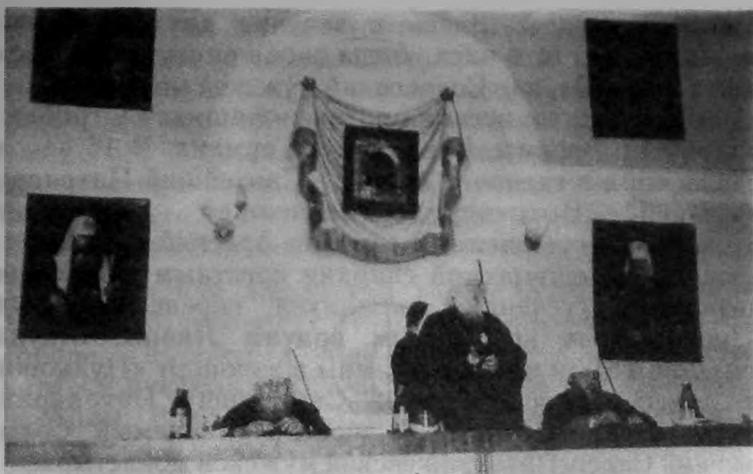
В канун праздника Успения Пресвятой Богородицы, 27 августа, Митрополит Иоанн свершил всенощное бдение, а в сам праздник Успения — Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, рукоположив диакона Спасо-Парголовской церкви Сергия Тарасова во пресвитера и назначив его настоятелем строящейся церкви св. прав. Иоанна Кронштадтского в Колтушах. Вечером этого же дня, в канун празднования перенесения Нерукотворного Образа Господня из Едессы в Константинополь, Владыка Иоанн служил всенощное бдение в церкви Спаса-на-Конюшенной, в сам праздник — Божественную литургию в Спасо-Парголовской церкви, обойдя вокруг оной с местным образом Спаса торжественным крестным ходом.

Празднование 250-летнего юбилея Санкт-Петербургской епархии

В сентябре 1992 года С.-Петербургская епархия, учрежденная 1/14 сентября 1742 года, отметила свое 250-летие. За прошедшие два с половиной века она достигла полноты церковной жизни и вошла в число самых значительных епархий в России. В начале XX века Петербургская Митрополия насчитывала 6 мужских и 9 женских монастырей, среди которых была основанная Петром Великим в 1710 году знаменитая Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, более 300 приходов с 770-ю храмами. Строившиеся при Высочайшем содействии Российских Императоров храмы Петербургской епархии отличались особым великолепием и изысканностью убранства. Епархия богата своими святыми и святынями, подвизавшимися и прославившимися в ее пределах. Небесными заступниками Петербурга являются: св. б.

Перенесение мощей препп. Зосимы, Савватия и Германа Соловецких. Молебен у Святых врат Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры.

Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн открывает торжественный акт, посвященный 250-летию юбилею С.-Петербургской епархии.

кн. Александр Невский, блаженная Ксения Петербургская (1988), св. прав. Иоанн Кронштадтский (1990).

Во время революционной катастрофы в России епархия, имевшая важное значение для Русской Православной Церкви, явилась центром многих печальных событий, происходивших в этот период. В годы гонений на церковь, когда повсюду закрывались храмы и монастыри, шли массовые расстрелы и ссылки православного духовенства и мирян, миру был явлен целый сонм исповедников веры Христовой, новых мучеников Российских, чья жизнь была связана с Петербургом, это уже прославленные: священномученик Вениамин Митрополит Петроградский и иже с ним убиенные сщмч. архимандрит Сергей и мученики Юрий и Иоанн (†1922), преподобномученица великая княгиня Елисавета (†1918) и иные, чье прославление во святых еще грядет.

После долгих лет гонений, гласных и негласных, год 1000-летия Крещения Руси, 1988-й стал отсчетом с начала оживления, а затем и возрождения духовной жизни и епархии. В краткий срок в Петербурге Промыслом Божиим были явлены и вновь обретены мощи великих православных святых: св. Александра Невского (1989), препп. Зосимы, Савватия и Германа Соловецких (1990), препп. Серафима Саровского (1991) и свят. Иосафа Белгородского (1991). Епархии возвращены более ста храмов и несколько монастырей, ныне ведутся большие работы по восстановлению этих разрушенных и оскверненных православных святынь.

Юбилейные торжества, посвященные 250-летию С.-Петербургской епархии, открылись в праздник Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы Божественной литургией и молебном в церкви Владимирской Божией Матери на Владимирской площади. Свершил их в сослужении клириков храма и участников научной конференции, приуроченной к юбилею, Митрополит С.-Петербургский и Ладужский Иоанн.

Днем в актовом зале С.-Петербургских Духовных академии и семинарии под председательством прот. Владимира Мустафина начала работу научная конференция, посвященная 250-летию епархии. Заседания конференции проходили по секциям: церковно-

исторической, библейско-богословской и религиозно-философской тематики. Открыл конференцию Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн, в работе ее принял участие Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай.

На заседании церковно-исторической секции вечером 8-го и утром 9-го сентября с докладами выступили представители С.-Петербургских Духовных школ А. А. Бовкало и А. К. Галкин («Священномученик Митрополит Вениамин Петроградский. Новые материалы к житию»), «Блаженная Ксения Петербургская» (А. А. Бовкало) и «Из истории Важинского прихода» (А. К. Галкин). В докладах принимавших участие в конференциях научных сотрудников петербургских исторических архивов осязались вопросы истории и собственности С.-Петербургской епархии в XVIII—XX вв. по материалам фондов соответствующих исторических архивов (Е. А. Агафонова, РГИА; Н. Е. Ершова, ЦГИА; Н. С. Крылов, РГИА; И. В. Полтавская, РГИА) и духовной жизни епархии в начале XX века (И. В. Иванова, ЦГИА СПб; Н. Г. Жукова, ЦГИА СПб). Докладчик М. В. Шкаровский (ЦГА СПб) осветил неизвестные факты из жизни приходов на временно оккупированной территории епархии в 1941—44 гг. и о преодолении в это же время церковных расколов в епархии. Вечером 8 сентября в актовом зале состоялся просмотр документального кинофильма «Смертью смерть поправ».

На заседании библейско-богословской секции были сделаны следующие выступления: «Экзегетический метод проф. И. Н. Голубовского» — архим. Ианнуарий (Ивлиев), СПбДАиС, «С.-Петербург — библейская столица России» — В. И. Логачев (Библейский центр Синодальной комиссии); «Проблема библейских первопредков славян в восточно-европейской культурно-исторической мысли XVI—XVII вв.» — А. С. Мыльников (Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук), «Петербургский церковный архитектор Шурупов и зарубежная церковная православная архитектура». В работе религиозно-философской секции приняли участие В. А. Асеев (Петербургский Государственный университет): «Проблема единства науки и религии», В. П. Бранский (Петербургский Государственный университет): «Научный метод постижения истины», Г. М. Ефимов: «Вера и взаимопонимание», В. А. Купрей (1 Медицинский институт), прот. Владимир Мустафин (СПБДА).

Вечером этого же дня в здании С.-Петербургских Духовных академии и семинарии состоялся торжественный акт, посвященный 250-летию епархии. Открыл его Высокопреосвященнейший Митрополит С.-Петербургский и Ладужский Иоанн докладом «Краткая история С.-Петербургской епархии», в котором он подробно освятил состояние духовной жизни на Невских берегах за прошедшие 250 лет, как в эпоху «блистательного Санкт-Петербурга», так и в дни красного террора и гонений от безбожников. Касаясь того, что ныне делается для духовного возрождения в Петербурге и области, Владыка рассказал об организации при С.-Петербургской епархии Православной гимназии, о епархиальных курсах катехизаторов и псаломщиков, преобразованных в этом году в Епархиальное Духовное училище, о действующих в городе православных братствах.

Их Высокопреосвященства осматривают выставку по истории С.-Петербургской епархии в здании Петербургских Духовных школ.

Владыку Иоанна и всех собравшихся поздравили с юбилеем и выступили с краткими приветствиями: Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, прот. Дмитрий Григорьев (Американская Православная автокефальная Церковь), представитель Армянской Церкви, Митрополит Иоанн поблагодарил выступивших за теплые слова поздравления и участие в епархиальных торжествах. В перерыве перед началом концерта духовной музыки — участники торжеств ознакомились с выставкой фотографий и документов по истории епархии из собраний петербургских архивов.

В концерте духовной музыки приняли участие: детский хор Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры (регент Наталия Ерошенко), хор Спасо-Преображенского собора (регент диакон Георгий Волотковский) и хор духовенства С.-Петербургской Митрополии (руководитель — регент Свято-Троицкого собора Лавры протодиакон Павел Герасимов). Кратким словом торжественный акт завершил Митрополит Иоанн. Вечером в актовом зале С.-Петербургских Духовных школ состоялся просмотр кинофильма о Митрополите Мануиле (Лемешевском).

10 сентября, в четверг, в С.-Петербург прибыл Святейший Патриарх Московский и всея Руси

Алексий. Вечером сего дня Святейший свершил всюнощное бдение в Иоанновском женском монастыре на Карповке.

Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн свершил **10 сентября** всюнощное бдение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе, а на следующий день в том же храме — Божественную литургию.

Утром, **11 сентября** Святейший Патриарх Алексий совершил полное освящение храма во имя сщмч. Вениамина Митрополита Петроградского в исправительно-трудовой колонии в поселке Металлострой. Храм этот был заложен Святейшим в бытность его Митрополитом Ленинградским и Новгородским в 1990 году и выстроен на средства заключенных ими самими. Иконостас для храма был исполнен в иконописном классе Петербургских Духовных школ. По освящении церкви Патриарх Алексий свершил в ней первую Божественную литургию.

Вечером, в канун празднования перенесения в Петербург мощей св. Александра Невского в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры Патриарх Московский и всея Руси Алексий в сослужении Митрополитов: С.-Петербургского и Ладожского Иоанна, Смоленского и Калининградского Кирилла, Нижегородского и Арзамасского Николая и епископа Истринского Арсения в соборном сослужении духовенства С.-Петербургской епархии свершил всюнощное бдение, а в самый праздник, **12 сентября** Божественную литургию в этом же храме, после чего был отслужен молебен святому благоверному князю и вокруг храма совершен торжественный крестный ход с его св. мощами.

Днем юбилейные торжества завершились праздничным приемом в гостинице «Прибалтийская» с участием Святейшего Патриарха Алексия, Высокопреосвященнейшего Митрополита Иоанна, прибывших на торжество архиереев, клира и служащих С.-Петербургской епархии, гостей праздника. Святейший поздравил собравшихся с 250-летним юбилеем Митрополии, перед собравшимися выступили: Митрополит Иоанн, прот. Дмитрий Григорьев (Американская Православная Церковь), представители городских властей. Духовные песнопения исполнил детский хор Свято-Троицкого собора Лавры. Всем присутствующим были вручены памятные подарки по случаю юбилея. Завершился вечер возглашением многолетия всем, разделившим торжество.

РГИА — Российский Государственный исторический архив.

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив.

ЦГИА СПб — Центральный Государственный исторический архив С.-Петербурга.

ЦГА СПб — Центральный Государственный архив С.-Петербурга.

СПбДАиС — С.-Петербургская Духовная Академия и Семинария.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Иоанн Дамаскин

Слово против отвергающих святыне иконы

I. У лукавого и виновника зла змия, то есть диавола, есть обычай многообразно воевать против по образу Божию созданного человека и чрез козни причинять ему смерть. Ибо тотчас в начале он внушил ему надежду и страсть к обожествлению и чрез это низвел его в состояние смерти, подобно бессловесным. Не только же это, но и часто прельщал его постыдными и неразумными удовольствиями. Какое же расстояние между обожествлением и неразумною страстью! Иногда он вовлекал его в безбожие, как говорит богоотец Давид: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог» (Пс. 13, 1), иногда — в многобожие; иногда убеждал не поклоняться Богу по естеству, иногда же заставлял поклоняться демонам, а затем: небу и земле, солнцу и луне и звездам и остальной твари. Ибо одинаково худо и достойным почтения не воздавать надлежащей чести и презренным уделять не принадлежащую им славу. Истина же, которая идет средним путем, отрицает все это, как неразумное, и учит исповедывать единого Бога, едино естество в трех ипостасях — Отце и Сыне и Святом Духе; зло же называет не сущностью, но случайным — будет ли это какая-нибудь мысль, или слово, или дело, несогласные с законом Божиим, осуществляющиеся чрез мышление, речь и дело и вместе с прекращением их исчезающие. Затем же объявляет и единого из Святой Троицы — Христа — имеющим два естества и едину ипостась. Но враг истины и враждебный человеческому спасению демон, соблазнявший часто делать изображения нечестивых людей, и пернатых, и зверей, и пресмыкающихся и поклоняться им как богам не только язычников, но и **сынов** Израилевых, теперь старается возмутить наслаждающуюся миром Церковь Христову, приправляя чрез неправедные уста и коварство языка зло божественными словами, пытаясь прикрыть ими его безобразный и мрачный вид и отвлечь сердца неутвержденных от истинного и преданного Отцами обычая.

II. Ибо восстали некоторые говорящие, что не должно изображать и выставлять для созерцания, и прославления, и удивления, и соревнования спасительные чудеса и страдания Христа и подвиги святых в борьбе с диаволом. И кто имеющий божественное ведение и духовный смысл не признает, что это — кознь диавола? Ибо он не хочет обнаружить свое поражение и стыд, не хочет изображения славы Бога и святых его. Ибо если бы мы сделали изображение невидимого Бога, то существенно погрешили бы, потому что не может быть изображено бестелесное и не имеющее образа, и невидимое, и неопишное. И опять, если бы то, что сделали, мы считали бы за богов и поклонялись как богам, то действительно поступили бы нечестиво; но ничего подобного мы не делаем. Ибо ввиду того,

что Бог воплотился, и *явился на землю* во плоти и *с человеки поживе*, принявши по неизреченной благодати и естество, и объем, и вид, и цвет плоти, мы не погрешаем, делая его изображение, так как желаем созерцать его черты. Ибо, как говорит божественный апостол, «видим ныне, якоже зеркалом в гадании» (*Кор. 13, 12*). Икона же и есть *зерцало и гадание*, приспособленное к грубости нашего тела, ибо ум при всем старании не может отрешиться от условий телесного, говорит божественный Григорий Богослов.

III. Прочь, завистливый диавол! Ты завидуешь тому, что мы видим образ нашего Владыки и освящаемся чрез него; видим его спасительные страдания, удивляемся его снисхождению, созерцая его чудеса; познаем и прославляем силу его Божества. Ты завидуешь святым ради данной им от Бога чести. Ты не хочешь видеть, как мы изображаем их славу и делаемся ревнителями их мужества и веры; не выносишь происходящей для нас из веры в них телесной и духовной пользы. Не повинуюемся тебе, завистливый и человеконенавистный демон. Слушайте, народы, колена, языки, мужи, жены, дети, старцы, юноши и младенцы, святой народ христианский! Если кто благовестит вам кроме того, что приняла святая Кафолическая Церковь от апостолов, Отцов и Соборов и сохранила до сего времени, не слушайте его и не примите совета змия, как приняла Ева и вкусила за это смерть. И если ангел или царь благовестит вам кроме того, что вы приняли, закройте уши. Ибо я медлю пока сказать, как сказал божественный апостол: «Анафема да будет» (*Гал. 1, 8*), ожидая исправления.

IV. Но не исследующие смысла Писания говорят, что Бог сказал чрез законодателя Моисея: «Не сотвори всякого подобия, елика на небеси и елика на земли» (*Исх. 20, 4*); и чрез пророка Давида: «Да постыдятся вси кланяющиеся истуканным, хвалящиеся о идолах своих» (*Пс. 96, 7*), и многое подобное. Ибо, чтобы они ни привели из божественного Писания и святых Отцов, это имеет один и тот же смысл.

Что же мы скажем на это? Что иное, кроме сказанного Господом: «Испытайте писаний (*Ин. 5, 39*)? Ибо прекрасное дело — исследование Писаний; здесь же будьте внимательны. Невозможно, возлюбленные, Богу солгать: един же есть Бог, един законодатель Ветхого и Нового Завета, «многочастне и многообразне древле глаголавый отцем во пророцех» (*Евр. 1, 1*) и в последние времена — в едином Сыне своем. Обратите же внимание на это — не мое это слово. Дух Святой чрез апостола Павла сказал «многочастне и многообразне древле Бог глаголавый отцем во пророцех». Видишь, Бог говорил *многочастне и многообразне*. Ибо как опытный врач не всегда и не одно и то же дает всем, но каждому дает соответствующее и полезное лекарство, принимая в соображение и страну, и болезнь, и время, или срок, и положение, и возраст: одно — младенцу, взрослому же, соответственно его возрасту, — другое; одно — больному и другое — выздоравливающему; и каждому из больных — не одно и то же, но сообразно с положением и болезнью; и одно — летом, а другое — зимою, глубокой осенью и весною; и в каждом месте — по свойству места; так

и всеблагый Врач душ еще младенцам и страдающим болезнью идолослужения, считающим идолов за богов и поклоняющимся им как богам, отвергающим поклонение Богу и воздающим славу его твари, воспретил делать изображения. Ибо невозможно изобразить Бога — бестелесного, невидимого, нематериального, не имеющего фигуры, неопишемого и необъятного. Как изобразить то, чего не видели? «Бога никтоже виде нигдеже: едиnorodный Сын, сый в лоне Отчи, Той исповеда» (*Ин. 1, 18*); и «Не бо узрит человек лице Мое, и жив будет» (*Исх. 33, 20*), — сказал Бог.

V. А что идолам они поклонялись как богам — в доказательство этого послушай, что говорит Писание в *Исходе сынов Израилевых* о том, как Моисей взшел на гору Синай и замедлил там, принимая от Бога закон, как невежественный народ приступил к Аарону, служителю Божию, говоря: «Сотвори нам боги, иже пойдут пред нами: Моисей бо, сей человек, не вемы, что бысть ему» (*Исх. 32, 1*). Затем, снявши украшения со своих женщин, они сделали литое изображение, пели и пили, опьянели от вина и заблуждения, и начали играть, говоря в неразумии: «Сии бози твои, Израилю» (*Исх. 32, 9*). Видишь, они идолов считали богами, ибо они не сделали изображения Зевса или того, или другого, но отдали оказавшееся у них золото на устройство какого-нибудь идола; и было сделано изображение головы быка. Таким образом литые изображения они считали богами и поклонялись как богам тем, которые были жилищем демонов. И что они *служили твари, паче Творца*, об этом говорит божественный апостол: «Измениша славу нетленного Бога и подобие образа тленна человека, и птиц, и четвероногих, и гад; и послужиша твари, паче Творца» (*Рим. 1, 22, 25*). Ради этого запретил Бог делать всякое подобие.

VI. Знаю не ложно Сказавшего: «Господь Бог твой, Господь един есть» (*Втор. 6, 4*); и: «Господа Бога твоего да убоишися и Тому единому послужиши» (*Втор. 6, 13*); и: «Да не будут тебе бози инии, разве Мене» (*Исх. 20, 3*); и: «Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу» (*Исх. 20, 4*); и: «Да постыдятся вся кланяющиеся истуканным» (*Пс. 96, 7*); и: «Бози, иже небесе и земли не сотвориша, да погибнут» (*Иер. 10, 11*). И многое подобное «древле Бог глаголавый отцем во пророцех в последок дней глагола нам в едином Сыне своем Сыне, им же и веки сотвори» (*Евр. 1, 1—2*). знаю сказавшего: «Се же есть живот вечный, да знает Тебе единого Бога, и Его же послал еси Иисуса Христа» (*Ин. 17, 3*), и верую во единого Бога, единое начало всего, безначального, несозданного, неподверженного гибели и бессмертного, вечно-го и постоянного, непостижимого, бестелесного, невидимого, неопишемого, не имеющего формы: единую *пресущественную сущность, пребожественное* Божество, в трех ипостасях: Отце и Сыне и Святом Духе; и ему одному служу, и ему одному совершаю поклонение служения. Поклоняюсь единому Богу, единому Божеству. Но и Троице ипостасей служу. Богу Отцу и Богу Сыну воплощенному и Богу Святому Духу — не трем богам, но единому, не разделенным ипостасям, но соединенным; не три поклонения совершаю, но одно: не каждой из

ипостасей в отдельности совершаю поклонение, но вместе трем ипостасям, как единому Богу. Не поклоняюсь *твари, паче Творца*, но поклоняюсь Творцу, созданному по мне и сошедшему к твари без унижения и повреждения себя, чтобы прославить мое естество. Вместе с Царем и Богом поклоняюсь багрянице тела — не как одежде и не как четвертому лицу; нет, но как соединенной с Богом и пребывающей без изменения, как и Помазавший ее. Ибо естество плоти не сделалось Божеством, но как Слово стало плотию непреложно, оставаясь тем, чем оно было, так и плоть стала Словом, не потерявши того, что она имеет, отождествившись же со Словом по ипостаси. Почему с уверенностью изображаю невидимое Божество, изображаю, но изображаю виденную плоть Бога. Ибо если душу изобразить невозможно, то насколько же более Бога и душе давшего свойство нематериальности.

VII. Но, говорят, Бог сказал чрез Моисея законодателя: «Господу Богу твоему поклонись, и Тому единому послужиши»; и: «Не сотвори всякого подобия, елика на небеси и елика на земли».

Братия, существенно заблуждаются не знающие, что «писмя убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3, 3), не исследующие под буквою скрытый дух. Им справедливо было бы сказать: научивший вас этому пусть научит и следующему. Научись как изъясняет это законодатель, следующим как бы образом говоря во Второзаконии: «И глагола Господь к вам из среды огня: глас словес Его вы слышасте и образа не видесте, токмо глас» (Втор. 4, 12); и спустя немного: «И снабдите души своя зело, яко не видесте всякого подобия в день, вонже глагола Господь к вам в Хорив из среды огня; не беззаконуйте, и не сотворите себе самим подобия ваянна, всякого образа подобия мужеска пола или женска; и подобия всякого скота, иже есть на земли, подобия всякия птицы пернатая» (Втор. 4, 15—17) и проч.; и немного далее: «Да не когда воззрев на небо, и, видев солнце, и луну, и звезды, и всю красоту небесную, прельстився, поклонись им и послужили им» (Втор. 4, 19). Видишь ли, что одна цель: чтобы не служить твари, паче Творца, и не совершать ей служебное поклонение, но только одному Творцу, почему повсюду и присоединяет к поклонению служение. Ибо опять говорит: «Да не будут тебе бози инии, разве Мене» (Исх. 20, 3); «Да не сотворивши себе кумира, ни всякого подобия, да не поклонись им, ниже послужиши им, яко Аз есмь Господь Бог ваш» (Втор. 5, 8—9); и опять: «Да раскопаете требища их, и сокрушите столпы их, и дубравы их ссечете, и ваяние богов их сожжете огнем» (Втор. 12, 3), ибо вы не будете поклоняться иному Богу; и спустя немного: «И богов слиянных да не сотвориши себе» (Исх. 34, 17). Видишь, что из-за идолослужения запрещает иконописание и потому, что невозможно изобразить Бога, не имеющего количества, неопишемого и невидимого, ибо, говорит, его *образа не видесте* (Втор. 4, 12), подобно тому, как и Павел, стоя в середине Ареопага, говорит: «Род убо суще Божий, не должни есмы непщевати подобно быти Божество злату или серебру, или камению художне начертану, и смышлению человеку» (Деян. 17, 29).

VIII. У иудеев ради склонности к идолопоклонству было узаконено это. Мы же, которым, говоря с Богословом, как избегшим суеверного заблуждения и познавшим истину, дано быть с Богом, и служить единому Богу, и обогатиться совершенством богопознания, достигнуть в *мужа совершенна* (Еф. 4, 13), — мы не находимся уже под детоводителем (Гал. 3, 25), так как пережили детство, получивши от Бога способность различения и зная, что можно изобразить и что неопишимо образом. Ибо «закон пестун нам бысть во Христа, да от веры оправдимся» (Гал. 3, 24). «Егда бехом млади, под стихиями бехом мира порабощени» (Гал. 4, 25). «Пришедшей же вере, уже не под пестуном есмы» (Гал. 3, 25). Его *образа*, говорит, *не видесте* (Втор. 4, 12). О мудрость законодателя! Как изобразить невидимое? Как уподобить неподобное? Как описать не имеющее количества и величины, неограниченное и не имеющее вида? Как изобразить красками бестелесное? Как обозначить не имеющее формы? Итак, что здесь таинственного показывается? Очевидно, что нельзя тебе теперь изобразить невидимого Бога: когда же увидишь Бестелесного, ради тебя сделавшегося человеком, то тогда сделаешь изображение его человеческого образа. Когда Невидимый делается видимым во плоти, тогда изобразишь подобие Виденного. Когда не имеющий количества и величины и несравненный ввиду превосходства своей природы, сущий во образе Божием, принявши зрак раба, смирится в нем до количества и величины и облечется в телесный образ, тогда начертай его на доске и возложи для созерцания Того, Который допустил, чтобы Его видели. Начертай неизреченное Его снисхождение, рождение от Девы, крещение во Иордане, преображение на Фаворе, страдания, доставляющие бесстрашие, чудеса, символы Его божественной природы, совершаемые чрез действие плоти, спасительный гроб Избавителя, восшествие на небеса — все пиши и словом, и красками, в книгах и на досках.

IX. «Не сотвори себе,— говорит,— кумира, ни всякого подобия». Между тем как Бог повелел это, они, говорит, «сотвориша завесу (дверем) скинии свидения от синеты, и багряницы, и червленицы спрядены, и виссона сканого, дело швенно херувимы... И сотвори очистилище над кивотом от злата чиста и два херувима» (Исх. 37, 6—7). Что ты делаешь Моисей? Говоришь «не сотвори себе кумира, ни всякого подобия», а сам приготавливаешь завесу с вытканными херувимами и двух херувимов из чистого золота? Но послушай, как основательно возразит тебе служитель Божий Моисей: «О слепые и глупые, поймите силу сказанного и тщательно сохраняйте души ваши. Я сказал: «Яко не видесте подобия в день, в онже глагола Господь к вам в горе Хорив из среды огня, никогда *не беззаконуйте и не сотворите себе самим подобия ваянна, всякого образа; и богов слиянных да не сотвориши себе*». Я не сказал: «Не сделай изображения херувимов, как рабов, предстоящих очистилищу», но: «да не сотвориши себе богов слиянных»; и: «не сотвори всякого подобия как богов и не послужи твари, паче Творца». Итак, я не сделал ни подобия Бога, ни подобия другого кого-нибудь в качестве Бога, ни подобия человека (ибо естество человеческое поработилось

греху) и не послужил твари, паче Создавшего. Устроил же образ всей твари — скинию по образу, показанному мне на горе, и херувимов, осеняющих очистилище, как предстоящих Богу. Видишь, как разумно испытующим открылась цель Писания. Ибо должно знать, возлюбленные, что во всяком деле должно искать истину и ложь и цель действующего, хороша ли она или худа. И в Евангелии описаны и Бог, и ангел, и человек, и земля, и вода, и огонь, и воздух, и солнце, и луна, и свет, и тьма, и сатана, и демоны, и змеи, и скорпионы, и жизнь, и смерть, и ад, и добродетели, и пороки, и все прекрасное и худое. Но вместе с тем, так как все сказанное о них истинно, а целью является слава Бога, и наше спасение, и слава прославляемых Им святых, и срам диавола и демонов его, то мы поклоняемся, обнимаем, лобызаем и приветствуем Его и глазами, и устами, и сердцем. Подобным образом — и весь Ветхий и Новый Завет, и слова святых, и знаменитых Отцов.

Гнусного же и постыдного и нечистого писания проклятых манихеев, выдуманного во славу диавола и демонов его и на погибель душ, мы гнушаемся и отвергаем, хотя бы оно заключало в себе те же самые имена. Таким образом и в деле об иконах нужно исследовать истину и цель того, что совершается. И если цель их истинная и правильная и они служат к славе Бога и святых его, к ревности в добродетели, и избежанию зла и спасению душ, то нужно принимать их и почитать как изображения, и подражания, и подобия, и книги для неграмотных, и напоминание и поклоняться им, и лобызать, и приветствовать очами и устами и сердцем как подобие Воплотившегося Бога или Его матери, или святых общников страдания и славы Христовой, победителей и низложителей диавола и демонов и обмана их. Если же кто осмелится сделать изображение нематериального и бестелесного Божества, то мы отвергаем это как ложь. И если кто осмелится сделать во славу, честь и поклонение диавола или демонов, то мы гнушаемся ижигаем это огнем. И если кто боготворит изображение людей, или скотов, или пернатых, или пресмыкающихся, или какой-нибудь другой твари, то это мы анафематствуем. Ибо как святые и храмы демонов разрушали святые Отцы и на место их воздвигали храмы во имя Бога и святых, которые почитаем и мы, так уничтожали они и изображения демонов и вместо них воздвигали иконы Христа и Его Матери и святых; и мы чтим их. В Ветхом Завете Израиль ни храмов не воздвигал во имя людей, ни памяти не праздновал, ибо человеческая природа была еще под проклятием и смерть была наказанием, почему ее и оплакивали; и прикоснувшийся к телу умершего считался нечистым. Ныне же, с того времени, как Божество неслиянно соединилось с нашей природой, как некое животворящее и спасительное лекарство, существенно прославилась наша природа и преложилась в нетление, почему и храмы святым воздвигаются, и иконы пишутся.

Х. Итак, пусть знает всякий человек, что приступающий к уничтожению иконы, существующей во славу и воспоминание Христа, или Его Матери святой Богородицы, или кого-нибудь из святых, и к стыду диавола, и поражению его и его демонов, и из божественной любви и ревности; не поклоняю-

щийся, и не почитающий, и не лобызающий с любовью изображенного, как честную икону, а не как Бога, есть враг Христа и святой Богородицы и святых, защитник же диавола и демонов его, на деле показывающий печаль о том, что Бог и святые его почитаются, диавол же посрамляется. Ибо иконы есть триумф, и объявление, и надпись в память победы отличившихся и одержавших верх и стыда побежденных и низверженных. Я часто видел любящих, которые, видя платье любимого, приветствовали платье, как самого любимого, и глазами, и устами. Ибо нужно, по святому апостолу Павлу, воздавать всем должное: «ему же честь, честь» (Рим. 13, 7); «Аще царю, яко преобладающе; аще ли же князем, яко от него посланным» (1 Пет. 2, 13—14) — каждому по мере достоинства.

XI. Где ты найдешь в Ветхом Завете или в Евангелии ясно наименование *Троицы*, или *единосущный*, или *единой природы Божества*, или буквально: *три ипостаси*, или *одна ипостась Христа*, или буквально: *два естества*. Но так как на основании равнозначущих выражений, находящихся в Писании, святые Отцы определили это, то мы принимаем и не принимающих анафематствуем. Я же доказываю тебе, что в Ветхом Завете Бог повелел делать изображения, прежде всего скинию и все находящееся в ней. И в Евангелиях сам Господь спросившим Его с искусительной целью: «Достойно ли есть дати кинсон кесареви?» — сказал: «Положите ми златницу кинсонную». И они показали Ему динарий. И сказал им: «Воздадите убо кесарева кесареви, и Божия — Богови» (Мф. 22, 17—22). Что имеет изображение кесаря, принадлежит, кесарю и отдайте; а что имеет изображение Христа, воздайте Христу, ибо оно Христово.

XII. Господь, ублажая учеников, сказал: «Мнози пророцы и царие восхотеша видети, яже вы видите, и не видеша; и слышати, яже слышите, и не слышаша. Ваша же блаженна очеса, яко видят; и уши ваши, яко слышат» (Лк. 10, 24; Мф. 13, 16). Итак, апостолы телесными очами видели Христа, и страдания и чудеса Его, и слышали его слова. Желаем и мы видеть и слышать и быть ублаженными. Те видели *лицом к лицу*, когда Он присутствовал телесно; мы же, когда Он телесно не присутствует, как бы слушаем, благодаря книгам, Его слова, и освящаем слух и чрез него душу, и ублажаемся, и поклоняемся, почитая книги, благодаря которым слушаем слово Его, так и чрез изображение на иконах созерцаем черты телесного образа, чудес и страданий Его, и освящаемся, и удовлетворяемся, и радуемся, и ублажаемся, и благоговеем, и почитаем, и поклоняемся Его телесному образу, созерцая же телесный Его образ, мы, думаем, насколько возможно, и о славе Божества Его. Ибо, так как мы двойные, составленные из души и тела, и душа наша не нага, но как бы покрыта завесою, для нас невозможно, помимо телесного посредства, достигнуть мысленного. Итак, как благодаря чувственным словам мы слышим телесными ушами, а думаем о духовном, так и чрез телесное созерцание восходим к духовному созерцанию. Так как человек имеет тело и душу, то поэтому и Христос принял тело и душу. Поэтому и крещение двойное: водою и духом; и общение, и молитва,

и псалмопение — все двойное, телесное и духовное; подобно этому — светильники и фимиам.

XIII. Но оставивши все, диавол устремился против одних икон. И его ненависть к иконам так велика, что об этом в Луге святого Софрония, Патриарха Иерусалимского, написано следующим образом: «Авва Феодор Эллиот говорил, что был некто отшельник на Масличной Горе, подвижник. Очень же воевал с ним демон блуда. И вот однажды, когда он очень напал на него, начал старец горевать и говорить демону: «Долго ли еще ты не отступишь от меня? Отстань от меня. До старости ты со мною». Тогда демон является ему видимо и говорит: «Поклянись мне, что никому не скажешь того, что скажу тебе, и больше я не буду воевать с тобой». И старец поклялся ему: «Клянусь Всевышним, что не скажу никому о том, что ты скажешь мне». Тогда говорит ему демон: «Не поклоняйся этой иконе — и я не буду воевать с тобой». На иконе же было изображение Владычицы нашей святой Богородицы Марии, носящей Господа нашего Иисуса Христа». Посмотри, кому подражают препятствующие поклоняться иконам и чьи они орудия; ибо демон блуда предпочел, чтобы старец лучше не поклонялся иконе, чем впал в нечистоту блуда, так как знал, что этот грех тяжелее блуда.

XIV. Но так как у нас речь идет относительно *икон* и *поклонения*, то разделим речь об этом на две части и скажем, во-первых, *что такое образ?* Во-вторых, *для чего сделан образ?* В-третьих, *какое различие образов?* В-четвертых, *что можно и чего нельзя изображать?* В-пятых, *кто первый сделал образы?*

XV. Также и *о поклонении*: во-первых, *что есть поклонение?* Во-вторых, *какие виды поклонения?* В-третьих, *чему, по Писанию, можно поклоняться?* В-четвертых, о том, что *всякое поклонение совершается чрез по естеству поклоняемого Бога*. В-пятых, о том, *честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу*.

XVI. *Во-первых, что такое образ?* Итак, образ есть подобие, и пример, и изображение чего-нибудь, показывающее то, что на нем изображено. Не во всем же совершенно подобен образ первообразу, то есть изображенному, но одно есть образ, а другое — изображенное, и различие их совершенно ясно, хотя и то, и другое представляют одно и то же. Скажу пример. Изображение человека хотя и представляет фигуру тела, однако не имеет душевных сил, ибо оно не живет, не рассуждает, не говорит, не чувствует, не двигает членами. И сын, будучи естественным образом отца, имеет нечто отличное от него, ибо он есть сын, а не отец.

XVII. *Во-вторых, для чего существует образ?* Всякий образ есть откровение и показание скрытого. Скажу пример. Так как человек не имеет ни ясного знания невидимого ввиду, того, что его душа находится под покровом тела, ни того, что будет после него, ни того, что совершается на расстоянии и местном отдалении, так как он ограничен условиями места и времени, то для путеводительства к знанию, для откровения и обнародования скрытого и выдуман образ. Именно же: к пользе, в благодеяние и спасение, чтобы мы распознавали скрытое в известных

и прославляемых делах; и хорошего желали бы и ревновали, противоположного же, то есть худого, отвращались и ненавидели.

XVIII. *В-третьих, какое различие образов?* Различие образов таково: *первый образ — естественный*.

В каждой же вещи должно быть, во-первых, то, что по природе; а затем то, что по положению и подражанию. Так, человек необходимо существует, во-первых, по своей природе и потом по положению чрез подражание. Первый естественный и неизменный образ невидимого Бога есть Сын Отца, показывающий в себе Отца. Ибо «Бога нигдеже виде нигдеже» (Ин. 1, 18). И опять: «Не яко Отца видел есть кто» (Ин. 6, 46). А что Сын есть образ Отца, — об этом говорит апостол: «Иже есть образ Бога невидимого» (Кол. 1, 15); и: «Иже сый сияние славы и образ ипостаси Его» (Евр. 1, 3). И что Он в себе показывает Отца, — об этом читаем в Евангелии от Иоанна; в ответ на слова Филиппа «покажи нам Отца и довлеет нам» (Ин. 14, 8). Господь говорит: «Толико время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе: видевый Мене — виде Отца» (Ин. 14, 9). Сын есть естественный, неизменный образ Отца, во всем Подобный Отцу, кроме нерожденности и отчества. Ибо Отец — Нерожденный Родитель. Сын же — рожденный и не Отец. И Дух Святой — образ Сына, ибо «никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1 Кор. 12, 3). Итак, мы познаем Христа Сына Божия и Бога чрез Святого Духа и в Сыне созерцаем Отца, ибо по природе слово есть вестник ума и обнаружение духа. Так же неизменен и образ Сына — Дух Святой, имеющий различие в одном только исхождении, ибо Сын — рожденный, но не исходящий. И сын каждого отца есть естественный образ. И это будет первый вид образа — естественный.

XIX. *Второй вид образа есть мысль в Боге* о том, что Он создает, то есть предвечный Его совет, остающийся всегда себе равным, ибо Божество неизменно и безначален Его совет, в котором как решено прежде веков, так в predetermined им время и исполнится. Ибо образы и примеры того, что будет сделано Им, это — мысль о каждом из этих предметов, и они называются у святого Дионисия предопределениями, так как в совете Его начертано и изображено то, что предопределено и несомненно исполнится прежде своего бытия.

XX. *Третий вид образа есть созданный Богом по подражанию, то есть человек*. Ибо каким образом созданный будет той же самой природы, как и несозданный? Не иначе как по подражанию, ибо как Ум — Отец, Слово — Сын и Дух Святой — един Бог, так ум, слово и дух — един человек. Он подобен Богу также и по свободе и власти повелевать, ибо Бог говорит: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию»; и тотчас прибавил: «И да обладает рыбами морскими и птицами небесными» (Быт. 1, 26); и опять: «И обладайте рыбами морскими и птицами небесными, и всею землею, и господствуйте ей» (Быт. 1, 28).

XXI. *Четвертый вид образа* бывает тогда, когда на картине представлены виды и формы и очертания невидимого и бестелесного, изображенные телесно

Икона Божией Матери «Троеручица».

ради слабости нашего понимания как Бога, так и ангелов, так как мы не можем созерцать бестелесное без соответствующих нам образов, как говорит великий в божественных вещах Дионисий Ареопагит. Ибо в одном только: в приспособлении к нам, не могущим непосредственно возвыситься до разумных созерцаний и нуждающимся в соответственных и понятых посредствах, можно указать основание того, что по справедливости приписываются образы не имеющим образа и формы — не имеющим формы. Итак, если, заботясь о соответствии нам, божественное Слово, отовсюду доставляя то, что нас возвышает, приписывает и простым и не имеющим образа предметам некоторые образы, то как нам не изображать того, что уподобилось видом нашей собственной природе, чего сильно желаем, но чего нельзя видеть, так как его нет налицо? Говорит же Григорий Богослов, что ум, несмотря на большое старание отрешиться от телесного, совершенно неспособен на это; но и «невидимая Бога *от создания мира творенми помышляема видима суть*» (Рим. 1, 20). Видим же в тварях образы, тускло показывающие нам божественные откровения, когда, например, говорим, что Святая безначальная Троица изображается чрез солнце, свет и луч; или чрез бьющий ключом источник, текущий поток и русло; или чрез ум, слово и дух, которые в нас; или чрез растение, цвет и запах розы.

XXII. *Пятым видом образа считается предызображающий и предначертывающий будущее*, как купина, и роса на руне, и жезл и стамна — Деву и Богородицу; и как змий — Того, Который уничтожил чрез крест

укушение зла — змия; или море, вода и облако — дух крещения.

XXIII. *Шестой вид образа* тот, который служит для *воспоминания о прошедшем*: или чуда, или добродетели, к прославлению, почитанию и обозначению победивших и отличившихся в добродетели; или — зла, к позору и стыду порочнейших мужей, и, наконец, к пользе смотрящих — чтобы мы избегали зла, ревновали же о добродетелях. Изображение же это бывает двоякое: чрез слово, написанное в книгах, ибо письменна изображают слово, как Бог начертал закон на скрижалях и приказал записать жизнь боголюбивых мужей; и чрез чувственное созерцание, как, например, он повелел положить в ковчеге для вечного напоминания стамну и жезл и приказал вырезать имена колен на камнях, которые были на плечах (первосвященника). Не только же это, но повелел и двенадцать камней поднять из Иордана во образ священников — о таинство, воистину величайшее для верных — во образ священников, несущих ковчег, и оскудения воды. Таким образом и ныне мы с любовью пишем изображения поживших добродетельно мужей к соревнованию и воспоминанию о них с нашей стороны. Следовательно, или уничтожь всякое изображение и издай закон, противный тому, который приказал, чтобы они были, или всякое прими с приличествующим каждому основанием и характером.

XXIV. *Четвертая глава: что можно изображать и чего нельзя изображать? И как изображать?* Естественно изображаются тела и фигуры, имеющие телесное очертание и окраску. Ангел же, душа и демон изображаются и описываются, хотя они не имеют тела и объема, сообразно своей природе. Ибо, по вере, они, будучи существами мысленными, мысленно присутствуют и действуют в мысленных местах. Итак, они изображаются телесно — как Моисей изобразил херувимов и как их видели достойные люди, но так, что телесный образ показывает некоторое бестелесное и мысленное созерцание. Одна же только божественная природа неопишима и совершенно не имеет вида и формы и необъятна. И если божественное Писание, как нам кажется, приписывает Богу телесные формы, то, хотя образы эти были созерцаемы, однако они бестелесны, ибо пророки и те, которым они открывались, созерцали их не телесными очами, но мысленными; видели же их не все. Просто же сказать, мы можем делать изображения всех образов, которые видели. Мыслим же о них так, как они были видимы. Ибо если иногда мы и переходим от слов к познанию образов, то только тех, которые видели, так и во всяком ощущении: от того, что мы обоняли, вкусили, осязали, мы чрез слова переходим к их познанию.

XXV. Итак, мы знаем, что невозможно видеть естество ни Бога, ни души, ни демона, но при некотором изменении вида созерцаются и они, так как божественное Промышление приписывает фигуры и формы бестелесным и не имеющим фигуры и телесного вида в руководство нам и для поверхностного и частичного познания их, чтобы мы не были в совершенном неведении о Боге и бестелесных тварях. Ибо Бог по естеству совершенно бестелесен; ангел же и душа и демон, сравниваемые с Богом, единым не сравнимы, суть тела; сравниваемые же с материаль-

ными телами — бестелесны. Итак, Бог, не желая, чтобы мы совершенно не знали о бестелесных, облек их соответственными нашей природе фигурами, видами и образами, при посредстве которых они созерцаются нематериальным оком ума. И мы представляем и изображаем их. Ибо каким образом могли бы быть представлены и изображены херувимы? В писании же упоминаются фигуры и изображение самого Бога.

XXVI. Кто первый сделал образ? Сам Бог первый родил Единородного Сына и Слово свое, Свой живой и естественный Образ, неизменное отражение своей вечности. Он создал и человека *по образу* своему и *по подобию*. И Адам видел Бога и слышал звук его ног, когда Он ходил вечером и скрылся в Раю. И Иаков видел и боролся с Богом. Ясно же, что Бог явился ему в виде человека. И Моисей видел как бы задняя человека; и Исаия видел Его как Человека, сидящим на престоле. И Даниил видел подобие человека и как бы Сына Человеческого, дошедшего к *Ветхому деню*. И не естество Бога видел каждый из них, но фигуру и изображение Того, Который имел намерение явиться. Ибо Сын — невидимое Слово Божие — намеревался сделаться истинным человеком, чтобы быть соединенным с нашим естеством и видимым на земле. Итак, все поклонились, видя фигуру и изображение Грядущего, как говорит апостол Павел в Послании к евреям: «По вере умроша сии вси, не приемше обетований, но издалече видевше я и целовавше» (Евр. 11, 13). Итак, неужели мне не делать изображения виденного мною в плотском естестве? Неужели не поклоняться и не почитать Его поклонением и почитанием, воздаваемым Его иконе? Авраам видел не естество Бога — ибо Бога «никтоже виде нигдеже», (Ис. 1, 18) — но образ Бога, и падши поклонился. Иисус Навин видел не естество ангела, но образ — ибо естество ангела нельзя видеть телесными очами — и, падши, поклонился. Подобно и Даниил. Ангел же — не Бог, но тварь, и раб Божий, и предстатель. Поклонился же не как Богу, но как предстателю и служителю Бога. Неужели и мне не делать изображения друзей Христовых и не поклоняться им не как богам, но как изображениям друзей Божиих? Ибо ни Иисус, ни Даниил не поклонились виденным ангелам как богам. И я не поклоняюсь иконе как Богу, но чрез икону и святой Богородицы и святых воздаю поклонение и честь Богу, ради которого уважаю и воздаю знаки почтения и друзьям Его. Не с ангельским естеством человеческим. Не сделался Бог ангелом, но сделался Бог естественным и истинным человеком. «Не от ангел бо воистинну приемлет, но от семени Авраамова приемлет» (Евр. 2, 16). Не ангельское естество сделалось Сыном Божиим по ипостаси, но человеческое естество сделалось Сыном Божиим по ипостаси. Ангелы не участвовали и не стали общниками божественного естества, но только действия и благодати. Из людей же участвуют и становятся общниками божественного естества те, которые перенимают святое Тело Христово и пьют Его Кровь. Ибо то и другая соединены с Божеством по ипостаси, и в принимаемом ими Теле Христовом две природы неразрывно соединены по ипостаси; и мы причащаемся двух естеств: тела — телесно, а Божества — духовно; скорее же обоих — обоими способами; мы не

отождествляемся ипостасно — ибо с начала существуем ипостасно и тогда соединяемся — но чрез смешение плоти и крови. И разве не больше ангелов те, которые чрез соблюдение заповедей сохраняют это единение чистым? Естество наше, умаленное *малым чин* от ангелов, чрез смерть и грубость тела, чрез благоволение и соединение с Богом сделалось больше ангельского, ибо ангелы предстоят Ему, сидящему во Христе на престоле славы, со страхом и трепетом и будут со страхом предстоять на суде, но Писание не говорит о них как о сидящих вместе (со Христом) и общниках божественной славы, ибо «не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение» (Евр. 1, 14); не говорит, ни что они будут соцарствовать, ни что сопротивляться, ни что будут сидеть у трапезы Отца. Святые же суть сыны Божии, сыны царствия, наследники Бога и сонаследники Христа. Итак, почитаю святых и сопрославляю рабов и друзей и сонаследников Христа: рабов — по природе, друзей — по избранию, и сынов и наследников — по божественной благодати, как Господь говорит к Отцу.

Итак, сказавши *об иконе*, скажем и *о поклонении*, и, во-первых, *что есть поклонение?*

XXVII. Поклонение есть знак благоговения, то есть умаления и смирения; видов же поклонения весьма много.

XXVIII. Первый вид поклонения есть поклонение *служебное*, которое совершаем единому по естеству поклоняемому Богу. И оно имеет различные виды: во-первых, рабское поклонение, ибо все твари поклоняются ему, как рабы — господину, «яко всяческая, — говорит, — работна Тебе» (Пс. 118, 91); и одни — добровольно, другие же — неволью, одни, зная, добровольно поклоняются, каковы святые; знающие же и не желающие — поклоняются неволью, каковы демоны; другие же, не зная Бога по естеству, неволью поклоняются тому, которого не знают.

XXIX. *Второй вид — поклонение из удивления и любви*, которым мы поклоняемся Богу ради естественной славы Его. Ибо Он — Единственный Славный, Имеющий славу не от кого-нибудь, но Сам Виновник всякой славы и всякого блага: Непостижимый Свет, Несравненная Сладость, Неизъяснимая Красота, Бездна Благодати, Неисследимая Мудрость, Беспредельная Сила, Единый Достойный Сам по себе удивления, поклонения, прославления и любви.

XXX. *Третий вид — поклонение благодарения* за оказанные нам благодеяния, ибо все существующее должно благодарить Бога и совершать беспрестанно поклонение, потому что все имеет от Него бытие и в Нем состоится, и всем подаются обильно и без просьбы Его дары. И Он желает, чтобы все спаслись и имели участие в Его благодати: долго терпит, когда мы согрешаем, и заставляет солнце всходить над праведными и неправедными, и дождит на злых и на благих. Должно, наконец, благодарить Бога за то, что Сын Божий ради нас стал подобным нам и сделал нас общниками божественного естества; за то, что мы «подобни Ему будем» (1 Ис. 3, 2).

XXXI. *Четвертый вид — поклонение при нужде* (в благах) *и в надежде* на благодеяния. В этом случае, признавая, что без Него мы не можем делать

ничего или иметь какое-либо благо, мы поклоняемся, прося от Него то, в чем каждый чувствует нужду и что любит: или освобождения от зла, или о получении блага.

XXXII. *Пятый вид — поклонение покаяния и исповедания*, ибо, согрешая, мы поклоняемся и припадаем к Богу, умоляя, подобно благоразумным рабам, простить нам проступки. И этот вид — троякий, ибо каждый печалится или из любви, или из страха лишиться благодеяний Божиих, или из страха наказаний. И первый вид происходит из благородства и любви к самому Богу и из сыновнего расположения; второй — наемнический; третий же — рабский.

XXXIII. *Что мы находим на основании Писания достойным поклонения и какими способами совершаем поклонение твари?* Во-первых, мы поклоняемся тем, в которых почивает Бог, Единый Святой и во святых Почивающий, как, например, во святой Богородице, и всех святых. Эти, насколько возможно, уподобились Богу, благодаря своему произволению и вселению и содействию Бога. Они по справедливости называются и Богами — не по естеству, но по положению, подобно тому, как раскаленное железо называют огнем — не по природе, но по положению и по участию в огне; ибо говорит: «Святы будете, яко Аз свят есмь» (*Лев. 19, 2*). Это — произвольное.

Затем, всякому избирающему добро Бог содействует в достижении добра: «Вселюсь, — говорит, — в них и похожду» (*2 Кор. 6, 16; Лев. 26, 12*); и: «Храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас» (*1 Кор. 3, 16*). Далее: «Дате им власть на дусех нечистых, яко да изгонят их, и целити всяк недуг и всяку болезнь» (*Мф. 10, 1*); и: «Яже Аз творю, и той сотворит, и больше сих сотворит» (*Ин. 14, 12*).

Потом: «Живу Аз, говорит Господь, зане токмо прославляющыя Мя прославлю» (*1 Цар. 2, 30*); и: «Понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся» (*Рим. 8, 17*). Также: «Бог ста в сонм богов, посреде же боги рассудит» (*Пс. 81, 1*). Посему подобно тому, как они — воистину боги не по естеству, но как причастники того, который есть Бог по естеству, так и поклонения они заслуживают не по естеству, но потому, что имеют в себе Поклоняемого по естеству; подобно тому как раскаленное железо не по естеству недоступно прикосновению и жгуче, но по участию в том, что жгуче по естеству. Итак, им совершается поклонение как прославленным Богом, как тем, которые стали при помощи Божией страшными врагам и благодетелями приступающим с верою — но не как богам и благодетелям по естеству, но как рабам и служителям Божиим, за любовь к Нему получившим дерзновение. Мы поклоняемся им, так как царю приятно видеть, что совершается поклонение его любимому слуге — не как царю, но как верному служителю и расположенному другу. Приступающие к ним с верою получают и просимое, так как или слуга просит этого у Царя, или Царь усволяет себе почтение и веру ищущего у его слуги — ибо ради него он просил.

Так исцелялись приступающие чрез апостолов; так тень, платки и полотенца апостолов источали исцеления. Те же, которые, как мятежники и отступники, желают, чтобы им поклонялись как богам, недостойны поклонения, но достойны вечного огня.

И те, которые презрительно и по надменности ума не поклоняются слугам Божиим, осуждаются, как гордые и высокомерные, как оскорбляющие Бога.

И свидетельством этого являются дети, дерзко поносившие Елисея и ставшие пищею для медведей.

XXXIV. *Второй вид* — когда мы поклоняемся ***тварным вещам***, чрез которые и в которых Бог совершил наше спасение или до пришествия Господа, или после его домостроительства во плоти, как, например, гора Синай, Назарет, Вифлеемские ясли, пещера, святая Голгофа, древо-креста, гвозди, губка, трость, священное и спасительное копье, одежда, хитон, плащаница, пелены, святой гроб — источник нашего воскресения, камень гробный, святая гора Сион, затем гора масличная, овчие ворота, блаженный Гефсиманский сад; это и подобное чту и поклоняюсь; чту и всякий святой храм Божий и всякое место, в котором произносится имя Божие, — не ради их естества, конечно, но потому, что они вместилище божественного действия и чрез них в них благоволил Бог совершать наше спасение, ибо я почитаю и поклоняюсь ангелам, и людям, и всякой материи, участвующей в божественном действии и послужившей моему спасению ради божественного действия. Я не поклоняюсь иудеям, потому что они не участники божественного действия и не для цели моего спасения распяли Господа славы, Бога моего, скорее же — побуждаемые завистью и ненавистью к Богу и Благодетелю. «Господи, — говорит Давид, — возлюбил еси благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея»; и: «Поклонимся на месте, идеже стоясе ноze Его» (*Пс. 131, 7*); также: «Поклоняйтеся в горе святой Его» (*Пс. 98, 9*). Святая одушевленная гора Божия есть святая Богородица. Разумные горы Божии — апостолы. «Горы възграшася, яко овни; и холми, яко агнцы овчии» (*Пс. 113, 4*).

XXXV. *Третий вид* бывает, когда мы поклоняемся ***тому, что посвящено Богу***; разумею святые Евангелия и остальные книги: «Писана же быша в научение наше: в них же концы век достигоша» (*1 Кор. 1, 11*); также блюда, чаши, кадьницы, светильники и трапезы, потому что известно, что все это предметы, достойные почтения, ибо смотри, как Бог разрушил царство Валтасара, когда он приказал народу пользоваться священной утварью.

XXXVI. *Четвертый вид* — когда поклоняются ***образам, виденным пророками***, — ибо они в образах видели Бога — и образам будущего, как жезл Ааронов, изображающий тайну Девы, и стамна и трапеза. И Иаков поклонился ***на верх жезла***, который был образом Спасителя. Образы же прошедшего существуют в напоминание. Самая же скиния есть образ всего мира; ибо смотри, говорит (Бог) Моисею, образ, показанный тебе на горе; и золотые херувимы — изваянные, и херувимы на завесе — тканые. Также поклоняемся честному образу креста, подобию телесной фигуры Бога моего и Родившей Его по плоти и всех Его рабов.

XXXVII. *Пятый вид* — когда поклоняемся друг другу, как имеющим удел в Боге и созданным по образу Божию, — поклоняемся друг другу, смиряясь и исполняя закон любви.

XXXVIII. Шестой вид — поклонение началам и властям. Ибо (Писание) говорит: «Воздадите убо всем должная: ему же честь, честь» (Рим. 13, 7), подобно тому, как Иаков поклонился Исаву как первородному брату, а фараону как поставленному Богом начальнику.

XXXIX. Седьмой вид — когда рабы поклоняются **господам и благодетелям**, а нуждающиеся — тем, в которых они нуждались, как Авраам поклонился сынам Еммора, когда купил двойную пещеру.

XL. И просто сказать, поклонение есть знак страха, любви, почтения, благоговения и смирения. Но никому не должно поклоняться как Богу, кроме единого Бога по естеству; должно же всем воздавать должное ради Господа.

XLl. Смотрите, какая крепость и какая божественная сила дается приступающим к иконам святых с верою и чистою совестью. Посему, братия, станем на скале веры и на церковном предании, не изменяя пределов, которые положили святые Отцы наши, не давая места желающим вводить новое и разрушать строение святой Кафолической и Апостольской Церкви Божией; ибо если дать свободу всякому желающему, то понемногу будет разрушено все тело Церкви. Братия, христолюбивые чада Церкви, не позорьте мать вашу, не уничтожайте ее украшения, примите ее, говорящую мною. Научитесь, что говорит о ней Бог: «Вся добра еси, ближняя моя, и порока несть в тебе» (Песн. 4, 7). Поклонимся и послужим одному только Творцу и Создателю мира Богу, как Поклоняемому по естеству. Поклонимся и святой Богородице — не как Богу, но как Матери Бога по плоти. Затем поклонимся и святым как избранным друзьям Божиим и получившим дерзновение к Нему. Ибо если люди поклоняются царям (часто развращенным, нечестивым и грешным) и поставленным ими начальникам и их изображениям, по божественному изречению апостола: «Начальствующим и владеющим покоряйтесь» (Тит. 3, 1); и: «Воздадите убо всем должная: ему же честь, честь;

и ему же страх, страх» (Рим. 13, 7); и потом: «Воздадите кесарева кесареви,— как говорит Господь,— Божия Богови» (Мф. 22, 21); то насколько же более нужно поклоняться Царю царствующих, как Единому по естеству Господствующему, и рабам, и друзьям Его, как воцарившимся над страстями и поставленными начальниками над всею землею, как говорит Давид: «Поставиши я князи по всей земли» (Пс. 44, 17), получившим власть над демонами и болезнями, совоцарившимся со Христом в царстве нетленном и несокрушимом, одна тень которых прогоняла болезни и демонов? Не будем считать икону слабее и ниже тени, ибо она воистину живописует первообраз.

Братия, достоинство христианина — в вере. Поэтому приходящий с верою получает большую пользу: «Сумняйся же уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеаему» (Иак. 1, 6); такой не получит ничего. Ибо все святые благоугодили Богу чрез веру.

Итак, примем церковное предание в простоте сердца, а не со многими рассуждениями, ибо «Сотвори Бог человека правого, и сии взыскаша помыслов многих» (Еккл. 7, 30). Не допустим учиться новой вере, так как она осуждает предание святых Отцов, ибо говорит божественный апостол: «Аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет» (Гал. 1, 9). Итак, мы поклоняемся иконам, совершая поклонение не материи, но чрез них Тем, Которые на них изображены, ибо честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу, как говорит божественный Василий.

XLII. Вас же, священнейшее стадо Христово, христоименный народ, народ святой, тело церковное, да исполнит Христос радости Своего воскресения и да удостоит следовать по следам святых пастырей и Учителей Церкви и да ведет к славе Своей во светлостях святых, которой да достигнем благодатию Его, вечно прославляя Его вместе с безначальным Отцом, Которому слава во веки веков. Аминь.

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

В.В. Антонов

ИЕГОВИСТЫ И ИХ СЕКТА

В вашей квартире раздаётся звонок и приятный женский или мужской голос просит, во имя Христа, открыть дверь. Если Вы, не боясь налетчиков, сделаете это, то перед Вами чаще всего предстанет иеговист, т. е. член секты «Свидетели Иеговы», которая, наряду с другими подобными еретическими организациями, очень быстро распространяется в нашей стране. Едва войдя, подчеркнуто вежливый иеговист (или иеговистка), одетый тщательно-чисто, по моде американских клерков, начинает сразу вас «обрабатывать», делая это довольно назойливо и напористо. Под видом проповеди о Христе Вам четко и кратко излагается вся иеговистская «премудрость», сопровождаемая набором цитат из Священного Писания и обличением грехов современного мира.

Если вы заслушались или проявили какой-то интерес, то вам вручается пропагандистская брошюрка, журнал «Башня стражи» и обещается новое посещение в самом скором времени. В своем блокноте вербовщик, называемый «брат-пионер», делает деловую пометку, что с данным человеком следует продолжить работу. После нескольких посещений и «задушевных» бесед завербованного приглашают на собрание местной общины, где, некоторое время спустя, из бывшего атеиста заканчивается формирование ревностного и активного сектанта, неколебимо убежденного в своей непогрешимой правоте и повсюду пропагандирующего идеи своей воинствующей антихристианской секты.

Именно благодаря необычайной активности и напору, опирающихся на чисто американскую деловитость и организованность, секта «Свидетелей Иеговы» достигла в послевоенное время довольно впечатляющих успехов. Число ее членов во всем мире постоянно растет: в 1916 году иеговистов было всего 25 тысяч, в 1942 — 160 тысяч, 1964 — 625 тысяч, 1991 — 3 млн.

Хотя еще и сегодня секта главный свой центр имеет в США — в Бруклине, районе Нью-Йорка, и там же — больше всего сторонников, после последней мировой войны она сильно преуспела в Европе (особенно в Германии) и в Азии — что, несомненно,

связано с мировой экспансией американской культуры и образа жизни — и приобрела всемирный характер.

В Россию иеговисты проникли из Европы после первой мировой войны и утвердились поначалу в Западной Украине и Белоруссии, находившихся тогда под польской властью. Центром пропаганды была Лодзь — из нее миссионеры растекались по краю униатов, вербуя членов в свою секту в основном среди них. После окончательного присоединения этих западных областей к Советскому Союзу и особенно с началом «холодной войны» иеговистам пришлось довольно туго. Советская власть видела в них сугубо «американскую» секту, оттого официально запретила и беспощадно преследовала подпольные иеговистские группы.

Когда пришла перестройка, гонения постепенно прекратились, а в 1988 году с деятельности секты были сняты все ограничения, и она, благодаря обильной денежной помощи из США, развернула в нашей стране самую широкую пропаганду, кульминацией которой, безусловно, стал международный съезд иеговистов, проведенный в июне 1992 года на стотысячном стадионе им. Кирова в Петербурге, куда прибыли сектанты со всей страны и из-за рубежа. Хотя по-прежнему базой иеговистов является Западная Украина, они в последние годы заметно расширили свое присутствие, особенно на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Прибалтике и в крупных городах России. В Петербурге их община, официально зарегистрированная в мае 1992 года, насчитывает около 500 членов и скоро, ведя бешеную агитацию, будет, повидимому, одной из самых влиятельных сект, действующих в нашем городе, тем более, что доллары ныне снимают любые преграды в «демократических» органах власти.

«Свидетели Иеговы» — относительно молодая секта. Она возникла в США в 1878 году, когда Чарльз Рассел (1852—1916), сын торговца мануфактурой из Питсбурга, отделился от протестантской секты адвентистов Седьмого дня и стал издавать свой журнал «Башня стражи». В нем он писал о «благой

вести скорого установления на земле идеального райского града, о котором возвещает пророк Исайя и где не будет никакого греха». Катехизисом секты остается до сих пор «Ключ к Библии», главный труд Рассела, насчитывающий 2600 страниц. Рассел основал также мощный международный центр по изданию иеговистской литературы, который сегодня выпускает в Бруклине книги на почти 200 языках и оборудован по последнему слову техники. В Бруклине находится также крупная телерадиокомпания и институт по подготовке пропагандистов, где учатся студенты со всех концов света, в том числе из России.

Вначале секта имела название «Изучающие Библию или серьезные исследователи Библии» и только с 1931 года стала именоваться (на основе Ис. 43, 10) «Свидетели Иеговы». Это случилось при преемнике Рассела — судье Джоне Рутерфорде (1869—1942), который оставил после себя 18 толстых томов и великое множество брошюр, где излагал, толковал и дополнял лжеучение иеговистов. В 1920 году он объявил, что через пять лет на землю вернутся ожившие праотцы: Авраам, Исаак и Иаков, для встречи которых сектантами был срочно выстроен в Сан-Диего (Калифорния) пышный «Княжеский дворец», где зимой с семьей жил сам глава секты.

После смерти Рутерфорда секту возглавил Натан Норр, который и модернизировал Бруклинский центр. Во время последней войны нацисты преследовали иеговистов за их отказ от воинской службы, но на советской территории не трогали ни их, ни других сектантов, выступавших против Православной Церкви. Сегодня в своей пропаганде, для достижения определенных политических выгод, иеговисты умело используют гонения на них со стороны нацистов и коммунистов.

В секте царит очень строгая и жесткая иерархия. Во главе ее стоит президент и правление из семи человек, которых общий съезд выбирает из 40 кандидатов, подобранных путем кооптации. Дисциплина и субординация сочетаются в секте с мелочным планированием и отчетностью, шаблонность мышления и действий — с типично американской деловитостью и практичностью. Зародившись в протестантской среде, «Свидетели Иеговы» во многом восприняли ее сухой и формальный рационализм, совершенно чуждый русскому духу и мировоззрению.

Пропаганде своего лжеучения иеговисты придают огромное значение — в этом они превосходят большинство сектантов, хотя многих сильно раздражает их настырность и назойливость. В небольших группах толкованием Библии занимаются евангелизаторы, а пропагандой на местах — особые миссионеры: благовестники, пионеры и странники. Ежегодно проводятся вербовочные кампании и международные слеты на больших стадионах, сопровождаемые очень шумной рекламой, которая ведется в чисто американском стиле. Вообще, необычайно много в работе секты и ее характере отмечено штампом «сделано в США».

Для удобства своей пропаганды иеговисты именуют себя христианами, хотя в действительности права на это никакого не имеют, ибо решительно отвергают Пресвятую Троицу и признают за Бога только Бога-Отца — Иегову. «Учение о триединстве ложно и выдуманно сатаной с той целью, чтобы обесчестить имя Бога Иегова» без всякой маскировки заявляют сектанты. Христа они считают творением Иеговы, тем самым отрицая единосущность Сына Божьего, одно

из основных догматических положений всего христианства, и возвращаясь к осужденной Церковью арианской ереси. Рутерфорд писал: «Христос Иисус, первоначальное имя которого было Логос, был первым творением, а следовательно, началом творения Бога». Для него «Иисус Христос — особый Представитель Создателя», который «был посылаем для служения как особый посланник Иеговы», что самым вопиющим образом противоречит всему Евангелию.

Вот каким еретическим образом изображают сектанты дело нашего спасения Господом Иисусом Христом: «Для того, чтобы выкупить назад жизнь, равноценную той, которую Адам потерял для своих потомков, потребовалась для предъявления Богу жизнь равной ценности... Иегова распорядился, чтобы Его первородный Сын оставил духовную жизнь на небе и стал человеческим созданием... прошел человеческое рождение через женщину, родился и жил настоящим человеком... Иегова Бог на третий день воскресил Иисуса из мертвых уже в Божеском естестве, дав Ему бессмертие и нетленность... Когда Иисус воскрес из мертвых, Он не был более человеком, Он был точным образом Иеговы».

Из приведенной цитаты ясно следует, что Христос для иеговистов является лишь орудием Иеговы, Богом становится только после воскресения Иеговой и Им назначается на «должность Правителя мира». Понятно, что при подобных взглядах не может быть и речи о «христианстве» иеговистов. Они дошли до кощунства, утверждая, будто «Человек Иисус мертв, навсегда мертв», воскрес только как бессмертный дух и придет в мир снова «как прославленное духовное

существо». Искупительная жертва Христа сектой полностью отрицается, и она отмечает по еврейскому календарю 14 Нисана только как «вечерю воспоминания» смерти Христа, т. е. как некий суррогат христианской Пасхи.

Весьма материалистически видят иеговисты грядущее Царство Божье: «Царство означает обширное правительство, обладающее и осуществляющее высшую власть, господство и контроль... на благо человека». Этим царством будет управлять «невидимый» Христос при помощи воскресших праведников. Этот «Христос», оказывается, «с 1918 года сошел в храм Иеговы и произносит Свой судебный приговор об опустошении христианства. Против христианства иеговисты вообще выступают с особенной ненавистью: «Христианство имеет большое сходство с теми, кого они называют идолопоклонниками... религии мира вдохновлены демонами, включая и те учения, которые христианство заимствовало и усвоило от язычников». Их злоба к нам не останавливается перед прямым искажением Священного Писания: «Бог заявил, что Он восстанет и уничтожит, выступит и разобьет народы христианства в прах, так, что они падут и никогда больше не поднимутся», хотя любой знаток Писания помнит, что все эти пророчества относятся к иудейскому народу.

Ссылаясь на Апокалипсис 16, 12, иеговисты свое торжество и уничтожение христианства связывают с Армагеддоном, когда, по их представлениям, «армии всего мира, охваченные безумным хаосом и ужасом, покрытые мраком, ринутся друг на друга и начнется взаимное самоистребление... С окончанием битвы Армагеддона уже никогда более не будет другой войны, вечный мир воцарится на земле». В этой «битве великого дня Бога Вседержителя», которая изображается в стиле всемирной атомной войны, погибнет царство сатаны и до двух миллиардов грешников, кроме, разумеется, верных иеговистов.

«Вслед за битвой Армагеддона Бог Иегова, через Христа, даст людям время в тысячу лет, когда миром будет править Христос и когда на земле будет царить мир и благоденствие, превосходящие всякие человеческие мечтания». Однако для достижения этого благоденствия «люди должны войти в состав организации Бога, которая в св. Писании символически обозначается словом «Иерусалим», т. е. стать членами секты. В рай на небе попадут не все иеговисты, а всего лишь 144 тысячи, которые вместе с Христом и ветхозаветными судьями будут управлять народными массами, оставшимися на земле после Армагеддона. Райская жизнь на земле описывается в духе коммунистической утопии: «Не будет тогда ни богатых, ни бедных, все будут жить одинаково... Крестьяне и рабочие будут иметь полную уверенность, что у них еды будет всегда вдоволь».

Хотя иеговисты настойчиво подчеркивают новизну и оригинальность своего учения, идея 1000-летнего царства не нова, ибо заимствована из священных книг иудаизма. Со времени вавилонского плена книжники распространяли среди еврейского

рассеяния надежду, будто грядущий Мессия явится как царь-завоеватель, вернет весь народ в Палестину, где он вновь обретет былое могущество, восстановит иерусалимский храм, покорит Израилю остальные народы и, воскресив умерших патриархов, пророков и праведников, будет царствовать тысячу лет. Проникнув позднее в христианскую среду, эта надежда соединилась с предсказанием о втором пришествии Спасителя, что породило самые разнообразные секты хилиастов, ждущих наступления 1000-летнего рая на земле. У иеговистов же хилиазм приобрел лишь грубо чувственную, материалистическую окраску, понятную людям, воспитанным на идеалах как общества потребления, так и марксистской утопии.

Учение «свидетелей Иеговы» — своеобразная смесь политических и религиозных элементов, еретических, иудаистских и христианских идей. Расхождение между ним и христианством настолько велики, что их трудно перечислить. Например, иеговисты учат, что сатану Иегова создал Сам, как «осеменяющего херувима», дабы доказать его бессилие перед Богом. Будучи «херувимом», сатана «образовал невидимое «небо» или невидимую, непосредственную и господствующую власть над человеком». Этим иеговисты утверждают полное владычество дьявола в мире сем. Сатана объявляется автором учения о бессмертной душе человека, которое поэтому полностью отвергается иеговистами. При воскресении мертвых Иегова якобы создаст для оживших новую душу. Понятно, что к христианству подобная ересь не имеет никакого отношения.

Подвергая христианство самым яростным нападениям, сектанты однако ради маскировки постоянно используют христианскую терминологию в своей пропаганде. «Писание ясно указывает, что именно христианство, могучая и коварная организация дьявола, достойна большего упрека, чем любая другая власть, существовавшая прежде» и далее: «христианская иерархия есть составная часть мира сатаны» — вот что думают в действительности о нас «свидетели Иеговы», которым Иегова повелел «возвестить день гнева и отмщения Бога над организацией сатаны», т. е. нами, христианами.

Ненависть к христианству во многом объясняется тем, что в основе своей секта иеговистов опирается на талмудический иудаизм, который к христианству всегда был очень враждебен. Несмотря на обличения современного мироустройства и капиталистических порядков, основная идея иеговистов о «Новом Сионе» на земле близка планам мондиалистов, которые мечтают о мировом правительстве и новом лжемессии — Антихристе. Именно Антихриста и ждут сегодня иеговисты — эти современные жидовствующие, и этой страшной мечтой соблазняют они нестойкие и заблудшие души. Ждут они «человека греха, сына погибели» (2 Фес. 2, 3) и кровавой бойни, которой будет сопровождаться его приход. Посему долг православного христианина — повсюду разъяснять сущность этой еретической американской секты.

ПРОПОВЕДЬ

Архим. ИОАНН (Крестьянкин) Краеугольный камень жизни-Бог

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТАГО ДУХА!

«Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мф. 21, 42).

Краеугольный Камень жизни — Бог. Убери Его из фундамента, и рухнет все здание жизни.

Это — от Господа. Это закон жизни.

И история народов ветхозаветных, и история народов нового времени, и история нашей Родины свидетельствуют об этом.

Дивный рай насадил Господь-Великий Виноградарь единым мановением Своим.

Ввел Он в него человека хранить и возделывать рай сладости.

И Бог был в нем все и во всем.

Но пал человек, и вечная радость и сладость райской жизни в присутствии Божиим сменились трудами и потами земными где редкие радости смешаны с горем, и грех сторожит добро.

И грехом смерть вошла в мир.

— И отдал Господь-Великий Виноградарь виноградник жизни — землю человеку.

— И оградил Он жизнь от смерти надежной оградой — Законом Божиим и заповедями, чтобы ничто чуждое не похищало человека у Бога.

— И водрузил Господь в винограднике жизни сторожевую башню — совесть, неподкупного и неусыпаемого хранителя чистоты и правды души.

Завещал Господь человеку обладать, возделывать, растить плоды и радоваться жизни. Но и опять, как в раю когда-то, дал Господь заповедь людям — помнить, что жизнь души его, счастье души только в Боге.

Господь отдал человеку виноградник жизни, чтобы плоды ее, возвращенные им, творили спасение души человека.

Научил Господь человека, как возделывать землю виноградника, чтобы плодов его было в достатке и избытке для жизни, и научил, как возделывать и почву души своей, чтобы живой виноградник человеческий жил в мире, любви и довольстве.

Устроил все Господь и отдал в руки человека и почил от всех трудов Своих, отошел как Творец,

предав сотворенное в другие творческие руки, в руки человека.

И теперь сам человек возвращает виноградник жизни на земле, сам творит спасение души своей.

Но Господь-Домовладыка не оставил мир. Он, дав ему законы жизни, блюдет и надзирает, как живет мир. Господь готов во всякий момент оказать спасительную помощь человеку-делателю.

И Он же приходит получить и плоды трудов делателя, когда созрела жизнь.

Но что делает человек?

Как когда-то в раю он пожелал быть Богом, поспешно последуя нашептыванию врага, так и днесь он стремится строить свою «вавилонскую» башню, замышляет насадить свой виноградник, не желая возделывать Божий. И примеры живших до него поколений и разбившихся своим богоборчеством о краеугольный камень жизни — о Бога, стираются в сознании и памяти, и все начинается сначала.

Стихия зла, отравляя жизнь, развращая почву души человека, ослабляет связь человека с небом и ставит своей задачей изгнать в человеке и саму память о Боге, как о единственном Источнике жизни, о Господине души. И зло в человеческой душе, возвращенное злом мира — сатаной, ширится, растет, и человек, как продавшийся раб греха, ежедневно понукаемый злом, перестает ощущать и испытывать ежедневные промыслительные удары от Бога. Он воображает, что только он один и есть настоящий хозяин своей жизни.

Душа — моя, жизнь — моя,... способности, и силы жизни и все дарования — мои...

Я думаю... я убежден... я хочу... я делаю... все «я», «я», «я».

Все от меня и мое.

И закружилась человеческая жизнь, и Богу нет в ней места.

Но не может измениться в мире природа существующего. И изгоняя из виноградника жизни Жизнь, человек пожинает смерть, запустение и тлен.

И слышим мы слова нынешнего Евангелия:

«Что сотворит хозяин виноградника делателя лукавым и злым? — Злых зле погубит, и виноградник предаст иным делателям, иже воздадут Ему плоды во

времена своя». И эти Евангельские слова жизни сбылись в мире уже не однажды в истории разных народов. И во всей силе они явились в истории иудейского народа, отвергшего Иисуса Христа, как Мессию и Сына Божия.

Получив в наследство от Бога обетованную землю, они закружились в веселии жизни, и многие удары Промыслительной Божией руки вменяли в случайные неудачи, продолжая утверждаться в самости и себя-любивом эгоизме.

Посланцы Божии — боговдохновенные пророки, приходящие в рубищах, а не в злате, были изгоняемы, как отребье мира.

Сын Божий, пришедший открыть гибнущему народу объятия Отца Небесного, напомнить о смысле жизни, погибает от их рук.

«И схватив Его (Сына Божия), убили и выбросили вон из виноградника».

И в тот же миг кончилась жизнь. Ибо Бог изгнан.

Милость Божия отступила, давая место собственному человеческому злу. И сразу по вознесении Христа на небо стали проявляться в Израиле необыкновенные явления природы и страшные народные бедствия, и смертоносная, все живое пожирающая, война положила конец иудейскому царству.

Приведу вам для наглядности описание происходящего там из книги историка Иосифа Флавия, очевидца событий.

«Все несчастия, какие постигли народ от начала мира, были ничто сравнительно с тем, какие обрушились на иудеев. Солдаты бросались в город (а в нем собралось по случаю праздника иудейской пасхи до 2-х миллионов человек), умерщвляли без различия всех, кого только встречали, и жгли дома с их жителями. Врывались в дома для грабежа, они находили их полными трупов, умерших от голода и болезней. И, если они чувствовали некоторую жалость при виде мертвых, зато были совершенно немилосердны к живым. Город до такой степени был переполнен кровию, что во многих местах пламя пожара потухало от нее».

В это страшное время от огня, меча, болезней, голода погибло до 1,5 миллиона человек, 97 тысяч было отправлено в Рим для потехи народа в цирках, где их предавали многообразным смертям, а оставшихся в живых продавали в рабство за баснословную дешевую цену.

И вспомним на этом страшном пепелище смерти слова Сына — Бога, пришедшего спасти погибающее:

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих... и вы не захотели!»

«Се, оставляется вам дом ваш пуст». Ушел Бог, и смерть воцарилась там, где цвела жизнь.

«Пришел Господин виноградника — Бог и предал смерти виноградарей и отдал виноградник другим».

И назвал Господь новых делателей христианами — новым Израилем, чтобы они работали в Божьем винограднике, принося плоды во время свое Господу.

И вот уже 20 столетий возделывается новый сад жизни, где все от Бога, все Им, и все к Нему. А камень жизни — Христос Бог, Которого убили прежние делатели, стал во главу угла, и это краеугольный Камень в основании данного нам нового виноградника — основатель нашей Православной Церкви, которую никакие силы ада одолеть

не смогут.

— И закон Божий — Святое Евангелие — новая ограда.

— И новое точило виноградника — благодатные Таинства Христовой Церкви возрождают, освящают и укрепляют силы делателей.

— И Столп и утверждение Истины в центре виноградника — Святая Православная Церковь, храм Божий, где ежедневно приносится бескровная жертва за грехи людей, и Святые Христовы Тайны ходатайствуют вечную жизнь делателям виноградника Христова.

— И по-прежнему совесть человеческая — сторожевая башня всяческой чистоты.

Но почему мы, Новый Израиль, опять теперь ощущаем на себе дыхание гнева Божия? Стихийные бедствия сменяют одно другое: то солнце яростно прожигает виноградник жизни, то проливные дожди обещают голод, то опустошительные пожары и землетрясения несут смерть живущим. И неслыханные доселе болезни поражают само начало жизни — младенцев.

А лохматое, страшное зло разгуливает свободно, вламываясь в жизнь, и руками человека — делателя сеет разрушение и смерть. И человек становится изощреннее беса во зле.

Да все те бедствия и скорби, которые переносит наша родина ныне, некогда Православная Русь, — это ведь явные признаки, что в нашем винограднике, в нашей жизни явились злые делатели, которые глумятся над верой, богохульствуют, попирают святыню, отвергают духовную власть пастырей, которые сами себе голова, угождая во всем своим капризам и запанибрата относясь к начальствующим. Нарушают таинство брака, законность власти. Не будучи призваны к учительству, они проповедуют свое измышленное лжеучение вопреки учению Церкви.

И обещанное Господом зло приходит на злых делателей.

Оглянемся же на себя, заглянем в виноградник своей души, ведь каждому из нас вручен Господом свой сад, свой виноградник, плоды которого получают тоже должное возмездие.

Есть ли в нашем винограднике Бог, есть ли в нем делание по Богу? Будет ли нам что приносить Господу, сказав Ему: «Вот Твоя от Твоих, Господи!»

Не трудится ли и наша душа уже в одной упряжке со злыми делателями?

И вдруг ничего Божьего не найдется и в нас. Вдруг окажется, что при внешнем подобии православной жизни внутреннее в лучшем случае — наша самость, а то и откровенно вражье.

И, дорогие мои, со всей ответственностью священника я говорю вам — именно об этом свидетельствуют сейчас бедствия жизни нашей. Даже большинство тех, кто находится в ограде Церкви, холодным расчетливым умом исповедуя Бога, не приникли к Нему любовью сердца своего, оставляя сердце в плену страстей и похотей своих, отдавая его не небу, но земле всецело.

И, оставаясь внешне верующим, мы жизнью своей подобились поваленным гробам, которые рассыпаются в прах при первом касании к ним и малейшего искушения и испытания.

Но вернемся к сегодняшней притче относительно нашей души, нашего виноградника, данного каждому

из нас Богом. Ведь многие из здесь присутствующих будут возражать, не признавая своей ответственности за Божий виноградник Православной Руси.

Но стоит ли возражать?

Если всмотреться в себя, в свою душу, то ясно увидим, что и наша немалая лепта есть в делах злых делателей, и мы далеко ушли от Бога. И притча показывает нам те этапы духовного пути подавления в себе света Божьего, которые оканчиваются полным и сознательным отрывом от Бога и смертью души.

Притча рассказывает, как хозяин виноградника, хозяин душ наших, Бог, посылает слуг Своих за плодами души. Он посылает Ангелов Своих, Ангелов — Хранителей наших, голос которых постоянно звучит в душе нашей, они возбуждают голос совести нашей, и мы часто слышим в ответ на свои поступки и мысли: «Не так живешь, исправься...» И это воздействие Ангела Божия — слуги промыслительного попечения о нас Самого Бога — звучит в наиболее благоприятные моменты жизни человека, когда душа легче всего откликается на Божественное промыслительное напоминание.

Но мы сначала просто отмахиваемся от этих неприятных нам напоминаний.

Нам некогда заняться этим делом — подумать о добром, осмыслить наши поступки и слова в свете Божественной Истины, у нас свое дело, более для нас важное в настоящий момент.

И добро, и сама мысль о добре становятся для нас чужды. Истина прогоняется из души ни с чем. А голос совести постепенно слабеет.

И это первый этап истребления Бога в душе. И с него начинается болезнь души.

Учащающееся отмахивание души от зова Божьего переходит в ожесточение душ. Упреки совести начинают раздражать нас.

И в этом состоянии человек, раздражаясь на все святое, на все Божие, переходит в нападение на него.

И по слову притчи человек, с ожесточением набрасываясь на то, что было святым, что возглавляло его жизнь, «камнями» — грубыми тяжелыми ударами, исходящими из животной природы человека, разбивает то нежное и великое, что жило в глубине души и освещало жизнь. Упиваясь сладостью порока, он перестает видеть бездну, разверзающуюся под его ногами. И человек с цинизмом топчет святыню, бесчестит ее, как будто сила зла, уже возросшая в человеке, боится этой святыни.

И после этого душа опускается на следующую ступень своего истребления. Святое совсем не допускается в душу. Зов совести прекратился. Погас свет, и в человеке воцарилось и хозяйничает животное, звериное, плотское. И это время полного духовного закаменения. И в притче звучит: «И опять много послал: и того убили».

И вот в душе, освободившейся от сторожевой башни — совести, разворачивается бесшабашный, неудержимый разгул зла.

Зло воцарилось в человеке и должно удовлетворять себя. А человек становится жалким послушным рабом зла.

И в угаре этого кружения человек уже не замечает тьмы вокруг себя, разложения и смрада и стремительно летит к пропасти, к гибели конечной.

И звучит притча:

«И многих других, то били, то убивали».

И вот наступает последний этап — гибель.

Но гибели непременно предшествует последнее и сильнейшее воздействие на душу человеческую Промысла Божия.

Последний раз открывает Господь душе Свои объятия, открывает, что ради нее, ради человеческой души, дал Господь земле все лучшее и даже единственного Сына Своего, и что любовь Бога — Сына к падшему человеку способна покрыть все преступления человека.

И вот в этот последний призыв Божией любви к человеку, душа, утопающая в грехе, совершает последний акт своего падения — она убивает в себе Бога.

И последним натиском разнузданного ума и грязного сердца, объявляется, что Бога нет, что жизнь человека Богу не подотчетна, и Бог выкидывается из мысли и сознания.

«И схвативши его (Сына-Бога), убили и выбросили вон из виноградника».

И теперь зло воцарилось в душе безраздельно и властно. И со злом воцаряются тьма, разложение, гибель, смерть...

Нет Бога — и жизни в винограднике нет.

Снято ограждение — Закон Божий, повалена сторожевая башня — совесть, запустело, замусорилось и загнило точило — добрые дела, рождаемые Божией благодатью.

И в бывшем саду души царит смерть.

Зло подточило питательные корни, страсти засушили зелень, и повеяло дыханием гнили — плода не жди!

Виноградник души вытопан пороком и засох. А с гибелью души блекнут в человеке и естественные способности, блекнет разрушенный ум. Жалкая бессильная одряхлевшая воля пресмыкается по земле. Смерть, единственная, только довершит дело. Страшна картина гибели души, смерти всего живого.

Но именно поэтому и оставил нам Господь притчу сию, чтобы могли мы избежать смерти, чтобы не запустел, не погиб виноградник наших душ. Ведь именно, с гибели души человека начинается гибель целого народа, начинается гибель мира.

И потому, что мы переживаем сейчас, явствует, что и наши души больны, и что все меньше в мире живых Божиих душ, а значит все ближе к нам час, когда «придет Господь и предаст смерти злых виноградарей».

И закончил Господь притчу словами ветхозаветного писания.

Они обращены и к нам. Запомните их крепко. Они — и общий вывод притчи.

«Неужели вы не читали сего в Писании? Зачем же вы забыли Откровенную Истину, что камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла».

Так не забудем, дорогие мои, что краеугольный Камень жизни — Бог.

Поспешим же делать дела Божии, пока есть еще время, пока еще время собирания плодов!

Отдадим Богу спелые грозди добрых дел наших для Бога, ради Бога и во славу Божию, связывая на каждый час свое своеволие и самость, страшась участи отвергнутых Богом, да не отыметя и от нас Царствие Божие.

«Призри с небес Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, его же насади десница Твоя». Аминь.

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Прот. Михаил Чельцов

ВОСПОМИНАНИЯ «СМЕРТНИКА»

(окончание)

Самыми приятными, страстно ожидаемыми днями на Шпалерке были понедельник и пятница – дни получения передач. Нетерпеливо они ожидались не ради получения пищи, но из ожидания получить весточку о своих дорогих: о их настроении, о переживании ими горя и что-либо, хотя между строк, прочитав и о своей судьбе: не известно там чего-либо, не напишут ли о сем... Думаешь, гадаешь, что тебе могут написать и что хотелось бы прочитав в их письмах. Часа за три-пять, бывало, начинаешь трепетно поджидать, когда щелкнет ключ в двери и тебя позовут к отделенному надзирателю за передачей. Обдумаешь, как читать письмо, откуда его чтение начинать: с начала ли, где идет перечень посылаемых вещей, или со середины, где что-либо сообщалось о семье. Особенно эти обдумывания были важны по истечении двух недель сидения в ДПЗ, и вот почему.

В течение первых двух недель еще не ожидалось никаких определенных вестей из Москвы. Затем – в эти же недели я получил точные сведения об Аниной поездке в Москву (о чем речь ниже) и ее результатах. Поэтому и в дальнейшем хотелось знать наверное и подробнее, что и как решено о нас в Москве. А письма семейных в первой, самой длинной и обстоятельной своей части, меня не удовлетворяли. В ней подробно перечислялось, что и в каком количестве пересылалось мне из провизии. Проверить полученное по списку письма никогда не удавалось. Вся провизия передавалась не в семейной упаковке, а в развернутой, разрезанной, смятой, набросанной в какую-то неопределенную кучу, где сахар лбызался с селедкой, булки не брезговали соседством, и притом самым близким, с киселем и т. п. Да и не

давали времени просмотреть получаемое, побуждая скорее взять и унести из комнаты отделенного, где провизия выдавалась, все так, как было проверкой все набросано. Дадут записочку препроводительную к передаче со многими пометками и заставляют здесь же в комнате ее прочитав, да все торопят, чтобы поскорее читал, забирал свою поклажу и убирался в свою камеру.

Начинаешь читать письмо в нервном настроении, и в такой тяжелой обстановке в глазах замелькает перечень присланного. Пропустить его боишься из опасения, как бы в нем не было вкраплено от семейных чего-либо интересного и важного для меня, вкраплено с целью замаскировать сообщение перечнем провизии. И только глазами перейдешь к тем строкам – паре, другой, кои в конце письма уцелели от карандаша и ножниц тюремной цензуры, как письмо берут из рук и тебя выпроваживают. Бывали случаи, когда и маленькой записочки не удавалось прочитав до конца. А между тем, хотелось и не раз, а 20 раз прочитав каждую фразу, вдуматься в каждое слово, найти в нем какой-то скрытый смысл и содержание. Думалось, что, при известной семейной строгости тюремной цензуры и при невозможности отсюда для них писать открыто и явно, они между строк или иносказательно и метафорически сообщают мне, что нужно в письме найти, понять и раскрыть. Поэтому хотелось все слова и фразы письма запомнить, заучить даже самое расположение не только слов в фразах, но и порядок фраз самих в письме.

Понятно отсюда, почему, бывало, приходилось заранее обдумывать, откуда и как начинать читать письмо, чтобы важнейшему в нем уделить большее

время и не досаждать сильно, если не успеется все прочитать. Впоследствии я решил начинать чтение письма со середины его, где по показанию глаз кончался перечень. Но, помнится, ни разу не выполнил этого решения. Возьмешь в руки письмо, в глазах зарябит, разволнуешься, внимание охватится волнением, мысль разбегается и... мало в голове остаётся от прочитанного. Придешь в камеру, начнешь воспроизводить дорогое-важное, что как будто бы прочел в письме и ничего определённого не установишь и не выяснишь: как будто бы вот это прочитал как будто этого там понять нельзя. Хочешь вспомнить фразу или отдельное слово, и тут ничего не выходит. и тяжело-тяжело станет на душе от того, что ничего определённого из письма не вынес, не получил.

И снова начинаешь обсуждать, с чего и как тебе в следующий раз начинать чтение письма.

Получение писем от семейных — это самое отрадное и веселящее в тюрьме. Я не знаю положительно никого из арестантов, кто бы горячо не ждал этих писем, не читал их страстно и нервно, не хранил бы их, как большую для себя драгоценность. В них радость в тюремной жизни, чрез них — связь с миром и беседа с дорогими лицами, а в такой изоляции, какова в особом ярусе, письма — это всё. Быстро бежишь за ними, а тебе их даже в руки не дают, а предлагают читать по положенному на столе и поддерживаемому руками начальства, да ещё ежесекундно поторапливают тебя. Ещё задолго начинаешь предполагать, загадывать, что тебе напишут. Эх, думаешь, если бы тебе написали вот это или то-то. В своих загадываниях составишь содержание почти всего ожидаемого письма. И как после этого тяжело чувствовалось, когда в письме полученном прочитаешь лишь перечень присланного, а остальное в письме окажется или умело зачеркнутым или совершенно оторванным, или отрезанным.

Конечно, самым интересным в письме были хотя бы самые прикровенные сообщения о ходе нашего дела в Москве и о благополучии всех семейных. И не удержишься, бывало, от слез, когда никаких вестей об этом в письме не найдешь. Особенное значение я придавал припискам в письмах от семьи слов: «будь здоров» или «будь спокоен», или даже «мы живы и спокойны». Если, думалось, они желают мне здоровья и спокойствия, то значит, они этим самым говорят мне хранить себя, — но для чего? — только, конечно, для дальнейшей жизни; значит, им что-то известно доброе по ходу нашего дела в Москве. Если же говорят о своем спокойствии, то и это знак добрый — значит, нет у них волнений за мою жизнь. И как бывало тяжело, когда этих приписок в письмах не содержалось. Значит, думалось, дома известно что-нибудь недоброе обо мне. Тут как раз почему-то случилось, что письма два-три ко мне писались не женой (как это обычно бывало и должно было быть), но дочерью Шурой или даже мальчиком-сыном Семой. Ну, думалось, вести из Москвы определено дурные, жена слегла в постель и даже писать от горя не может. Впрочем, в Шурином письме на меня ободряюще подействовала фраза: «чаще меняй бельё». Чаще меняй, — значит, видят твою жизнь продолжающейся и в дальнейшем. Правда, пишет Шура — значит, мама больна. И тут приятное о себе соединилось с мрачным о маме и тоже, следовательно, о себе.

Кажется, о письмах семейных ко мне всё сказал. Теперь о своих письмах. Писать домой — целое событие. Заранее обдумываешь, как бы подобрать такие слова и фразы, расположить бы их в таком порядке, чтобы в самых обыденных выражениях высказать нужное, свое сокровенное, чтобы сообщения и вопросы свои, более или менее щекотливые и способные вызвать у цензуры подозрение, вкрапить в перечень предметов обратной передачи и сделать так, чтобы дома поняли, а в тюрьме пропустили. Несколько раз, бывало, в уме своем пересоставишь письмо своё.

Я с давних времён даже в научных своих работах не прибегаю к черновикам, а пишу прямо, что называется, набело. Сначала разработаю в уме свой план самый общий, потом разобью его на мелкие части и, когда не только продумаю мысли, но подберу примерно и фразы, тогда приступаю к письму. Так и в письмах из тюрьмы — по несколько раз в голове пересоставишь письмо, подбирая нужные слова, устанавливая фразы на нужном и для нахождения по назначению, и в безопасном месте... После этого звонил к надзирателю, он приносил карандаш и бумагу, и я писал записку.

Когда составлял содержание письма и писал записку, настроение в это время у меня бывало спокойное: за этой нужной работой мысли отвлекались от мрачной действительности предсмертного бытия и мною овладевало состояние покоя работающего человека. Но как начнёшь собирать бельё и посуду для отсылки домой, то как будто собираешь в дальнюю дорогу дорогих сердцу. И грустно станет на душе. Хотя обрывками, хотя и не в легко ясно сознанных фразах и понятиях, в голове начинают носиться полумысли: вот-де, вы — вещи мои — идёте домой, а я остаюсь здесь. И вы покидаете меня, и я остаюсь в ещё большем одиночестве. Этого настроения я не переживал никогда ни прежде, ни после — ни в одной тюрьме. Там была всегда надежда, что рано или поздно и я буду дома; здесь — в особом ярусе — эту надежду я боялся иметь, она мне казалась обманчивой мечтой.

Первая передача домой пошла без моего письма. Я еще до перевозки в особый ярус слышал, что на Шпалерке есть какое-то особое ужасное отделение, где, между прочим, не разрешается писать писем. Оказавшись здесь в такой строгой изоляции, с такими ужасными надзирателями, я решил, что это и есть самое строгое, суровое место. Но все-таки, готовя обратную передачу, я спросил дежурного надзирателя, можно ли при передаче послать письмо. Надзиратель, еще молодой человек, очень суровый и грозный, ответил мне, что он не знает и спросит отделенного. Через некоторое время приходит и говорит, что никакой записки писать нельзя. «Как же мои вещи пойдут? Ведь их могут перепутать с другими?! Разрешите хоть фамилию написать», — просил я. Но услышал в ответ, что «мы уже знаем, как сделать». После этого разговаривать было бесполезно. Да дня за два до этого разговора я уже получил подобный же отказ.

Я было вздумал узнать, нельзя ли послать письма домой. Пользуясь дежурством доброго надзирателя, казалось, сочувствовавшего мне, я, вызвав его звонком, спросил, можно ли написать и послать письмо домой. Он сразу и категорично ответил мне: «Ну, конечно, можно». Я попросил его принести мне

карандаш и открытку. Уходит. Через 15—20 минут возвращается и говорит, что никаких писем мне не разрешается писать. «Почему» — спрашиваю. «Вы сами знаете, к чему Вы присуждены», — оговаривает он меня. Сильно он смутил меня этим своим ответом. Ну, думаю, с жизнью все покончено, ты — живой мертвец. Прощайте, родные; прощай, работа среди людей. Едва ли увижусь с кем-либо на земле... Вот поэтому отказ передать письмо при обратной передаче мне показался самым естественным, и я просил о нем больше так, для очистки совести. Я знал, как тяжело будет семейным не получить от меня ни одного слова, мною написанного. Мне еще тяжелее было переживать воображаемое страдание родных от неизвестности обо мне. Но приходилось переживать.

Я бы и при следующей передаче не решился бы писать, если бы отделенный при получении мною от него передачи не сказал мне, что я могу писать письма домой с перечнем обратно присылаемых вещей, а о себе могу написать только, что я жив и здоров. Чем объяснить это разрешение, я не знаю. Думаю, что время свое берет и со всем примиряет. Но как легко стало на душе, когда выяснилась возможность писать письма-записочки домой. Я знал, какое успокоение они внесут в невыразимо тяжелое горе семейных. Мне захотелось послать домой уже целую открытку по почте. Я забыл или, вернее, не хотел думать, что и в открытке я большего написать не могу, чем что пишу при передаче, что если и напишу что иное, цензура тюремная вычеркнет. Мне хотелось просто писать и писать.

И вот, воспользовавшись однажды при получении передачи добрым расположением отделенного, я спросил его о возможности для меня послать домой открытку. Он ответил утвердительно и даже, как показалось мне, сочувственно ко мне отнесся. Открытка у меня была с собой в книжке Златоуста, случайно уцелевшей от обыска. Я и написал одну за другой две открытки. Написать-то разрешили, но отослать-то не отослали, хотя в письмах я так был осторожен и официально сух и короток, как только возможно.

Во всякой тюрьме, а в одиночке тем более, следят за чистотой камеры. На другое же утро по водворении в камеру я был опрошен: нет ли у меня в камере мусора. Дня через два пришел отделенный и довольно любезно приказал соблюдать чистоту. На мои слова, что у меня чисто, он пальцем указал на пыль и паутины, оставшиеся мне от моего предшественника по камере, и сказал, что нужно ежедневно мыть пол и прочее. Переслал он мне тряпку, и принялся я за мытье. Как будто я этим делом прежде никогда не занимался и не знал, как к нему приступить. Налил в чайник воды из умывального крана и обильно полил пол и стал тряпкой вытирать. Но дело не клеилось: вода по асфальтовому полу переливалась с места на место, а пол не приобретал ни чистоты, ни лоску. Это было в среду. В субботу повторил то же, но уже вышло лучше. Воды на пол не лил, а лишь мокрой тряпкой вытирал пол. Снял подрясник, засучил рукава рубашки. Но как обращаться с тряпкой? Я видывал дома Шуру (дочь), как она мыла пол, становясь на колени. Мне это показалось неудобным, я счел за более целесообразное нагнуться и в согбенном положении вытирать пол за койкой. А как быть с клозетом? Решил и его мыть. Сначала как будто

и неприятно было, но вспомнил «маму» (жену), которая едва ли не ежедневно совершала эту операцию. Принялся мыть и очищать клозет во всех его частях. И то, как оказалось впоследствии, не до всего тряпичей дошел. Дня за три до выхода моего из этой камеры зашедший ко мне надзиратель-отделенный во многих местах у клозета и вверху его нашел пыль, паутину и грязь и сделал надлежащее внушение.

Мытье пола доставляло мне возможность уйти от самого себя, забыться. Физический труд, действительно, лучшее лекарство от умственной невралгии, он успокаивает и ободряет. Каждый раз, приступая к мытью пола, я думал: ну, это — в последний раз, до следующего мытья я в этой камере не доживу. И как-то после мытья пола снова становилось тяжело. Ну, вымыл пол, чисто и свежо в комнате. А что это мытье пола не есть ли как бы обмывание самого себя как покойника? Если не с чистым телом, то от чистой камеры не уйду ли я к Господу? И начнет, бывало, фантазия работать... Пол мой недолго сохранял чистоту и свежесть: быстро от жары высыхал и снова покрывался несущейся со двора через окно пылью.

Были на Шпалерке и радости и притом неожиданные. Я уже писал, что 5 июля, уезжая из бывшей военной тюрьмы (3-го исправдома) в трибунал, я все свои вещи оставил там. Из 1-го исправдома я писал письма с просьбой переслать мне вещи, но ничего не вышло. На другой день по вселении на Шпалерку я опять задумал добыть-вернуть свои вещи. Видно, живой, в каком бы положении ни находился, все думает о жизни, как бы смерть близко ни стояла за спиной у него. Недаром чахоточные накануне явно и для них самих обозначившейся смерти своей любят мечтать о зеленой травке и строят планы на далекое будущее. Так и я. О предстоящей, возможно скорой смерти и думать не хотелось. У меня почему-то была почти уверенность, что раньше истечения двух недель со дня объявления приговора нас не казнят. В это время и нужно готовиться к смерти.

Это приготовление к смерти с первого и до последнего дня у меня распадалось на два пункта: нужно духовно к смерти себя приготовить и, во-вторых, собрать свои все вещи и устроить так, чтобы все их можно было домой отослать и ничего нужного и ценного в тюрьме не осталось. В силу этого последнего пункта я всегда волновался, когда мне из дома пересылали какую-нибудь ненужную мне вещь или нетребующуюся лишнюю пару белья. Для духовного приготовления мне нужен был молитвенник с Евангелием и запасные Св. Дары, что было оставлено в 1-м исправдоме. Что же нужно было предпринять, чтобы получить все это? Через частного письмо достать их и нечего было думать. Я вызвал надзирателя. Он посоветовал мне написать официальную записку на имя начальника ДПЗ с перечислением оставленных и подлежащих к пересылке вещей.

Написал я в субботу. И какова была моя радость, когда в воскресенье среди дня, забыв совершенно про свое письмо и, во всяком случае, не ожидая столь быстрого его исполнения, я вдруг увидел растворившуюся дверь, и мне передали знакомый узелок. Расписавшись в его получении, я стал перебирать присланное. Книжка-каноник оказалась здесь, а Св. Даров не было. Как тяжело почувствовалось отсутствие их! Что ж, неужели

и умереть придется без причащения? Неужели Господу не угодно, чтобы я причащался? Или я такой уж недостойный иерей? И сейчас против этих мрачных мыслей восставали противоположные. А не говорит ли Господь чрез эту непересылку Св. Даров, что я еще поживу и на свободе причащусь? В борьбе противоположных суждений и настроений работали голова и сердце мое.

Так и в этом случае, так и в других. Что бы ни услышал или ни узнал бы радостно-приятного, скоро же это начали омрачать и изгонять из сознания обратные, тяжелые мысли и предположения, и наоборот. Я не знал, что и предположить в объяснение неполучения Св. Даров. И только в ноябре 1922 года от посаженного уже во 2-м исправдоме в 39-ю нашу камеру помощника начальника 3-го исправдома я узнал, что, когда там было получено из ДПЗ требование на мои вещи, то, собирая их и просматривая, нашли и мешочек со Св. Дарами, узнали их и не решились почему-то отослать их, а оставили их там положенными в канцелярии в шкаф. Там они остаются и доселе. (К моему сожалению, Св. Дары там не сохранились. Когда я в декабре 1923 г. по выходе из тюрьмы обратился в 3-й исправдом за ними, их мне нигде не могли отыскать. Они пропали.)

Не получив Св. Дары, а только спальные принадлежности, я и им был рад. Я мог теперь спать уже с подушкой, простыней и одеялом — по-человечески, чего лишен был почти целую неделю. Опять тело превозмогло душу.

Хорошо припоминаю, что, получив каноник и Евангелие, я вторую половину воскресенья — первого воскресенья 40-дневного сидения в ДПЗ — провел в бодром настроении. Я занялся чтением Евангелия и молитвой. До сего в ДПЗ я мог молиться кратко, прочитывая лишь наизусть выученные молитвы. Теперь я прочитал акафист Иисусу Сладчайшему, а вечером — канон Божией Матери и все вечерние молитвы. И легко, легко было на душе. Молитва в ДПЗ доставляла мне величайшее утешение и подкрепляла. Только там я познал истинную молитву и молился всегда так, как именно нужно, чтобы молитва доставляла успокоение и духовно удовлетворяла. Тяжело, тяжело делается на душе, слезы держатся на глазах, станешь молиться, никак себя не заставишь вникать в смысл читаемых слов молитвы и в руках и в ногах ощутишь как бы тяжесть, усталость и боль, в голове кружение. Но все это стараешься преодолеть и мало-помалу молиться становится легче, а потом молитвой совсем увлечешься, забудешься, и даже кончать ее не хочется. И уходишь с молитвы успокоенным, ободренным, с надеждой на все доброе, без всякой боязни смерти и мучений, с забвением о семье, со свалившимся с души камнем, как будто никакой беды тебе не предстоит.

Скоро каноник оказался не в состоянии духовно меня удовлетворить. Подошла суббота. Захотелось отправить всеобщую и пришлось это сделать пением лишь знакомых церковных песнопений. Долго я боролся с боязнью не только не получить, но и затерять иерейский молитвослов в случае присылки его из дома по моей о сем просьбе. Наконец, желанием иметь его была побеждена боязнь. На риск написал и к своей радости через неделю получил. Слава Богу! Теперь я стал совершать и всеобщую, не только все

выпевая, но и вычитывая: всеобщая выходила почти самой настоящей — уставной и обедница — недурной. В иерейском молитвослове я отыскал ектении о избавлении во узах сидящих, и чтение их доставляло мне опять большую радость и отраду. Раз или два в течение дня я прочитывал их за разными дневными молениями своими.

Так прошло воскресенье первое. На другой же день, в понедельник, я столь же неожиданно получил первую передачу из дома. Я почти не надеялся получать передачи из дома во время своего сидения в качестве смертника. Кажется, вполне логично я рассуждал, зачем власти советские разрешат подкармливать домашней провизией тех, коим не ныне-завтра предстоит смерть; для наибольшей питательности могильных червей разве... К тому же рассчитывал, что о переводе меня на Шпалерку домашние еще не узнали, а если и узнали, то передачу смогут переправить мне сравнительно нескоро. Но часа в 4—5 дня, в совершенно для передач необычное время (как оказалось впоследствии), незаметно, неслышно подошедший к камере отделенный надзиратель открыл дверь и спрашивает меня о моем имени, отчестве и фамилии и отдает узелок с передачей. Какая радость охватила все существо от этой немой, но и многоречивой в то же время весточки от людей жизни! Значит, не совсем я еще умер для мира, с ним связи еще не порваны; хотя через вещи, вначале только знакомые, а впоследствии ставшие родными, можно сносятся с семейными. Думалось, хотя и неуверенно, что и домашние посылкой этой свидетельствуют мне, что они знают о том, что я еще жив и не расстрелян. Я был почти уверен, что домашние, привыкшие за прежние мои сидения в тюрьмах к величайшей осторожности при передачах, не положат никакой записочки, тем более в первую передачу, но страстное желание иметь ее превозмогло над соображениями разума о невозможности ей быть там, и я с неудержимой энергией и удивительной внимательностью принялся отыскивать ее. Но и не найдя записки, был несказанно рад самой передаче.

Самые суеверные люди — это так называемые безбожники. При неверии своем, они очень боятся всяких несчастий жизни. Зная хорошо по всяческому опыту, что далеко не все в жизни зависит от сил самого человека и что этих последних очень недостаточно для творения жизни, они жизнь и удачу в работе своей обуславливают разными случайностями, совпадениями и т. п. Я далеко не суевер, но постоянная мысль о возможно близкой смерти и, конечно, боязнь ее в форме расстрела и меня на Шпалерке сблизила с приметами. Понедельник, первый понедельник предсмертного бытия оказался для меня радостно-приятным, значит, по примете, и вся неделя должна быть доброй для меня. И что же? Во вторник — новая приятная неожиданность.

Лежу я на койке с бесконечными мыслями-гаданиями: расстреляют или нет. Вдруг открывается форточка в двери и слышится голос: «Приготовьтесь идти в ванную». От полной неожиданности такого приглашения я не сразу понял, что мне предлагается. Переспрашиваю и только тогда уясняю смысл. Как приятно было помыться! Ведь за все время более месячного тюремного жития только однажды и то плоховато мылся. Но не эта приятность была приятна

— отрадно было хоть на несколько минут отрешиться от своего одиночества; думалось, что в ванной комнате я увижу какое-нибудь человеческое лицо, перекинусь парой-другой слов. Но где ванная? Как к ней поведут? Собрался, жду.

Через полчаса щелкает замок, открывается дверь и дежурный выпускает меня. Показывает на лестницу: спускайся-де вниз. Все это проделывается молча с обеих сторон. Внизу ждет меня другой надзиратель — банщик. Кругом ни души, впереди тоже никого не видно, кроме надзирателей, которые одиноко и уткнувшись в свои дела-бумаги сидят на перекрестках-углах лестниц. Назад оглядываться стесняюсь, дабы не получить какого-либо неприятного замечания. Тихо и жутко. Только стук от ног, ступающих по чугунному полу, гулко раздается эхом. Ведет меня надзиратель долго и далеко. Что-то я, было у своего проводника-банщика самое безразличное и неважное спросил. Он, оглядываясь кругом и назад, неохотно и односложно пробурчал мне. Несколько раз потом я ходил с этим проводником в банную, и весь наш разговор с ним ограничивался лишь моим вопросом о том, мылся ли и когда Владыка митрополит, и лишь однажды он сказал мне, что по сообщениям газет наше дело передано во ВЦИК.

Доводил банщик до отделения, где подряд расположено 5—6 одиночных камер с ванной и душем; впусивши, запирает ванную на ключ и оставлял мыться в одиночестве, как и сколько угодно. Я ни разу не заметил, что он подглядывал в дверной глазок, и тут находящийся, за моим поведением в ванной. Спасибо ему за это, что он не смущал и не тревожил хотя во время мытья. Ванная — очень хорошая. Мылся я в ней всякий раз с удовольствием. Как будто я не в тюрьме отправлял эти общеобывательские операции. Через неделю снова меня пригласили в ванную. Ну, думаю, это хорошо — ванная каждую неделю.

В дальнейшем более или менее регулярно ванная предоставлялась. Возвращались мы с банщиком в камеру так же тихо и сумрачно, как и шли. Сколько раз мне хотелось увидеть кого-либо из своих в этих путешествиях, но никого не видел. Только в последний раз я встретил по пути из ванной идущим туда Богоявленского и мог даже расцеловаться с ним. Но это было уже в день отправления нас во 2-й исправдом. Шпалерка встретила нас мрачно и подозрительно, выпроводила же, побаловав на прощание доброй ванной.

Итак, начавшееся в понедельник доброе настроение поддерживалось и во вторник. Я разохотился к дальнейшему. Среда, четверг — ничего, все обычно. Примета как будто не оправдалась. Пятница. Но в пятницу я получил великую радость. В пятницу я с половины дня стал ожидать передачи, рассчитывая по примеру понедельника и по образцу других тюрем, что мне ее принесут в камеру и среди дня. Но часы шли, а передачи все не было. Мрачные мысли поползли в голове. Да будет ли передача? Быть может, лишь первую передали и то в виде исключения, а последующие не допускаются. Не разрывается ли связь с миром и через передачи, как ее не допустили мне через письма?

С такими мыслями я пробыл часов до 10 вечера, когда шелкнувший дверной ключ возвестил мне о приходе кого-то. Входит надзиратель и приглашает

идти за передачей. Куда идти? — Вниз, в комнату отделенного, где раздают передачи. Радостный, с сильно бьющимся сердцем, бегу. Вхожу в комнату отделенного в надежде встретить кого-либо из своих. Но в комнате, кроме отделенного, ни души. На полу громадный ворох бумаги оберточной от уже разобранных передач. На прилавке кучей беспорядочно сложены всякие продукты. Спрашивают мою фамилию, дают книгу для расписки в получении передачи. В книге только одна строка с моей фамилией открыта, а что ниже и выше ее, — все закрыто бумагой, так что видеть росписи и фамилии других получателей совершенно нельзя. Впоследствии появилась даже особая папка с отверстием на одну строку для росписи в ней получателя. Абсолютная изоляция простиралась и сюда, чтобы подчеркнуть полное наше одиночество и тем отягчить и без того нерадостное положение смертника.

Передачу дают мне сложенную в самом безобразном, хаотичном беспорядке — не только все изрезано, измято, запачкано, но сброшено на скатерть — что куда и как попало. Но разбираться ли в этом? Не передают ни одного клочка не только белой простой бумаги, но даже и советской газеты. Собираю всю массу наложенного и бегу наверх. Письма никакого не дали, да я его и не ждал, убедившись из всего предшествующего, что никакая переписка с миром живых людей невозможна. С нервной дрожью в руках, у себя в камере начинаю рассматривать присланное. Смотрю салфетку — один узел развязан и два его конца болтаются, а другие два еще завязаны. Взявшись за неразвязанную сторону, ощупываю руками бумажку. Что это значит? Нервно развязываю и... о чудо! Письмо от семьи. Читаю, и какая радость! Сколько раз я перечитывал это письмо. Я его заучил наизусть.

В нем сообщалось, что сын Павел работает где-то по очистке и переноске плугов — значит, семья не останется без куска хлеба. И какая за это благодарность Господу, не оставляющему нас без попечения Своего! Особенно неожиданно было сообщение, что дочь Аня уехала вместе с Юлией Семеновной в Москву. Уж никоим образом я не предполагал, чтобы кто-либо решился хлопотать за меня, попавшего в столь важного и опасного государственного преступника. А тут еще Аня—17-тилетняя девочка в ходатайницах! Конечно, она — лишь представительница страдающей семьи, а хлопотать, просить будет кто-то другой, имеющий в высоких московских сферах связи и надеющийся на силу их. Но кто же это? Юлия Семеновна, но кто она? Много и долго я ломал голову, гадая об этой Юлии Семеновне. Попадал мыслию и на ту Юлию Семеновну, которая ездила действительно, как впоследствии я узнал, и больше всего на ней мыслию останавливался, но до конца сидения на Шпалерке эта «Юлия Семеновна» оставалась загадочным иксом.

И сейчас, когда то время далеко отошло, я этот день получения этого письма, при таких исключительных условиях самого тщательного просмотра даже дна бутылки из-под молока и при недопущении в камеру смертника даже малюсенького клочка всяческой бумажки, считаю одним из светлых и радостных дней моей жизни всей. Ко мне приходит письмо целое, положенное так открыто, почти на виду, положенное как будто для того и так, чтобы его непременно нашли и прочитали! Я в этом увидел то,

что одно только в нем и можно видеть и что никакими случайностями объяснить нельзя. Я увидел, что Господь меня еще не покинул совершенно, что Он сделал так, что самые зрячие и прыткие просмотрщики не доглядели и так чудесно пропустили ко мне это письмо. Для чего Господь устроил это? Чтобы поддержать и подкрепить меня в эти исключительно тяжелые дни жизни. Эти мои мысли были подкреплены через три дня таким же явственным чудесным образом.

Я пришел за передачей и мне было подано письмо от семьи. Но это было только начало с безынтересным перечнем посылаемого. Я как-то машинально, больше для себя, чем вслух заметил: а где же конец письма? Услышавший отделенный тоже совершенно машинально, как бы не сознавая делаемого, обращается к валяющейся на полу куче мусора из бумаг и веревочек и подает мне два клочка от присланного мне письма. Эти клочки, как не пропущенные моими цензорами, были оторваны и брошены, как вредные для моей изоляции. Как все это произошло? Кто побудил надзирателя сделать что-то невероятное? Как он мог сам по себе сделать противное себе и тому, что им было сделано сознательно и, с его точки зрения, правильно и законно? Какая-то неведомая сила его обратила как бы в маньяка, в машину. И как он мог из большой кучи мусора очень быстро — через какую-нибудь минуту — добыть два клочка именно моего письма? Как они там не завалялись и не затерялись? Кто-то, т. е., конечно, Господь Бог, творил все это... Из этих двух клочков я узнаю, что поездки Ани в Москву увенчались добрым успехом и что дома все поэтому очень спокойны.

После этих двух чудесно полученных и так быстро одно за другим следовавших писем у меня явилась почти полная уверенность, что Господь не хочет пока моей смерти, и я буду еще жить. Эти два письма окрасили радужными надеждами всю мою жизнь смертника. Они дали мне основание надеяться и, следовательно, силы переносить Шпалерку. После них я ожил. И какие бы тяжелые минуты мне впоследствии ни приходилось переживать, как тоска одиночества ни охватывала меня, как бы ни казались мне резонными все доводы остро и мрачно работающего рассудка о неизбежности для меня расстрела, — эти два письма сейчас же всплывали в сознании и на душе становилось легче. Я не знаю, что было бы со мной, смог ли бы я так терпеливо и совершенно благополучно перенести эти исключительно убийственные 40 дней Шпалерки, если бы не было этих писем и молитвы. Эта последняя после этих писем стала еще более усиленной, радостнотворно действуя на меня и поднимая дух, успокаивая сердце. Все Господь творит! Ему я обязан и безгранично благодарен за дарование мне жизни в это второе мое рождение на земле и первое воскресение из мертвых. Слава Богу за все! Ему хотелось бы отдать себя всецело...

На другой день пребывания на Шпалерке, проснувшись утром, я был увлечен сильным шумом и гулом от многих человеческих голосов, несущимся со двора тюремного. Я сразу определил виновников его — гуляющих по двору арестантов, и очень потянуло к окну: влезть и посмотреть. Я хорошо знал, что смотрение в окна в тюрьмах строго преследуется, но соблазн был так велик! Взгромоздился я на пыльный подоконник, смотрю, но по своей близорукости

Прот. Николай Чуков, настоятель Казанского собора, проходивший по делу «Об изъятии церковных ценностей» в Петербурге в 1922 г. (Впоследствии митрополит Ленинградский Григорий † 1955 г.).

сти плохо разбираю. Вижу среди гуляющих много лиц в священническом одеянии. Но кто они? Некоторых узнаю, но большинство не узнаю. И радостно и тоскливо на душе. Радостно эгоистически: не один я в клетке запертый — много нас, а «на миру и смерть красна». А грустно, как обычно всегда грустно при виде арестованных, а тут каких еще арестованных! И за что арестованных? Ведь за веру и за Церковь... Занятие наблюдения мне понравилось: оно отвлекало меня от самого себя, от мрачных, тупых дум, страшных ожиданий.

Первый день наблюдения прошел благополучно и на душе от этого занятия было легко. Поэтому и на другой день в этом удовольствии не мог себе отказать. И тут все благополучно сошло. Но на третий день я, вероятно, стал более смел и менее осторожен. Вдруг вижу часового с ружьем, упорно смотрящего в мою сторону и что-то кричащего. Мне почему-то показалось, что эти крики не по моему адресу, и я продолжал смотреть. Но далее вижу: часовой подымает ружье и прицелом его направляет в мою сторону. Опять не думаю, что я своей персоной возбуждаю такое внимание стража, но на всякий случай схожу с окна и ложусь на койку в ожидании выстрела в кого-то.

Выстрела не последовало, а минут через 7—10 открывается в моей двери форточка, и слышу голос доброжелательного ко мне надзирателя: «Вы ведь без очков?» «Да», — отвечаю. «Ну вот, я говорил им, что это не вы...» «Но в чем дело?» — «Ведь Вы в окно не смотрели?» Не мог же я скрыть и чистосердечно признался, что в окно я смотрел и для этого надевал очки, которые обычно в камере не носил. На это я получил любезное предупреждение, что если еще раз меня заметят у окна, то в наказание могут перевести в самый нижний этаж, где очень сыро,

мрачно и темно. «А ваша камера, — добавил он, — очень хорошая».

Давши слово, держись. Я недели три совершенно не подходил к окну и даже не испытывал соблазна — к окну меня не тянуло. Но потом стал размышлять, что, если за просмотр в окно и посадят вниз, то беды в этом большой не будет, — всего-то сидения остается день-другой. Денька два еще посмотрел в окно и снова попался отделенному, проходившему по двору и меня заметившему. На этот раз я получил от него грозное замечание и больше после этого к окну уже не подходил.

Не забуду я никогда и Сергиева дня (5 июля по ст.ст.). Накануне я лег спать в свое обычное время. Долго не засыпал. Что-то тяжелое было на душе. Вдруг слышу: раздался гулкий удар колокола — один, другой и т. д. Что же это за благовест? Откуда и почему в такую позднюю пору (вероятно, было уже часов 11—12 ночи)? И... вспомнилось. Ведь завтра память преп. Сергия Радонежского и благовестят в Сергиевском соборе, где храмовый праздник, а собор совсем близко от тюрьмы. Завтра там — праздник и созывают православных к ночному богослужению. На душе стало совсем, совсем тяжело — на воле праздник, верующие идут в храмы помолиться, а я... здесь, запертый, без молитвы храмовой, без причащения... Вспомнилось, что, будучи на свободе, я гадал в этот день съездить в Сергиеву пустынь. И сильно, сильно потянуло к молитве. Я встал и полуодетый отслужил молебен преп. Сергию. После этого лег и быстро заснул.

Утро прошло обычно, по-тюремному. Часов в 12.30 дня вдруг открывается форточка, и дежурная надзирательница подает мне небольшой сверточек в красном платке и как-то взволнованно, полусшепотом говорит мне: «Возьмите скорее. Тут что-то вроде причастия. Осторожнее... Не пролейте!» Благоговейно беру, с трепетом душевным разворачиваю. В платочке небольшой ящичек позлащенный, а в нем только что в храме за литургией освященные Св. Дары — Тело, Кровию Спасителя напоенное. Отделяю себе следующую, как казалось часть. Завертываю снова, как было, и жду прихода за ящичком. Через полчаса приходят за ним, но уже две незнакомые женщины в сопровождении благоволившего ко мне надзирателя, за несколько дней перед тем переведенного от нас в другой этаж. Женщины хотят взять от меня ящичек, но он со словами, что женщинам не полагается прикасаться к Святыне, забирает его сам и на моих глазах спускается с ним вниз по лестнице (моя камера № 182 была расположена почти совершенно напротив лестницы).

Я остаюсь со Св. Дарами. Но что делать? Сейчас же и принять их? Но я не готов, да и пообедал уже. Решаю оставить до завтра. Но доживу ли? Решаю, что Св. Дары, завернув в чистую бумажку, положу в укромное местечко, и если ночью придут за мной для расстрела, то первым делом возьму Св. Дары и потребую их. Если же этого не произойдет, то Св. Даров мне хватит дня на четыре-шесть.

Этот неожиданный подарок очень обрадовал меня. Меня очень волновало и огорчало до сего дня, что меня могут расстрелять, не давши мне возможности причаститься. Исповедывался я у о. П. Левицкого в 3-м исправдоме два раза; исповедывался у о. Сергия Шеина в 1-м исправдоме, в день переправки нас

на Шпалерку. А причащался лишь на свободе, почти два месяца тому назад. А тут вдруг присылают Св. Причастие. Как радостно и торжественно было на душе! Это преподобный Сергей прислал.

Но скоро же стали появляться и другие, противоположные мысли, совсем нерадостные. Стало думать: зачем прислали Св. Дары теперь (я не знал, конечно тогда, что прислали их из Сергиевского собора по ходатайству Владыки митрополита, с разрешения тюремного начальства). Не узнали ли на воле о печальном исходе нашего дела в Москве и нас напутствуют на смерть? Ведь как раз исполняется вторая неделя после окончания нашего процесса. Но если так, то почему всем прислали? Неужели всех к расстрелу? Но это выйдет тяжелее московского процесса, где из 11 приговоренных только пятерых расстреляли. Но сам обвинитель Смирнов на суде заявил, что наш процесс менее серьезен, чем московский. И вдруг окажется, что у нас исход будет печальнее московского?! Не может быть этого! Значит, присылкой Св. Даров к расстрелу нас не готовят. А, быть может, к расстрелу?! Ведь всего я знать не могу... Вот и началась борьба между двумя направлениями в рассуждении и настроении.

Конечно, наступающую ночь я ожидал с тревогой, тревожно и проводил ее, ожидая, что вот-вот отворится дверь и возьмут меня куда-то далеко. Так и следующую ночь проводил. Но это была тревога не из-за боязни смерти, а от тяжелого сознания смерти, от расстрела, быть может, при предварительных издевательствах и глумлениях, чего так много было на суде и что естественно было ожидать и, конечно, не в меньшей степени и пред расстрелом и в момент его. Но Св. Дары, причащение Их, сильно бодрило и даже успокоительно примиряло со смертью. Хотя умру, но все же со Христом через причащение Его Тела и Крови...

Причащался я дней пять подряд, и это было радостно и отрадно. День на Шпалерке обычно распределялся так. В 7—8 часов утра вставал, вычитывал медленно все утренние молитвы и канон дневному святому недели; это продолжалось около часу. После этого ходил из угла в угол по камере, лежал, читал Евангелие или Иоанна Златоуста. В 12 часов — обед и чай, опять лежал, ходил, прочитывал акафист Сладчайшему Иисусу, а через небольшой промежуток прочитывал акафист Божией Матери. В 5 часов — ужин и чай, прочитывал канон покаянный Спасителю, молебный Божией Матери и, отдохнув немного, вечерние молитвы. Под праздником совершал перед вечерними молитвами всенощную, а утром в праздничные дни — обедницу. Нередко, бродя по камере, выпевал все, что знал наизусть из церковных песнопений. Обычно после хорошей молитвы наступало хорошее духовное успокоение, а нередко переживались долгие минуты высокого религиозного подъема и всецелой отрешенности от земного и плотского, с искренней преданностью себя воле Божией.

Кажется, я исчерпал описанием всю фактическую сторону жизни на Шпалерке. Остается коснуться самого главного: душевного состояния, жизни внутренней. Она вся стояла под одним, всегда гвоздем стоявшим в голове и сердце вопросом: расстреляют или нет. Вопрос этот был в высшей степени неотвязчив, назойлив. Что бы я ни делал, чем бы ни

старался занять себя, он неотступно мучил меня. Именно мучил. Возьмешься за Евангелие, он мешает понимать, а Златоуста я долго не мог даже читать. Только письма его к Олимпиаде меня несколько отвлекали и развлекали. И тут прочтешь 3—4 строки — и опять незаметно отдаешься старой неотвязчивой мысли, читаешь и не понимаешь. Только на молитве я — и то не сразу скоро — позабывался. Грустно, тяжело на душе, как-то темно, безотраднo, состояние какой-то безотчетной тоски, чего не выразишь словами, не втиснешь ни в какие определенные понятия и формулы.

Станешь на молитву и чувствуешь, как будто тебя какая-то неведомая сила отталкивает от нее, страшно не хочется молиться; произносишь слова, а в голове все тот же мучительный вопрос, в сердце нет успокоения. Читаешь и не понимаешь, перечитываешь по два, по три раза одни и те же слова молитвы и, только так себя приневоливая, наконец-то освобождаешься от своего мучителя, на душе становится тихо, ублаготворенно и кончаешь молитву успокоенным и, пожалуй, даже радостным, — нашедшим как будто благоприятный ответ на этот вопрос и готовым хоть сейчас идти на смерть. Только тюрьма дала почувствовать и пережить истинное наслаждение, успокоение и радование в молитве и от молитвы.

Я прежде не раз слыхивал, что одиночные заключения сами по себе, даже без страха не ныне-завтра быть казненным, доводили немало людей до сумасшествия. Прежде было для меня лишь фраза, теперь я понял всю самую подлинную, настоящую, ужасную правду ее. Тюремное одиночество легко и естественно может довести до сумасшествия. Нас, смертников, спасала от этой беды вера в Божий Промысл и молитва.

Еще: не раз прежде в беседах с учениками и студентами, да со многими даже церковными людьми, я доказывал и старался всячески обосновать мысль, что молиться нужно не только тогда, когда я почувствую в себе позы, тягу и расположение к молитве, ибо при таком условии, пожалуй, и совсем не будешь молиться, отвыкнешь от молитвы, — а тогда, когда тебе нужно по времени дня, по сложившимся обстоятельствам, по ходу твоей духовной жизни; нужно непременно заставлять себя помолиться, ибо результат молитвы, начатой по принуждению, сторицей вознаградит тебя. Но прежде эти мои рассуждения были более теоретическими силлогизмами. Теперь я на себе все испытал, и притом в исключительных условиях. Поэтому категорически и самым убедительнейшим образом утверждаю, что, если бы я не принуждал себя к молитве в эти тяжелые дни жизни, то я бы не молился, ибо, вероятно, не дождался бы этого молитвенного настроения; а без молитвы я, если бы и не сошел с ума, то не вышел бы из ДПЗ со здоровым телом и крепким духом. Без молитвы всякое горе — неутешно, всякая неудача — чрезвычайна.

Ложь, какой-то дьявольский навет, когда без молитвы, и только для нее одной, требуют «настроения» и конфузятся принуждения. Почему не конфузятся и не боятся, а даже требуют принуждения для проявления и развития других способностей и отправления душевной жизни? Никто никогда не становится художником или артистом своего, того или иного великого служения без предварительного принужде-

ния со стороны других людей или самого себя. Любитель — самый способный и талантливый — своего искусства, хотя бы с самых пеленок, он непременно принуждался бы для выработки и установки техники своего искусства. Никакое душевное наслаждение — пением, музыкой — не поддается виновнику его вдруг, сразу и свыше — оно творится, но всегда с понуждением предварительным. Я только Бога благодарю, что, принуждая себя молиться, я вышел из 40-дневного подсмертного состояния без особенных дефектов в области умственной жизни.

Я уверен, что и ночи — большую часть — я спал сравнительно спокойно и крепко благодаря вечерней, всегда продолжительной и всегда меня успокаивающей молитве. Тяжесть мрачных дневных мыслей на ночь меня покидала, и я освобождался от их кошмарного действия. Не помню, чтобы и во время сна я тревожим был какими-нибудь тревожными сновидениями.

Очень нередко всплывало в памяти все происшедшее и говоренное во время суда. Конечно, больше всего вспоминалось, что я говорил или что обо мне говорили на суде; из всего припоминаемого начнешь, бывало, делать то печальные, то радостные выводы. По инстинктивному желанию успокоить себя я старался приводить на память по преимуществу все доброе и для меня благоприятное, в такую же сторону объяснять и все дурное и неприятное, происшедшее на суде. Первые две недели я чувствовал себя лучше, чем последние. Меня уверяли, и я верил, что ранее двух недель после приговора не закончится наше дело рассмотрением в Москве и оттуда ранее этого срока не придет никакого ответа. К тому же вести так чудесно попавших мне в руки двух писем из семьи сильно поддерживали бодрость духа. Все же, способное печалить, сильно и мрачно тревожить, я отгонял от себя, боролся против него, стараясь, даже принуждая себя, не помнить, забыть его. На второй же день по переводе в ДПЗ я под расписку получил печатный обвинительный приговор, но читать его я не мог. Слишком это чтение тяжело было для меня. Мне тяжело было даже видеть его, и я его запрятал в глубокий карман рясы, подальше от себя. Прочитал я его только перед самым выходом из особого яруса, когда было объявлено мне о замене расстрела пятью годами тюрьмы без изоляции.

Настроения у меня, особенно в первые две недели, менялись, чередовались через день: один день смотришь на все и оцениваешь все розово, ожидаешь для себя только благоприятного: следующий день — мрачный, тоскливый, грустный. Если сегодня мысль работает бодро, подбирая только приятные для меня факты, слова и т. п. и благоприятно их для себя комбинируя и оценивая, то на другой день — та же самая логика с еще, кажется, большей убедительностью уясняла неизбежность расстрела. И когда она особенно сильно работала в этом последнем направлении, на душе становилось даже спокойнее: коли смерть неизбежна, то чего же печалиться и зачем грустить?

Начиная с конца второй недели сидения на Шпалерке, настроение стало заметно изменяться в сторону все большего и большего уныния и грусти. Вот-вот, не сегодня, так завтра придет известие из Москвы. Радостное ли? Начнешь, бывало, в сотый раз обсуждать и переоценивать все, что, казалось, могло

утешать и радовать меня. Но сейчас же пессимистическое и мрачное брало мысль мою в свою власть и начинало выходить, что «не надейся, свет мой, попустому». И с каким, бывало, нетерпением ожидаешь дня передачи из дома, когда получишь из дома письмо, а в нем, быть может, что-нибудь радостное и утешительное о своей судьбе. Каждое слово записочки полученной обдумываешь, сопоставляешь и т. п. Ищешь в нем хоть каких-нибудь намеков на доброе или тяжелое для себя.

Почему-то особенно тяжело мне бывало с утра, часов до 4—5 дня. Ничем, бывало, себя не займешь, не заинтересуешь... Я старался заставлять себя больше лежать, дремать. А тут, как-то уже во второй половине сидения, вышло распоряжение начальства, чтобы к 8 часам утра койка была убрана и чтобы никто на ней не лежал до обеда. Что тут было делать со столь длинным утром?

Представляя всю мучительность бессонной ночи, я старался днем не спать или только дремать. Я со слов многих знал, что расстреливают по ночам — зимой с вечера, а летом на утренней заре. Ночи в июле были короткие, и это опять было большим благом. Ложиться я старался попозже, и, так как рассвет начинался рано, то я спокойно и засыпал: если с вечера оставили на койке, значит, утром не расстреляют. Зато с вечера, бывало, прислушиваешься ко всякому гудку мотора, к шагам в коридоре, к звяканью ключами в дверях соседних камер. Однажды я совсем было уже решил, что час мой пришел. Я уже лег и почти задремал. В камере уже стемнело. Вдруг слышу звяканье ключа в замке моей, именно моей, камерной двери. Зачем ее отпирают в такой поздний час? Ответ мог быть только один и самый печальный. Я привстал, перекрестился и приготовился идти. На душе было как-то совсем спокойно; какая-то решимость овладела мной. Дверь отворилась, но быстро и захлопнулась, и я услышал только слова: «Извините, мы ошиблись...» Вероятно, водили кого-то из соседней одиночки гулять вечером и при водворении его на место жительства, ошиблись камерой. Я уже писал, что суеверие и приметы в дни тяжелых испытаний весьма присущи. Мне поверилось, да как-то убежденно, что расстрел мой миновал меня, я его как бы отбыл вот в этом факте, ибо, если живого похоронят по людской молве, то, по примете, это — признак его долгой будущей жизни. И дня два я был спокойнее обычного.

Отчего же в эти сорок дней тяжело так чувствовалось, и мрачные мысли овладевали мной? Теперь, когда я вспоминаю перечувствованное и пережитое и в уме хладнокровно анализирую все это, я могу так ответить: тяжело было не от того, что скоро могу умереть. Нет! Я мыслил, что мне уже 52 года, что жизнь моя, можно сказать, уже прожита; что громадное количество людей умирает, не доживши до этих лет, и т. п.

Тяжело было, что я умру ни за что, ни про что. За веру и Церковь? Тогда и теперь я отвечаю на это почти отрицательно. Конечно, нашим процессом надеялись унижить веру, подорвать авторитет духовенства, разорить Церковь. Но в моих отношениях к изъятию церковных ценностей этого стояния за веру было очень мало. Было больше борьбы за золото и серебро церковное, за имущественное достояние и права Церкви. А стоит ли за это умирать? Тяжело

за это умирать... Тяжело умирать, как и теперь сидеть в тюрьме, от сознания, что и знаний научных и жизненных у меня достаточно, и сил умственных и физических не занимать стать и желания работать, и именно в это бурное время и совсем не в направлении контрреволюционном, у меня немало. И вдруг смерть... Смерть-жертва? Но для кого она нужна? Кого она побудит к подражанию? Да и чему в нашем деле подражать? Смерть мученика? Но за что? За ценности вещественные? Не велика цена такой смерти...

А тут сейчас выплывали мысли о семье, о той (о жене), которой во всю семейную жизнь на долю выпало так много страданий и горестей, о малых детях, о их духовной незрелости и материальной необеспеченности. Старался постоянно приводить себе на память слова псалмопевца, что дети праведного не останутся нищими и голодными. Но то дети праведного, а я разве за правду страдаю, за веру? Правда не повелевала ли без всяких рассуждений и подозрений отдавать все церковное серебро в пользу голодающих? Да, действительно, я ни в чем не повинен, в чем меня обвинили на суде и так сурово наказали. Но вся моя прежняя жизнь со всеми ее грехами и неправдами, разве не взывала об отмщении мне? Не хочет ли Господь за мои грехи покарать детей моих? Вот эта-то мысль, до которой я часто доходил, особенно угнетала и давила меня. Из-за меня страдают и еще тяжелее будут страдать ни в чем не повинные дети мои! Да, это сознание тяжелее всякого физического наказания и страдания! Умереть при мысли, что дети будут тебя обвинять в их жизненных страданиях и горестях, казалось мне самым величайшим Божиим наказанием, и тяжело, очень тяжело было.

Конечно, постоянной была и мысль о моей еще неподготовленности к смерти и к будущей жизни. Грехи за прожитое время один за другим вставали передо мною, и я бросался к молитве. Правда, я не грабил, не убивал, но только ли это отрицательное требуется для чистоты нравственного сознания и делания, тем более для священника? Но тут сейчас же всплывали примеры милостей Господних к падшим из евангельской истории по их молениям к Нему, и я опять ободрялся и светлел. Вера сильно поддерживала, молитва подкрепляла, и я не падал духом. С течением времени мысль о смерти не только не пугалась будущих мучений, но их как бы совершенно не страшилась. Очень нередко, в конце сидения в ДПЗ, умереть казалось легким и даже желательным, — и именно теперь, при совершенно несправедливом ко мне суде, при горячих постоянных молитвах, при обилии пролитых мною, и особенно за меня, слез, — и умереть через расстрел, т. е. все-таки мучеником. Но вдруг всплывали, как бы перед глазами, все семейные, которых страстно, целостно любил, и опять какой ужасной начинала казаться грядущая — не ныне-завтра — насильственная смерть. Плотские привязанности родства осиливали, и духовная радость от мысли о смерти исчезала.

Тем не менее я все более и более сживался с мыслью о предстоящей смерти и стал окончательно себя готовить к ней. Дней за пять до выхода из особого яруса я заставил себя прочитать «Отходную». Как было тяжело вначале читать себе самому последнее «прости». Слезы капали из глаз, слова не поддавались пониманию. Но потом я увлекся

хорошим сердечным содержанием «Отходной» и кончил ее совершенно успокоенным. На второй день вечером меня уже что-то потянуло к этой «Отходной» молитве, и я ее читал с восторгом и упоением. На третий я уже не читал ее, ибо получил от надзирателя нелегальное уведомление, что среди четырех, коим расстрел не отменен, моей фамилии не значится. Хотя всецело я не доверял этой вести, хотя мне все еще представлялись многие возможности для сомнения в отдаленности для меня смерти на неопределенное время, но все-таки при наличии этой вести я считал вызовом Господу Богу читать себе «Отходную».

Возможно, что в значительной степени благодаря «Отходной», да и вообще к концу сидения в ДПЗ установившемуся у меня примирению со смертью, я как бы совсем отошел от жизни, все более и более забывая о семье и о ее горе без меня; я как-то ушел в себя, в свои мысли о будущей жизни, я стал как бы действительно живым мертвецом. Поэтому, когда 1/14 августа было объявлено мне постановление московского ВЦИКа о замене расстрела пятью годами тюрьмы, то я отнесся к нему как-то бесстрастно, оно не произвело на меня особенно радостного впечатления. У меня явилось как бы недовольство и разочарование: вот-де, готовился к смерти, а ее отменили. Весь день я ходил по камере, как бы не понимая значения этого постановления для жизни моей и недовольный тем, что придется изменять жизнь со всеми мыслями, суждениями и настроениями.

Только к вечеру этого дня и особенно на следующий день, после свидания с семейными, я начал понимать и оценивать происшедшее под углом зрения начинающегося нового, я стал как бы воскресать к новой жизни. На другой день ко мне пришли на свидание родные семейные. Меня вывели и привели к ним. Я шел, опять-таки не понимая, кто и зачем пришли, зачем меня тревожат. Никакой радости не испытывал я, что вот сейчас, сию минуту, я увижу своих дорогих родных, буду с ними разговаривать. Я встретился и поздоровался с ними

холодно, не знал, о чем с ними разговаривать и не был недоволен, когда свидание наше прекратили. Неудивительно, что я на них произвел впечатление почти что ненормального человека.

Только придя со свидания к себе в камеру, оставшись наедине с собою, я стал мало-помалу приходить в себя, стал правильнее оценивать происшедшее, вспоминать лица и разговор на свидании, что по прошествии каких-нибудь 15—20 минут по окончании свидания я никак не мог воспроизвести всех подробностей разговора, ни лица жены и бывших с нею детей, даже не мог припомнить, кто же из детей был сейчас у меня на свидании. Так, значит, я отрешенно от жизни, в каком-то полусознательном состоянии, в полузабвении провел свое первое свидание с родными. Я виделся и говорил с дорогими мне лицами, но душой и мыслями я был не с ними.

Не так я отнесся и вел себя во время второго свидания, бывшего у меня в этот же день, часа два-три после первого, тоже с детьми другими. Когда меня вызвали на свидание, я прежде всего увидел, что одежда моя очень рвана и истрепана, и я постарался ее прикрыть рясой; в первое свидание я этой изношенности одежды не замечал и на нее не обратил внимания, идя к родным на свидание. Я был рад и доволен, что пришли дети на свидание, и мне хотелось с ними долго, долго говорить. Я их выпрашивал с большим воодушевлением и главным образом о том, о чем во время первого свидания с женой и что меня тогда мало интересовало и волновало.

С этого второго свидания я пришел уже другим человеком, как бы выздоравливающим к новой жизни. Я был рад и восторженно стал думать о предстоящей мне, хотя и через 5 лет, свободной трудовой жизни.

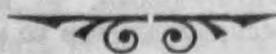
И эти предстоявшие мне 5 лет тюрьмы казались очень непродолжительным сроком, который должен скоро пройти, и после них начнется-де снова настоящая трудовая жизнь.

* * *

«Девушка пела в церковном хоре...»

А. Блок

Нина Стручкова

Женщина пела в церковном хоре...
Две-три старухи — какой там хор!
И церкви не было. Было горе,
Да гроб, да слезы, да чистый двор.

Да и не пели, а отпевали.
Попа не звали — в такую глушь!
Подругу ждали иные дали,
Не эти пашни, где пыль и сушь.

... И был там голос! Да, был там голос.
Не предназначен для похорон.
Как будто с телом душа боролась,
Так был наполнен и страстен он.

Женщина пела и всех роднила,
И всем живущим была своя.
И воскрешала, не хоронила
Звонящим: «Жизнь бес-конеч-на-я!..»

НАШИ ХРАМЫ

А.П. Аспидов

Церковь Великомученика Георгия Победоносца в Ложголово

Путешествовавшие по России в прошлых веках поражались большому количеству сельских церквей, встречавшихся на пути. На необъятных просторах, среди зелени лесов и полей белые силуэты церквей были ориентирами и маяками. Но это ли составило известность России как православной страны?

Среди многих этих церквей была и Георгиевская церковь в селе Ложголово, расположенном в 120 км от Петербурга и в 26 км от станции Веймарн Балтийской железной дороги. Церковь красуется на горе. С горы и с соседней возвышенности открывается вид вплоть до Нарвы — на всю местность, поросшую лесом и покрытую болотами. Ложбина между двумя горами («ложжина» в просторечьи), очевидно, и дала

название здешнему поселению. Внизу, неподалеку протекает река Долгая, впадающая в Лугу.

Места здешние — древние и исторические. В первоначальные времена становления земли Русской и ее крещения они относились к новгородским владениям. На эти земли давно зарились западные соседи. В тот год, когда татарами были взяты Рязань, Козельск и Чернигов (1237 г.), папа Григорий IX объявил крестовый поход, имеющий целью подчинить русские земли Тевтонскому ордену и обратить Русь в католичество. Первоначально походу сопутствовал успех: захватчики проникли далеко на восток от Пскова. В пяти верстах от Ложголово, в деревне Лососки, в XIX веке было обнаружено кладбище с могилами

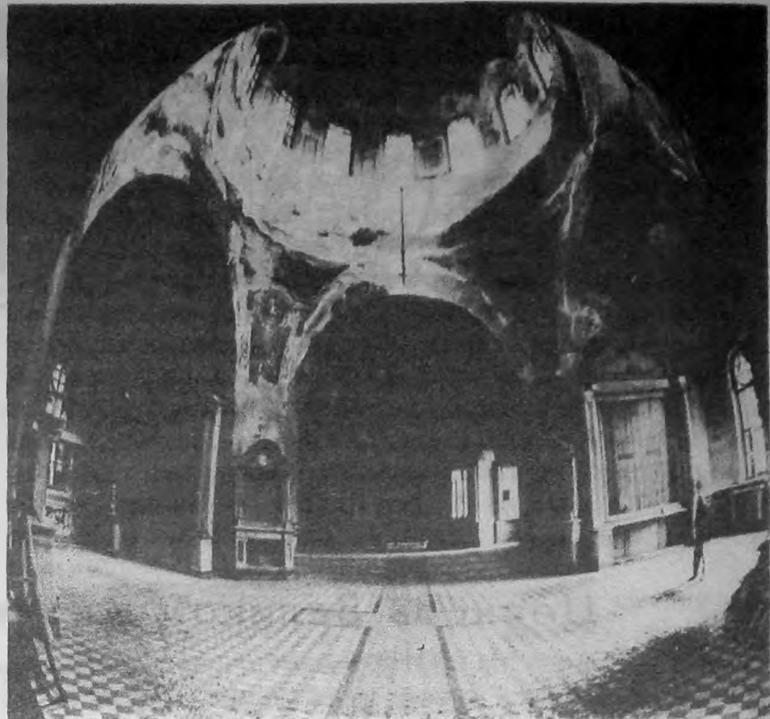
рыцарей — след тех далеких времен. Святой благоверный князь Александр с Божией помощью отразил врага и не допустил, чтобы Русь постигла судьба Византии, павшей под ударами латинян.

В смутные времена в начале XVIII века пострадал и северо-западный край. Проходившие здесь отряды жгли православные храмы и монастыри, разрушали селения. По Столбовскому миру 1617 года новая граница, отрезавшая Россию от выхода к морю, пролегла в окрестностях погоста Ложголово — по речке Пята. Мир этот не мог быть «вечным». При Петре I от Новгорода к Нарве двинулись русские полки. От Самры до Ямбурга через Ложголово и непроходимые места была пробита дорога, по которой прошло сорокатысячное войско. Она была видна еще в прошлом веке и известна как «шереметьевская». Победы над шведами отодвинули границу далеко от Ложголово. Места эти стали быстро заселяться — появились новые деревни и разрастались старые, строились православные храмы и часовни.

По преданиям, первоначальная церковь во имя св. великомученика Георгия была построена в Ложголове около 1660 года, в царствование Алексея Михайловича. Она была деревянная с теплым приделом Покрова. Строил ее зажиточный крестьянин по прозвищу Шишимарь. Вследствие неосторожного обращения дьячка с жаровней храм в 1831 году сгорел. После пожара священник Георгиевской церкви Федор Космин (Козьмин) вместе с церковным старостой составили прошение о сооружении в Ложголове более обширной каменной церкви, оно было направлено митрополиту Санкт-Петербургскому, Новгородскому, Эстляндскому и Финляндскому Серафиму, который 22 года с лишним управлял епархией. Владыка Серафим благословил сооружение нового храма в Ложголове 30 сентября 1832 года.

Место для новой церкви было отведено на возвышенности. Деньги на построение дали помещик Николай Александрович Татарин (похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры) и прихожане. Церковь строилась по плану и фасаду архитектора Комарова и была освящена в ноябре 1835 года Гдовским протоиереем Константином Несвицким.

Первоначально она имела другой вид, нежели ныне. Как говорил современник, она была «итальянской архитектуры», что подтверждают чертежи в Центральном государственном историческом архиве Петербурга. Это была прямоугольная в плане базилика, на востоке завершалась полукруглой апсидой, на западе возвышалась колокольня. Архитектурное убранство фасадов было выдержано в стиле классицизма: главный и боковой входы оформлены в виде порталов с треугольными фронтонами, поддерживаемыми круглыми колоннами. Гладкие стены завершались антаблементом с фризом, украшенным траглифами. Над центральной частью возвышался барабан, который имел плоский купол с главою и крестом. Колокольня была прямоугольной и оканчивалась высоким шпилем. Такое оформление храма не было характерно для 18 30-х годов. Очевидно, Комаров, проектируя каменную церковь, исходил из того, чтобы она внешним видом напоминала первоначальную деревянную.

Вид от притвора в сторону алтаря.

Внутри храм разделялся на три части двумя рядами прямоугольных колонн — по три колонны в каждом ряду. Две колонны, ближайšie к притвору, были деревянные и поддерживали хоры. Стены были оштукатурены и побелены, полы — дощатые, выкрашенные желтой краской.

В глаза бросался красивый иконостас, несколько необычный для простой сельской церкви. В архивной описи церковного имущества от 1848 года о нем написано: «Иконостас столярной работы с полукруглыми колоннами. Царские двери, таковой же работы с резьбой и с круглыми в них рамами образов Божией Матери, Архангела Гавриила и четырех Евангелистов. Над царскими дверями — сияние резное, круглое с изображением в нем Всевидающего Ока. По правую сторону царских дверей — образ Иисуса Христа. Южные двери, на них образ Архангела Михаила, и третий образ — Великомученика и Георгия Победоносца. По левую сторону царских дверей: образ Божией Матери с предвечным Младенцем; северные двери, на коей образ Марии Магдалины, а третий — Покрова Божией Матери. Все оныя образа равномерны, писанныя на холсте...»

Сверх Иконостаса над царскими дверями четырехугольная арка... в середине означенной арки обложена полуциркулем рама, в ней образ Тайныя Вечери, а кругом онаго образа, в рамках же, разныя изображения Новаго и Ветхаго завета... Означенный Иконостас с образами, кроме храмового во имя Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Покрова Божией Матери и верхних арок со знаками резными, получен в 1834 году по ходатайству местного священника Феодора Космина из С.Петербургской церкви, что при Воспитательном Императорском Доме». Воспитательный дом для воспитания подкидышей и сирот был основан Екатериной II и долгое время находился под покровительством Императрицы Марии Федоровны. Церковь Апостола

Павла Воспитательного дома в конце XVII века украшали лучшие мастера и художники столицы, главным образом из Академии художеств — ее профессора и академики.

После возведения первая значительная перестройка церкви датируется 1879 годом — по проекту архитектора Григория Соловьева, алтарная часть храма была удлинена на одну ось, сам алтарь приподнят на одну ступень.

К началу XX века село Ложголово разрослось и приход значительно вырос. Христианскому просвещению местных жителей способствовала также построенная в селе деревянная церковь — школа во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В приходе Георгиевской церкви имелись три каменных и пять деревянных часовен. Церковный капитал значительно увеличился, что позволило в 1907—1908 гг. произвести большую перестройку храма, чтобы он мог вместить больше прихожан.

Проект перестройки был выполнен архитектором П. П. Трифоновым; он же руководил строительством. Архитектор, возможно, по желанию прихожан, изменил «итальянский» облик церкви. Ее план, интерьер, фасады были выполнены в русском стиле. На месте бывших боковых входов были устроены боковые приделы церкви, отчего церковь стала крестообразной в плане. Четыре мощных пилона стали основами для поддержки нового большого барабана с высоким лукообразным куполом. Храм обрел пятиглавие, так как над главным куполом появились главки, увенчанные крестами. Классические порталы снаружи исчезли, на паперти было устроено крыльцо в древнерусском стиле. Для большей вместимости была уменьшена площадь алтаря. Деревянные полы заменили на керамические. По стенам и сводам была выполнена живопись.

В таком обновленном облике и встретила Георгиевская церковь потрясения, обрушившиеся на русскую землю. Над нею пронеслись гражданская и Отечественная войны, но она выдержала их как и страшное атеистическое лихолетье 1920—1930 годов. Беда пришла, когда поубавилось молитвенное усердие поредевшего населения. Летом 1965 года из церкви вынесли образа, утварь и книги, погрузив на

грузовую машину, увезли. Жители в это время работали в поле и не смогли воспрепятствовать беззаконию. Здание церкви было отдано под склад и мастерские. Его не ремонтировали, оно начало разрушаться. Недавно церковь была возвращена православному населению деревни Ложголово.

Теперь прихожанам Георгиевской церкви нужно спасти, отремонтировать и восстановить свою разрушающуюся древнюю и любимую церковь. Здесь упование на помощь Божию и весь православный мир. Георгиевской церкви, ее приходу нужен свой, постоянный священник; свой отец духовный, способный повторить подвиг о. Федора Козьмина, поднявшего новый каменный храм после пожарища.

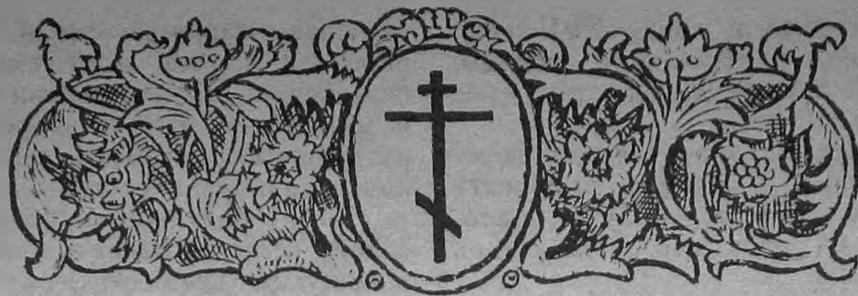
Разоренные архивные документы и предания сохранили имена прежних священнослужителей этой церкви: о. Василий Петров († 1820 г., на 58-м году жизни), о. Федор Козьмин († 1850 г.), о. Петр Кемецкий, о. Николай Павский (построил в 1890-х годах по своему проекту дом для священника).

Последним настоятелем Георгиевской церкви был о. Николай Недренский, сын местного дьякона. В годы гражданской войны он вынужден был уйти в соседнюю Эстонию. В 1940 году вернулся в Ложголово и служил в родной церкви до своей кончины в 1965 году. Ему не успели найти преемника, что также привело к вышерассказанным печальным последствиям.

Престольные праздники в Ложголово происходят в дни: св. Георгия весной 19 апреля (2 мая) и зимой 26 ноября (9 декабря). Особо отмечается также праздник Покрова Пресвятой Богородицы: с ним связано освящение деревянной церкви-школы, ныне превращенной в жилой дом.

Мы проследили историю Георгиевской церкви в Ложголово, в которой отразились и судьбы многих сельских церквей России. За заботами о восстановлении больших храмов в городах и монастырях — нельзя забывать и о скромных сельских церквях, приходах. Ибо, если иссякнут источники православной молитвы среди полей и лесов, то не будет и ее мощной реки. Да не повторяются ошибки тех государственных деятелей, которые пренебрегли селом и в результате получили нынешнее нестроение.

Крестный путь русской православной церкви в 60-е годы XX века

Игумен ИОАНН ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

9.08.62 г. (Четверг)

Скорби увеличиваются. Со вчерашнего дня утром и вечером у входа в ограду храма стоят дружинники-активисты, которые не пускают в храм подростков и родителей с детьми. Сердце разрывается от такого насилия над совестью верующих. Дети плачут, а вместе с ними и родители. О, ужас! И это называется идеологическая борьба. У входа в храм препирательства, плач, стоны и блюстители порядка — милиционеры с оружием. На кого все это? На безвинных и безобидных верующих и главным образом на детей.

В Орске на днях разрушили Никольскую церковь. Это называется «гуманизм» в высшей степени. Кругом стоны и плач, а те, кто причиняет это, остаются безответственными. А наказать бы их следовало. Чем все это кончится, не знаю, но только доброго ожидать нельзя.

17.08.62 г. (Пятница)

Все эти дни «стража» у ворот храма стояла неизменно. Сегодня передышка. Чудо ли это, или просто тайный замысел? Последующие дни покажут. В Оренбургской области предписано священникам не приобщать детей с 3-х летнего возраста до 16 лет. Может быть, это и у нас готовят? Боже, мимо неси чашу сию. Не попусти диаволу лишать младенцев и отроков св. Чаши Господней!

Времена гонений вступают в свою силу. Крепись, христианин! Апокалипсис в действии.

20.08.62 г. (Понедельник)

Едва только передохнули два дня от «стражей» у ворот храма, как снова появились со вчерашнего дня. Теперь уже стояло не два и не три человека, а человек 15. Просто как на штурм, но только не на здание, а на детей. Утром между ранней и поздней произошел целый бунт: верующие начали атаковать

«стражей» со всех сторон так, что те вынуждены были потребовать милицию. Явилось четыре человека милиционеров. Но и их верующие взяли в шквал. После этого матери с младенцами и подростками проходили свободно в храм.

Вечером вчера, когда я проходил в церковь, человек 10 девушек стояло у ворот, собравшись в кучку. Как было противно смотреть на них. Такие молоденькие и торчат там, где не требуется никакая людская помощь.

Огради, Господи, верующих и надеющихся на Тебя. Разрушь, о Всещедрый, все козни лукавого!

ТУЧА УВЕЛИЧИВАЕТСЯ

21.08.62 г. (Вторник)

Каждый день приносит свои печальные вести. У ворот храма продолжают стоять «стражи» детей, принося неизгладимые сердечные боли для матерей и подростков. Какое достойное порицания бессердечие у тех, кто приставлен к этому делу! Их не трогают ни слезы, ни рыдания верующих матерей, ни крики детей! Они находят еще в себе смелость дерзко смеяться и как бы наслаждаться и издеваться над стоном человека. Поистине здесь жестоковейность и огрубелость нравов!

Сегодня вызывали в горсовет старосту. Там были уполномоченный и вся «соль» земли. Главки не только настаивают, но и приказывают членам двадцатки помогать комсомольцам не пропускать в храм детей. Словом, дают в руки топор и повелевают церковному организму рубить под собой сук. Наверное, скоро дойдут до такой гадости, что заставят верующих не пускать в храм самих себя, а священникам прикажут, чтобы они с амвона проповедовали о том, чтобы верующие не ходили в церковь. Да, настали тяжелые времена для верующих!

28.08.62 г. (Вторник)

Неделю назад (22) дедушка был у уполномоченного по поводу творившихся безобразий у ворот храма с детьми. И чего он достиг? — Ничего. Уполномоченный предложил дедушке* от имени горсовета и облисполкома объявить с амвона, чтобы ни родители, ни старики и старушки не водили детей в церковь дошкольного и школьного возраста. Более того, уполномоченный чуть было не угрожал Андрею Андреевичу тем, что отберет у него детей и передаст в интернат. Вот здорово! Родители скоро будут не хозяевами своих детей.

Дедушка* написал доклад Патриарху. Будем ждать от него ответа.

С 28 августа, кажется, снята стража у ворот храма над детьми. Матери с малышами и подростки проходят свободно в церковь. Милость Божия еще охраняет нас грешных.

Сегодня получили от Патриарха телеграмму такого содержания: «Сегодня получил ваш доклад ответ последует на днях».

Интересно, что предпримет Святейший по такому важному вопросу, как участие детей за богослужением?

1.09.62 г. (Суббота)

Дождались ответа от Патриарха. Всецело стал на сторону Владыки. Передал дело в Высшие Правительственные инстанции для соответствующего решения. Как будто бы здесь Патриарх проявил положительную инициативу. Интересно, какое решение вынесет Правительство: поддержит ли оно Патриарха? Выясню на месте.

Печальные вести я услышал от приехавшей из Бузулука женщины. Она рассказала, как преподаватели одной школы в Бузулуке произвели суд над 10-летним мальчиком за то, что он носит крестик. Они посадили его в холодную комнату и не выпускают.

— Сними крестик, тогда выпустим тебя, — так угрожают, вернее «убеждают» борцы атеизма. Ну как тут не удивиться «гуманизму» человека 20-го века. Ведь это настоящее варварство, за которое следовало бы наказать тех, кто нарушает отечественные законы, провозглашенные КПСС.

Когда я вечером шел в храм на молитву, то мне встретились два мальчика-школьника. Один из них, проходя мимо меня, не утерпел и крикнул: «А Бога нет!» Какие страшные слова. И кто их произнес? Тот, кто только что оторвался от сосцов своей матери. Гибнет человечество в паутине неверия и калечит души невинных младенцев. Как это все прискорбно.

28.09.62 г. (Пятница)

На днях одна женщина поведала мне свою скорбь. Живет она на квартире в коммунальном доме, имеет иконы. Верующая. Но как-то пришли к ней люди из уличного комитета и, увидев иконы, предложили ей снять их. А если не снимет, то применят физическую силу и ей будет очень плохо. «Здесь общественный дом, — сказали они, — и икон не должно быть в квартире!» Вот так-то «идейно» убеждают атеисты

верующих. Стыд и позор таким идеалистам. Они совершенно не понимают, как кровно обижают подобными мерами душу верующего человека. Они думают, что иконы — это боги. Совсем рассудок потеряли. Вот и воюют против икон.

19.10.62 г. (Пятница)

Вчера приходила медкомиссия в свечную мастерскую и по ряду недочетов предписала закрыть ее. «У вас, говорят, люди работают без дневного света». Но когда сказали, что мы переведем их наверх, то они ответили: «Знаете ли, здесь в этом районе школа, воздух, мол, портит мастерская». Словом, надо прикрыть. Вот и все аргументы. С этого надо было бы и начинать разговор.

8.12.62 г. (Суббота)

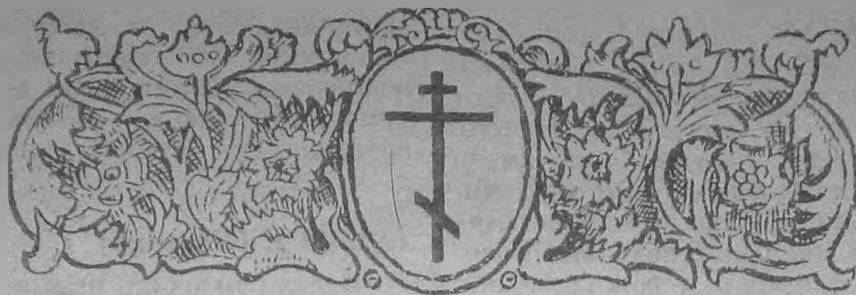
Сколько приходится переживать за те скорби, с которыми встречаются люди верующие в современных условиях жизни. Вчера, например, на исповеди поведали несколько матерей свои скорби: то зять, то сын изломали весь святой уголок в доме и не разрешают верующему человеку держать икону открыто. Таково уважение чувства верующих со стороны атеистов.

Нельзя умолчать и о том, что некоторые из хулителей не остаются безнаказанными свыше. Так (вчера же) женщина, исповедая свой грех, поведала мне, что она в то время, когда ее сын (или зять, не запомнил) изломал иконы в доме, от горести сказала: «Да накажет тебя Господь». И наказание действительно последовало: через несколько дней неожиданно умерла у него дочь, а еще немного спустя сам попал в аварию и умер. И таких случаев много.

20.12.62 г. (Четверг)

На душе тяжело, тяжело. Такое чувство, как будто навсегда потеряна радость. Все это вызвано насильем, ложью и клеветой атеистов, проникнувших до мозгов ненавистью к христианам. Недавно в нашей области закрыли один храм в Подвалье. И все было построено на обмане. Не регистрировали туда священника, а затем приехали на подводах и, предупредив ни церковный совет, ни архиерея, самовольно свалили всю святыню в кучу (разлили св. миро, бросили антиминс и т. п.) и затем отвезли в какую-то церковь. Когда доложили об этом уполномоченному, тот ответил, что, мол, поступили правильно. «Мы ненавидим Церковь!» — таковы его слова. Секретарю Андрею Андреевичу Савину пригрозил, чтобы не очень-то распространялся о событии. Характерно, что закрытие храма относят к самим верующим, мол, сами закрыли. Ну какая ложь! Да, вражда хвостинского все усиливается. Уж не может терпеть и остаток христиан. Боже, укрепи нас в этой неравной битве. Мы немощны, помоги. Вот от этого и тяжело на душе. Лишают христиан всякой радости, не считаясь ни сколько с их нуждами, и потребностями. Словом, насильно и репрессивно хотят загнать в атеизм всех верующих. А что теперь творится в семьях, где какой-либо из них партийный? Вражда. Вот вам и разделение, о котором предсказал Господь.

* Владыка.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин

Идеалы христианской жизни

(продолжение)

Глава I

КАРИНЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

От этих тихих картинок из жизни верующей зажиточной семьи перейдем в московскую Русь, ознакомимся с рассказами дворянина Осоргина о его матери, праведной Иулиании, которой подвиги во время великого русского голода по кормлению народа были выше описаны.

Калистрат Осоргин, побуждаемый сыновними чувствами, видел в своей матери совершеннейший идеал жены по понятию той эпохи, то есть женщину святую, и сохранил о ней память не только в назидание будущим поколениям, но и во свидетельство о своем благородном, любящем сердце.

Его записки о матери представляют любопытное явление в русской древней литературе. Они делают честь нежному чувству этого древнего грамотея, и вместе с тем возстановляют в наших глазах нравственные достоинства древней русской женщины, которая и в тесном кругу своей скромной деятельности могла оказать столь благотворное влияние на своего сына и высоту своих душевных качеств возбудить в нем силу и работу чувства и воображения.

Иулиания была дочерью богатого служилого дворянина Иустина Недюрева. И он, и жена его Стефанида, рожденная Лукина, были нищелюбивы, благочестивы, имели много дочерей и сыновей, много богатства и рабов. Мать свою Иулиания потеряла по седьмому году, и ее взяла к себе в Муром мать ее матери, вдова Лукина, рожденная Дубенская, и воспитывала ее в течение шести лет до своей смерти. Умирая, она завещала своей дочери Араповой взять к себе племянницу. С ранних лет Иулиания отличалась послушанием, смирением и молчанием, стремилась к молитве и посту.

Тетка выговаривала ей за строгость ее жизни, а двоюродные ее сестры над нею смеялись:

— О, безумная, зачем в такой молодости плоть свою изнуряешь и красоту девственную губишь!

Ее чуть ли не насильно заставляли с утра пить и есть. Она старалась без споров, в молчании, отойти от них. Была же кротка, молчалива, не величава, от смеха и всякой игры она удалялась, и, как ее сверстницы ни приглашали на свои игры и песни, она не приставала к их сборищу.

Она любила работу, и то была занята пряжей, то сидела, склонясь, над пальцами; работе она посвящала и большую часть ночи. Она любила обшивать сирот, вдов и бедных, любила, чем могла, помогать нуждающимся и больным. Ближайшая церковь от усадьбы Араповых была в двух верстах. Поэтому в девичестве своем Иулиания ни разу не удалось побывать в церкви.

Как некогда великомученица Варвара, она была наставляема к добродетелям чрез какое-то внутреннее внушение. Не научившись книгам, не наставляемая духовными наставниками, она еще в девичестве соблюла все заповеди и, как бисер драгоценный, светила среди тины. Как ни желала слышать она проповедь о Боге, но в ту пору ее жизни ни разу ей это не удалось. По шестнадцатому году Иулиания была выдана замуж за добродетельного и богатого дворянина Георгия Осоргина, жившаго в пределах Муромского округа. Венчались они в Осоргинской вотчине, селе Лазаревском, в церкви праведного друга Божия Лазаря Четырехдневнаго. Венчал их священник Потапий, впоследствии бывший в Муроме иноком и архимандритом. Этот священник научил молодых супругов страху Божьему, как жить мужу с женою в молитве, посте и милостыне.

У Иулиании были в живых свекор и свекровь. Видя благоразумие снохи, они поручили ей все домашнее хозяйство. Иулиания с детства имела обычай всякий вечер долго молиться и полагать земных поклонов сотню и более, и потом уже отходить ко сну. Приучила она к тому же и своего мужа.

Чистая сердцем, с тяготением к высшим областям духа, Иулиания скорбела, что не выпало ей на долю

девственное житье. Но ее утешали слова: «Можно и в мире, с мужем живя, Богу угодить, и не всяк, постригаясь спасется, но тот, кто сотворит монахов достойное. И кто в мире с женою живет и правит часть законную, лучше пустычника, не весь закон исправившего. Смиранный и добродетельный в мире удивителен».

И, живя в браке, Иулиания часто проводила жизнь иноческую.

Когда Георгия Осоргина вызывали на царскую службу — на два и три года, то, оставшись одна, получив свободу к подвигам, Иулиания проводила все ночи без сна, молясь Богу. Светильник ее не угасал всю ночь. Не отходила она от веретена и пялец и, продавая работу свою, деньги раздавала нищим. Все это делалось ею втайне. Знала об этом только одна маленькая рабыня, с которой она посылала милостыню нуждающимся. Днем ждали ее хлопоты по хозяйству. Как настоящая мать, заботилась она и о вдовах и сиротах; своими руками кормила и поила, омывала и обшивала. Все у нея в доме были одеты и сыты, и каждому она назначала дело по его силе и способности.

При грубости нравов слуг тогда называли и доселе не вышедшими из обихода уничижительными именами: Палашка, Машка, Мишка, Васька, — Иулиания, почитая в людях детей Божиих, никого не называла такими именами. Кроме того, лично для себя она не требовала ни от кого услуг. Никто ей не подавал воды на руки, никто не снимал с ног сапог, все она делала сама. Только, когда приходили гости, тогда служанки по заведенному порядку стояли около нее и служили. Но, по уходе гостей, она корила себя за это, говоря:

— Что я самая убогая, что предстоит мне такие же человеки, создания Божии?

Когда ей приходилось терпеть от непослушания, лености и грубости своих слуг, то она все принимала смиренно и, обвиняя сама себя, говорила:

— Сама я пред Богом всегда согрешаю, а Бог меня терпит. Что мне на них взыскивать, такие же люди, как и я. Хотя и в рабство нам их Бог поручил, но души их больше наших цветут.

Такое расположение к меньшей братии было в ней, потому что помнила эти слова Спасителя: «Не обидьте малых сих, ангелы бо их всегда видят лице Отца Моего небеснаго».

За свою снисходительность к слугам не раз бранили ее свекор и свекровь.

В несправедливых этих обвинениях, она искала утешения в молитве. Вообще же была духом непоколебима, возлагая свою надежду на Бога, на Пречистую Его Матерь и на святителя Николая, которого считала своим покровителем. Эта вера в своего помощника была в ней подтверждена чудесным образом.

Однажды ночью, во время отсутствия мужа, она встала на молитву. Тут дьявол навел на нее сильный ужас. В трепете легла она в постель, крепко укуталась одеялом и заснула. И видит она во сне темное полчище, которое требует от нее прекращения молитв и грозит ей смертью. Тогда возвела она очи свои к Господу и к Пречистой Богородице и воззвала о помощи к святителю Николаю Чудотворцу.

И немедленно явился пред ней святой Николай, держа в руках великую книгу. Он начал бить ею бесов, разогнал их всех, и как дым исчезли они без

следа. Он поднял десницу свою, благословил Иулианию и сказал:

— Дочь моя, мужайся и крепись, и не ужасайся бесовских прельщений, потому что сам Христос повелел мне хранить тебя от бесов и злых людей...

Проснувшись, Иулиания наяву увидела светлого мужа, который, как молния, вышел дверями ее покоя. Она вскочила, пошла за ним, но никого не видала. Притвор был крепко по обычаю заперт.

Когда наступил голод, Иулиания, творя тайную милостыню, стала брать себе пищу для утреннего и полуденного питания, которую и раздавала. Между тем, с детства она ела только дважды в день, и до обеда и между обедом и ужином ничего не ела. Тут свекровь стала говорить ей:

— Радуюсь я, невестушка, что ты чаще стала есть, но дивлюсь, как меняются привычки твои. Когда хлеб был в изобилии, мы не могли тебя приучить к раннему и послеобеденному питанию. Теперь же настал голод, а ты берешь себе и завтрак, и полдник.

— Когда я еще не родила детей, — отвечала Иулиания, чтобы скрыть причину своей жадности, — тогда мне не хотелось есть. А, как пошли у меня дети, я обессилела и не могу досыта наесться. И не только днем, но и ночью мне часто хочется есть, а стыдно просить у тебя.

Слова эти порадовали свекровь, и она стала посылать ей пищу и на день, и на ночь. В доме у них оскудения не было, так как от прежних лет было скоплено много зерна. Иулиания сама не ела посылаемую пищу, а приберегала ее и раздавала нуждающимся.

Исполняла Иулиания дело христианской любви и относительно покойников. Когда кто-то из нищих умирал, она нанимала обмыть его, покупала «умиральные ризы» и посылала на погребение его деньги и потом долго молилась об этих усопших.

Некоторое время свирепствовала в тех местах язва, которой дали название «пострел». Многие боялись заразы и не пускали к себе зараженных пострелом. А Иулиания тайно от свекра и свекрови мыла в бане больных, и Бог ее молитвами помогал им.

В глубокой старости, упокоенные до конца доброй невесткой, скончались свекор и свекровь Иулиании, приняв монашество. И долго устраивала она по ним поминки, питая иноческий чин, нищих, вдов и сирот и сорок дней рассылая милостыню по темницам.

Всего у Иулиании было десять сыновей и три дочери. Четверо сыновей и две дочери померли в младенчестве, а шесть сыновей и одну дочь она воспитала.

Один из взрослых детей был убит рабом, а другой сложил голову на царской службе. Смирненно понесла она эти потери, не вопила и не рвала на себе волос, как делали другие женщины. Но днем поминала детей своих милостынею, а ночи простаивала на молитве, слезно моля Бога отпустить им грехи.

После этих потрясений Иулиания стала умолять мужа отпустить ее в монастырь, и он долгими мольбами отговорил ее, приводя ей выдержки из святых отцов, в которых указано, что родители не могут оставлять неподрoсших детей своих ради монашества.

Согласилась Иулиания с уговором мужа, но просила его не иметь с ней супружеского союза. И, как птица из сетей, вырвалась она к любимым

подвигам, отвергши мир. Воздержание свое она теперь усугубила. Все пятницы проводила вовсе без пищи, затворившись одна в уединенной клетке и там упражняясь в молитве. В понедельник и среды питалась однажды в день сухоядением без вареного. По субботам и воскресеньям ставила в своем доме трапезу духовенству, вдовам и сиротам, и тогда, чтобы не оскорблять гостей, выпивала с ними сама чарку вина. Спала она с вечера только час или два, и отдых ее был жесток. Ложилась она на печи, без постели, кладя под себя дрова острой стороной к телу. Дрова же служили ей и подушкой, а под ребра клала она железные ключи. Немного поспав, вставала она на молитву и проводила в ней всю ночь до заутрени. Потом шла она к заутрене и к литургии, употребляя день на свое хозяйство и на надзор за рабами.

Провинившихся вместо наказания она исправляла поучениями от Божественного Писания. Хотя сама она грамоту не разумела, но любила слушать чтение Божественных книг. И все слышанное усваивала себе, и все непонятное толковала, как премудрый книжник, и любила говорить о том, какими делами можно умолить за себя Бога, и как подражать житию прежних святых. И при этих беседах по иссохшим от подвига ланитам ее катились слезы.

Пораженный воспоминаниями о таких подвигах мирской женщины, описатель жития ее, любящий сын, восклицает:

— И где говорящие, будто в миру нельзя спастись? Не место спасает, но ум и изволение к Богу, Адам и в раю, яко в великом отишьи, утопился, а Лот в Содоме, как в морских волнах, спасся... Скажут, что нельзя среди чад спастись. А вот, блаженная Иулиания и с мужем прожила, и детей рождала, и рабами владела, а Богу угодила, и Бог прославил ее.

Так десять лет прожила Иулиания с мужем, как монахиня. Муж скончался, и долгими ночами молила Иулиания Господа о душе супруга своего: поревновала, говорит составитель жития ее, Иулиания благочестивой Феодоре царице и прочим святым женам, которые по смерти о мужьях своих Бога умолили...

«И с того времени пост к посту приложила и молитву к молитве, и к слезам слезы и милостыню паче меры показала».

Случалось, что ни одной серебряницы в доме ее не оставалось, и она занимала и обычную милостыню нуждающимся подавала, и ежедневно ходила в церковь на молитву. При наступлении зимы выпрашивала Иулиания у детей своих на теплые одежды, но и то все раздавала нищим, сама же оставалась без шубы. Сапоги надевала она на босые ноги и под подошвы вместо стельки — орехи, скорлупу и острые черепки подкладывала для удрочения тела.

— Что в такой старости тело свое томишь? — говорили ей знакомые.

— Разве не знаете, — отвечала старица, — что тело душу убивает? Убью сама тело мое и порабощу его, да спасется дух мой... не достойно страдание нынешнего века против будущей славы... Сколько усохнет тела моего, того же не будут есть черви в оном веке.

Было ей и таинственное указание того, насколько угодна молитва ее к небесам. Настала как-то такая стужа, что земля трескалась от мороза, и Иулиания оставалась молиться дома. И был голос священнику

(продолжение следует)

в той церкви праведного Лазаря от иконы Богоматери: «Иди и рцы милостивой вдове Иулиании — ради чего не приходит в церковь? И домашняя ее молитва приятна, но церковная выше. Почитайте Иулианию: Дух Святой почивает на ней...»

И, когда по зову священника, Иулиания пришла в церковь и со слезами молилась и прикладывалась к иконе Богоматери, тогда великое благоухание распространилось по церкви и по всему селу. И стала Иулиания уже ежедневно ходить в церковь на молитву.

Была в ее доме «отходная хранина» для дальних гостей. Туда по вечерам удалялась она для молитвы. Однажды стало страшать ее там бесовское полчище, и она позвала снова на помощь заступника своего Николая Чудотворца. И явился ей вдруг святитель с великой палицей в руке и разогнал бесов. Была же им вообще она страшна, потому что, не переставая, творила Иисусову молитву, не выпуская из рук четок: ела ли она, или пила, или что делала.

Сын свидетельствует, что даже во время сна ее уста шевелились, и грудь вздымалась молитвенными вздохами, и во время сна рука передвигала зерна четок.

Выше было рассказано о подвигах Иулиании во время великого голода.

Перед преставлением своим она заболела двадцать шестого декабря, и была больна шесть дней. Но болезнь ее была особенная. Днем она лежала на постели и творила, не переставая, молитву, а ночью сама вставала и молилась, никем не поддерживаемая. И рабыни говорили:

— Не вправду хворает: днем лежит, а ночью встает и молится.

— Что вы осуждаете меня, — говорила она, — разве не знаете, что от больного Бог ждет молитв?

На рассвете второго января 1605 года позвала она своего отца духовного Афанасия и приобщила животоворящих Тайн Тела и Крови Христовы. Села она на одре своем, позвала детей и рабов, и всех крестьян села своего, наставляя их любви, молитве, милостыни, прибавила о том, о чем мечтала с юности, и что ей не далось: «Желанием возжелала я великого ангельского образа еще от юности моей, но не сподобилась по грехам моим. Так угодно было Богу, слава праведному суду Его».

Велела Иулиания раздуть кадило и вложить в него ладан, простилась со всеми, легла, трижды перекрестилась, обвила четки около руки и сказала последнее слово: «Слава Богу за все. В руце Твои предаю дух мой. Аминь».

И видели все в час разлучения души ее от тела на голове ее золотой венец и белое покрывало. Положили ее в клеть. В ночь все видели горящие свечи, и весь дом наполнился благоуханием.

Все это происходило в Нижегородской вотчине, и ночью она явилась одной рабыне с приказом, чтобы везли ее в пределы Муромы и погребли у церкви святого Лазаря друга Божия, подле ее мужа. Многотрудное тело ее положили в дубовый гроб и похоронили в Лазаревской церкви.

Когда хоронили сына ее Георгия, то, копая ему могилу, нашли тело Иулиании, кипящее благовонным миром.

Вот, правдивое житие мирской праведницы времен московской Руси.